

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
БУРЯТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Монография

Научный редактор

Д. Ш. Цырендоржиева, д-р филос. наук, проф.

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2018

УДК 141
ББК 87.751.4
П 781

Утверждено к печати
редакционно-издательским советом
Бурятского государственного университета

*Монография выполнена при поддержке гранта на проведение
инициативных научных исследований Бурятского государственного университета 2018 г.
«Гармония межкультурных отношений в Байкальском регионе как залог
национальной безопасности» № 18-16-0502*

Авторы: К. А. Багаева (разд. 4, заключение); М. В. Бадмаева (разд. 3);
О. Б. Бальчиндоржиева (разд. 6, введение); В. В. Корягин (разд. 2);
К. В. Лугавцов (разд. 5); О. М. Манжуева (разд. 1); Л. Г. Сандакова (разд. 7);
Д. Ш. Цырендоржиева (разд. 2, 5); Э. Д. Чагдурова (разд. 6).

Рецензенты:

Л. И. Иванкина, д-р филос. наук, проф., Национальный
исследовательский Томский политехнический университет
О. Б. Истомина, д-р филос. наук, доц., заведующий кафедрой
социально-экономических дисциплин Педагогического института,
Иркутский государственный университет
И. И. Осипский, д-р филос. наук, проф. кафедры философии,
Бурятский государственный университет

П 781 **Проблема безопасности в современных условиях:** монография / науч. ред.
Д. Ш. Цырендоржиева. — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета,
2018. — 220 с. ISBN 978-5-9793-1275-0

В монографии раскрыты основные аспекты национальной безопасности в современных условиях. Выявлены основные тенденции в развитии институтов гражданского общества в современной России для обеспечения национальной безопасности. Показана сущность информационной безопасности и предложено ее авторское определение. Предложены меры противодействия коррупции, условия оптимизации межнациональных и межконфессиональных отношений.

Издание предназначено для всех интересующихся философской проблематикой.

Contemporary security issues: monograph / sci. ed. D. Sh. Tsyrendorzhieva. — Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2018. — 220 p.
ISBN 978-5-9793-1275-0

The monograph examines the main aspects of national security. It analyzes major tendencies in the development of civil society institutions in contemporary Russia. It offers understanding of the concept 'information security' and elaborates on the nature of information security. The volume also offers means of countering corruption, measures to optimize inter-ethnic and inter-religious relations.

The monograph is intended for all audiences interested in socio-philosophical issues.

DOI 10.18101/978-5-9793-1275-0-2018

УДК 141
ББК 87.751.4

© К. А. Багаева (разд. 4, заключение); М. В. Бадмаева (разд. 3);
О. Б. Бальчиндоржиева (разд. 6, введение); В. В. Корягин (разд. 2);
К. В. Лугавцов (разд. 5); О. М. Манжуева (разд. 1); Л. Г. Сандакова (разд. 7);
Д. Ш. Цырендоржиева (разд. 2, 5); Э. Д. Чагдурова (разд. 6), 2018
ISBN 978-5-9793-1275-0 © Бурятский госуниверситет, 2018

Введение

Современная кризисная ситуация проявляется в рассогласованности естественной, техногенной и социальной составляющих бытия и предстает как конфликт между тремя мирами: природным, предметным и социальным, порождающий множество локальных и глобальных угроз. Именно поэтому авторский коллектив обратился к философии безопасности, изучающей проблемы безопасности современной цивилизации, процесс развития которой происходит в условиях обостряющихся локальных опасностей и перерастающих в глобальные угрозы.

В этих условиях создание коллективной монографии, освещающей проблемы национальной, государственной и международной безопасности явилось с одной стороны, задачей востребованной, а с другой — весьма сложной. Актуальность объясняется необходимостью проанализировать и сопоставить международную и национальную (к формам которой относят политическую, экономическую, духовную, финансовую, продовольственную, информационную, этнокультурную безопасность) безопасность для выявления общего и особенного, а также перспектив дальнейшего развития. Сложная — потому что любая попытка обобщения и систематизации знаний в данной области не может осветить весь спектр проблем и перспектив. Авторский коллектив полностью отдает отчет в том, что невозможно «объять необъятное», принципиально важным является вопрос о расстановке правильных акцентов исследования. Междисциплинарный подход к изучению обозначенной проблемы требует системного осмысления процессов, происходящих в данной сфере экономики с точки зрения раз-

ных дисциплин — политологии, социологии, экономической науки, международных отношений и мировой политики.

В монографии уделяется внимание таким темам как онтологические, гносеологические, аксиологические и социально-философские аспекты национальной безопасности, информационная безопасность как компонент национальной безопасности, коррупция как угроза государственной безопасности, межэтнические и межконфессиональные отношения в российском обществе как основа и как угроза национальной безопасности.

Коллективная монография составлена в виде результатов научных исследований, предлагающих возможные ответы на обозначенные выше вопросы.

Раздел 1

Информационная безопасность как компонент национальной и всеобщей безопасности

В период бурного роста применения информационных технологий во всех сферах жизнедеятельности, успешное решение проблем в области информационной безопасности предполагает более эффективную деятельность в процессе обеспечения национальной безопасности. Кроме того, от успешного разрешения вопросов данной области зависит обеспечение глобальной общемировой безопасности.

В Доктрине информационной безопасности РФ под информационной безопасностью Российской Федерации понимается состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства¹.

Концепция информационной безопасности Российской Федерации, представляющая собой официально установленную точку зрения на вопросы формирования условий устойчивости информационной среды, заявляет, что информационная безопасность несет ключевую функцию в обеспечении первостепенных интересов Российской Федерации, так как исключительно информационная среда служит каналом реализации угроз национальной безопасности во всех областях деятельности государства². На наш взгляд, решение проблем информационной безопасности является актуальнейшей задачей для современного общества в контексте обеспечения национальной безопасности государства. Определение места информационной безопасности в системе факторов национальной безопасности государства, исследование ее основных задач и направлений функционирования является важным этапом выработки ее эффективной стратегии. Рассмотрим узловое

¹ Доктрина информационной безопасности РФ [Электронный ресурс] / Совет безопасности РФ. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/5.html> (дата обращения: 25.10.2013).

² Концепция информационной безопасности Российской Федерации // Информационное общество. 1995. Вып. 6. С. 54.

значение вопросов информационной безопасности страны в системе национальной безопасности государства.

Национальная безопасность, или государственная безопасность, есть защищенность интересов личности, общества и государства от различных угроз во всех сферах жизнедеятельности¹. Мы согласны с мнением А. В. Тонконогова о том, что обеспечение национальной безопасности является одной из приоритетных задач, поставленной перед государством². Система обеспечения национальной безопасности сегодняшнего дня — это сложная многоуровневая функциональная система, включающая в себя органы, силы, средства для решения задач по обеспечению национальной безопасности. В данной системе основными субъектами безопасности являются государство, органы законодательной, судебной и исполнительной власти, которые определяют критерии обеспечения его национальной безопасности, то есть границы техногенных, политических, социальных, природных явлений, нарушение которых может нанести возможный ущерб нации. На практике национальная безопасность по конкретным сферам жизнедеятельности³ подразделяется на пять видов безопасности: экономическую, социальную, военную, информационную и экологическую.

Формирование парадигмы национальной безопасности началось в период зарождения государств, когда сложившиеся исторические условия диктовали необходимость заботы о выживании. Учение Т. Гоббса гласит, что для обеспечения мира и окончания войны граждане должны подчиниться могущественному суверену, который будет в условиях конституционной монархии правителем, или в условиях демократии граждане должны сохранять свой внутренний мир, жизнь и собственность от всякого рода опасности⁴. И. Кант, в свою очередь, определял безопасность государства

¹ Общая теория национальной безопасности. М.: РАГС, 2002. С. 11.

² Тонконогов А. В. Информационно-психологическая безопасность в системе духовной безопасности современной России [Электронный ресурс]. URL: www.sowetnik.ru (дата обращения: 23.06.2011).

³ Возженников А. В., Прохожее А. А. Государственное управление и национальная безопасность России. Москва: РАГС, 2001. С. 20; Возжеников А. В., Глебов И. Н., Золотарев В. А. Основные концептуальные положения национальной безопасности России в XXI веке. М.: ЭДАСПАК, 2000. С. 38.

⁴ Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2. 736 с.

как модель «постоянного мира», как моральную норму, присущую всем здравомыслящим людям¹. По его убеждению, просвещенный политический порядок должен перестроить национальные интересы и подчинить их международному праву. Г. Гроций, в контексте усиления роли закона международных институтов, допускал мысли о сравнении государств в борьбе за свою безопасность с гладиаторами на арене². По нашему мнению, данные теории по-прежнему не теряют своей актуальности, более того, их принципы заложены в основе современных концепций безопасности. Концепция национальной безопасности сегодняшнего дня — это политический документ, задающий государству курс осуществления политики безопасности.

В данном ключе важно отметить существенно возрастающую роль защиты на государственном уровне ценной информации и управления информационными взаимодействиями в процессе обеспечения национальной безопасности. На наш взгляд, с осознанием возможности нанесения ущерба интересам государства, общества и человека при информационном обмене с помощью определенных средств информационных коммуникаций берет свое начало информационная безопасность. Примеры информационного воздействия проявляются уже в преданиях Нового завета, стремление манипулировать сознанием и поведением других людей становится естественной частью жизни человека испокон веков, на нем выстроены мораль, отношения в семье, государстве. Необходимость научного анализа информационных отношений, включающего специфику методов защиты информационных интересов, явилась началом формирования процесса обеспечения информационной безопасности.

Корни информационного противоборства лежат глубоко в истории, оно наиболее ярко проявляется в моменты политического и военного противостояния. В VI–V веках до нашей эры древнекитайский полководец Сунь-Цзы изложил ряд информационно-интеллектуальных приемов ведения военных действий, которые

¹ Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. М.: Наука, 1978. С. 340–379.

² Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Ладомир, 1994. С. 870.

сохранили свою актуальность сегодня и стали определенным методическим базисом, заложенным в основу современной политики и дипломатии. В основе концепции Сунь-Цзы лежит теория управления врагом: «его заманивают в ловушки выгодой, лишают храбрости, ослабляя и изматывая перед атакой»¹. В XVI веке итальянский мыслитель Николо Макиавелли сформулировал информационно-психологическую концепцию государственной власти, где изложил основополагающие принципы внедрения информационного противоборства в политической сфере². Кроме того, история богата примерами проведения крупных информационно-пропагандистских акций, классических вариантов дезинформации народа глобального масштаба, сыгравших свою роковую роль.

Наиболее активное развитие информационные экспансии и информационное оружие получили в XX веке, здесь особое место в приемах атакующего воздействия приобретает информационная пропаганда. Первым в мире лидером по созданию и применению информационных средств поражения становятся Соединенные Штаты Америки: вторжения в Гренаду, в Панаму, война в Югославии, боевые действия в районе Персидского залива, борьба с терроризмом. На наш взгляд, уже неопровержимо мнение, что в XXI веке приоритет в вооружении стран будет направлен на приобретение информационного превосходства, нежели на увеличение количества авиа- и бронетанковой техники, как когда-то в XX веке. Информационно-компьютерные системы, коммуникационные технологии теперь основные поражающие методы и средства в современной войне.

В настоящее время в научной литературе сформировалось два методологических направления, изучающих возникновение феномена информационная безопасность. Одна группа специалистов — тесно связывает развитие информационной безопасности с информационными революциями в истории человеческой цивилизации³.

¹ Сунь-Цзы. Искусство войны. М.: Эксмо, 2011. С. 10.

² Николо Макиавелли. Государь. М.: Олма Медиа Групп. 2011. 512 с.

³ Артамонова Я. С., Артамонов П. А. Информационная безопасность и информационные коммуникации // Т-Сomm — Телекоммуникации и Транспорт. 2012. № 4. С. 69–70; Шамсуев М.-Э. Х. Теоретические аспекты изучения информационной безопасности // Теория и практика общественного развития. 2010. № 2.

Данный подход подразумевает, что уровень безопасности общества определен качеством и объемом информации, доступной социуму, а так же альтернативой ее непосредственного приложения.

Второй подход, предложенный в свое время В. Н. Лопатиным¹, предполагает, что в истории человеческой цивилизации появление категории «информационная безопасность» связано с возникновением средств информационных коммуникаций и осознанием человеком возможности нанесения ущерба собственным интересам или интересам социальной системы посредством информационного обмена². В рамках этого подхода, становление информационной безопасности с точки зрения развития технологий защиты разделяют на несколько этапов.

Первый этап определяется периодом до 1816 года, он связан с естественным стремлением человека и общества защитить информацию о каких-либо данных, обладающих уникальным значением. Второй этап применения информационно-коммуникационных технологий в процессе обеспечения информационной безопасности начинается с 1816 года, он характеризуется движением от физической защиты информации к созданию технических средств. Третий этап в создании технических методов информационной безопасности начинается с 1935 года, он связан с применением радиолокационных и гидроакустических средств. С 1946 года начинается четвертый этап решения задач информационной безопасности с помощью электронно-вычислительных машин. Пятый шаг в развитии технических средств информационной безопасности связан с созданием локальных информационных сетей в период с 1965 года. Следующий этап развития информационной безопасности (с 1973 года) характеризуется применением сверхмобильных коммуникационных механизмов, решающих высокотехнологичные задачи. Седьмой этап начинается с 1985 года

С. 322; Хитарова И.Ю. Философско-культурологический анализ информационной безопасности культурного наследия: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб. 2008. 33 с.

¹ Лопатин В.Н. Информационная безопасность России: Человек, общество, государство. М.: Фонд «Университет». 2000. 428 с.

² Информационная безопасность. Актуальные проблемы безопасности социума. М.: Оружие и технологии. 2009. 256 с.

прошлого столетия, он связан с развитием глобальных информационных сетей и космических разработок. Очередной этап информационной безопасности, как показывает практика, будет протекать на базе новейших информационно-коммуникационных технологий с широким спектром возможностей, осуществляемым посредством глобальной сети и космических систем¹. Мы убеждены, что данный этап потребует формирования глобальной системы информационной безопасности для решения задач человечества под эгидой международного взаимодействия.

На наш взгляд, описываемый подход к изучению проблемы развития информационной безопасности наиболее глубоко и точно передает историю ее становления. Представленная классификация детально отражает процесс совершенствования информационных воздействий, угроз потенциального и реального характера, который вызвал в человеческом обществе трансформацию идей информационной безопасности, развитие методов и средств обеспечения информационной защиты от возникающих опасностей.

А. В. Манойло описывает четыре наиболее существенных сегмента информационно-технических опасностей в современном обществе на сегодняшний день². Первый — это создание информационного оружия в виде не только фармакологических средств, но и психотропных генераторов, которые оказывают эффективное воздействие на психику и сознание людей, а также и на инфраструктуру общества в целом. Следующий сегмент представлен в качестве нового класса преступлений, основанных на использовании информационных технологий. Третий сегмент проявляется в виде электронного контроля над человеком, его интересами, работой, свободным временем, основанный на возможности удобного доступа к систематизированной и обработанной информации о конкретном человеке, хранящейся и отслеженной в информационных системах и компьютерных сетях. Последний сегмент обусловлен использованием информационных технологий в политических целях, он выражается, прежде всего, в доминирующей роли

¹ Манойло А. В. Государственная информационная политика в особых условиях. М.: МИФИ, 2003. 388 с.

² Манойло А. В. Технологии не силового разрешения современных конфликтов. М.: Горячая линия-Телеком, 2008. 392 с.

средств массовой информации при формировании общественного мнения и тем самым влияет на ход политических процессов, функционирование механизмов власти. В результате чего возникает реальная опасность утраты «информационного порядка», означающего справедливость и равноправие в информационном обмене мирового масштаба. Таким образом, проблема обеспечения защиты безопасности субъектов информационных отношений, а также их интересов при использовании информационных и управляющих систем возрастает.

Жизненно важные интересы субъектов общества заключены, прежде всего, в сохранении конфиденциальной, персональной, экономической, политической и касающейся других сторон деятельности информации от неправомерного ее использования: фальсификации, разглашения, незаконного тиражирования и уничтожения. При выработке подходов к обеспечению безопасности на первый план, с нашей точки зрения, выходит защита всех категорий субъектов от нанесения морального, материального или иного вреда в результате преднамеренных или случайных воздействий. В этой связи проблема обеспечения информационной безопасности приобретает особую актуальность.

Мы согласны с точкой зрения, что в современном социуме информационная сфера делится на две составляющие: информационно-техническую (искусственно созданный человеком мир техники и технологий и т. п.) и информационно-психологическую (естественный мир живой природы, включающий и самого человека)¹. Соответственно, в общем случае информационную безопасность общества можно представить двумя составными частями: информационно-технической безопасностью и информационно-психологической безопасностью².

¹ Поздняков А. И. Информационная безопасность // Безопасность. 1992. № 6. С. 14-23; Тонконогов А. В. Информационно-психологическая безопасность в системе духовной безопасности современной России // Власть. 2010. № 6. С. 53-56; Возжеников А. В., Глебов И. Н., Золотарев В. А. Основные концептуальные положения национальной безопасности России в XXI веке. М.: Эдаспак, 2000. 48 с.

² Манойло А. В., Петренко А. И., Фролов Д. Б. Информационно-психологическая безопасность // Безопасность информационных технологий. 2004. № 1. С. 17-21.

Принципиальное различие указанных частей информационной безопасности кроется в трактовке понятия «информация», в системе информационно-технической безопасности под термином «информация» понимаются «данные» в качестве исчисляемого ресурса¹. В системе информационно-психологической безопасности под «информацией» имеют в виду совокупность ценностных ориентаций, познавательных способностей и эмоциональных переживаний². Так, в процессе организации информационной безопасности вводят два сектора: технический, состоящий из компьютерных систем и телекоммуникационных сетей, и сектор, включающий психологические категории, такие как общественное мнение, ценности, чувства и эмоции, составляющие сферу психологической безопасности.

Информационно-психологическая безопасность — это защищенность от ущерба национальных информационных ресурсов, а также психического здоровья человека и общества в качестве главной национальной ценности³. Подчеркнем главную причину введения информационно-психологической безопасности в качестве составной части национальной безопасности. Основным объектом защиты в данном случае выступает общественное сознание населения. Оказанное информационно-психологическое воздействие посредством технологий контроля и манипулирования общественным сознанием вызывает дисфункциональные процессы, препятствующие оптимальному функционированию государственных институтов.

Данная проблема становится особенно актуальной в связи с возникновением принципиально новой системы внешних и внутренних угроз общества и личности... их внутренней психологической безопасности, отличной от принятого понимания агрессора⁴.

¹ Левин В. К. Защита информации в информационно-вычислительных системах и сетях / В. К. Левин // Программирование. 2004. № 5. С. 5-16.

² Манойло А. В., Петренко А. И. Информационно-психологическая безопасность современного информационного общества // Стратегическая стабильность. 2003. № 3. С. 59-64.

³ Тонконогов А. В. Информационно-психологическая безопасность в системе духовной безопасности современной России // Власть. 2010. № 6. С. 54.

⁴ Чижик П. И. Духовная безопасность российского общества как фактор военной безопасности государства: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М. 2000. С. 4.

Духовная сфера современного общества в качестве объекта обеспечения национальной безопасности имеет основные аспекты защиты. К ним относят национальную культуру, науку, искусство, образование, а также средства массовой информации, служащие обществу основным источником предоставления продуктов духовной культуры. В целях защиты духовной сферы необходимо формирование системы защиты от деструктивного воздействия на общественное сознание с помощью методов информационно-психологического противоборства.

Здесь в качестве основного средства воздействия на человека выступает использование нематериального оружия, которое применяет методы манипулирования человеческим сознанием с целью латентного управления и деморализации личности. Информационно-психологические противоборства способны преодолеть все физические ограничения видов оружия, то есть они всепогодны, сохраняют поражающий эффект на протяжении длительного периода, при этом не требуя высоких материальных затрат. Основной стратегической задачей этой войны является нарушение общественных информационных ресурсов и воззрений людей на окружающий мир и самих себя.

Кроме того, важной проблемой защиты духовной безопасности, составляющей основу духовной жизни общества, на наш взгляд, является культивирование мнимых ценностей, насаждение деструктивных приоритетов, задач и целей перед обществом и отдельной личностью. В связи с всеохватывающей властью информации все перечисленное осуществляется посредством таких приемов, как лишение права на выбор получаемой информации и дезинформирование населения. На наш взгляд, прав И. А. Василенко, утверждающий: «Стало очевидно, что именно информационные воздействия способны изменить главный геополитический потенциал государства — национальный менталитет, культуру и моральное состояние идей»¹. Эффективное пропагандистское воздействие строится на базе знаний о психологии толпы, нейролингвистической психологии, методах манипуляции и медиапсихологии. Данные направления отражают современные механизмы пропаганды,

¹ Василенко И. А. Геополитика современного мира. М.: Гардарики. 2006. С. 7.

убеждающие или манипулятивные технологии. Мы особо выделяем то, что блокирование воздействий описанных технологий осуществить очень сложно, возможность противостоять им может быть реализована лишь при высоком уровне эмоциональной устойчивости и личностной психорегуляции. Оттого среди многообразия объектов обеспечения информационно-психологической безопасности центральным структурным элементом информационного воздействия выступает человек, индивид. Как актуальнейший вопрос настоящего времени возникает проблема информационно-психологической безопасности личности. Таким образом, в условиях кардинальной информационно-технологической трансформации современного общества принципиальную важность, как в прикладном, так и в теоретическом плане приобретает поиск способов психологической защиты личности.

Информационно-психологическую безопасность личности понимают как защищенность психики от разнообразных действий информационных факторов, затрудняющих развитие и адекватное функционирование информационно ориентированной основы действий человека, а также системы его субъективно-личностных отношений к самому себе и окружающему миру. В сфере информационно-психологической безопасности выделяют следующие типы источников информационно-психологического воздействия на личность:

- государство, в виде органов власти и различных государственных учреждений;
- общество, в виде общественных, экономических и других организаций, социальные группы;
- отдельные личности самого различного характера и уровня¹.

Таким образом, в обобщенном смысле, в качестве указанных средств информационно-психологического воздействия можно представить средства массовой информации, воспитание, образование, литературу, искусство и личное общение.

¹ Грачев Г. В. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты [Электронный ресурс]. URL: <http://bookap.info/psywar/grachev> (дата обращения: 14.04.2012).

Мы убеждены в том, что информационную безопасность необходимо выделить как одну из важнейших составляющих системы национальной безопасности. Информационная безопасность является отдельной составляющей, но в то же время тесно переплетающейся со всеми видами безопасности, и от уровня ее обеспечения зависит успешное функционирование всех других видов безопасности. Именно сейчас, в период бурного роста объемов применения информационных технологий во всех сферах жизнедеятельности, успешное решение проблем в области информационной безопасности предполагает более эффективную деятельность в процессе обеспечения национальной безопасности. Остановившись на наиболее важных вопросах с точки зрения безопасного развития, выделим ее роль в процессе обеспечения каждого вида безопасности в системе национальной безопасности, одна из которых — оборонная безопасность.

Военная безопасность общества сегодня всецело обеспечена за счет внедрения информационных технологий. Системы критических приложений государства, которые составляют средства вооружения и системы управления, обладают высочайшей степенью компьютеризации, отчего уровень их уязвимости от воздействия информационного оружия повышается как в мирное, так и в военное время. С. П. Расторгуев говорит о новом типе войны, основанной на скрытых и открытых воздействиях между информационными системами, иначе говоря, войны информационных технологий и алгоритмов¹. Действительно, использование информационных ресурсов в качестве методов и форм оружия теперь определяет эффективность атак и противодействия. Суть информационной войны заключается в борьбе информации с информацией. По определению Э. Тоффлера, мировая битва за власть сосредоточена в контроле над знаниями². Прав С. П. Расторгуев, что военные действия достигают глубин цивилизации, духовной сферы, основополагающих ценностей. Более того, С. П. Расторгуев доказывает, что в случае быстрого перепрограммирования массового сознания нации в процессе информационной войны наиболее эффек-

¹ Расторгуев С. П. Информационная война. М.: Радио и связь, 1998. 416 с.

² Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М.: АСТ, 2001. С. 43.

тивными становятся приемы, содержащие окраску эмоциональную, например, массовая культура, религия и искусство. По нашему мнению, применение подобного программирования в процессе распада СССР стало определяющим. Таким образом, информационное воздействие целенаправленного характера на носителей духовных ценностей в лице человека, государства и всего человечества не остается без последствий. Результатом вторжения в духовную сферу является уничтожение культур, ведущее к кризису развития человеческой цивилизации¹.

Поскольку общество является целостной системой, элементы которой упорядочены и взаимообусловлены², для разрушения подобной органичной социальной системы требуется уничтожение или нарушение значимых связей между ключевыми элементами, ведущих к хаотичному состоянию. Согласно синергетической концепции, понятие самоорганизации выдвигается в качестве диссипативной структуры, подверженной влиянию внешней среды³, иначе — информационным воздействиям. В данном случае наиболее эффективными окажутся те информационные воздействия, которые активизируют механизмы саморазрушения в периоды бифуркации, то есть в период особой неустойчивости социальной системы. Указанное свойство заложено в основе принципов ведения информационной войны. В итоге мы приходим к выводу, что обеспечение безопасности государства в оборонной сфере обусловлено уровнем защиты информационной безопасности.

Следующим аспектом национальной безопасности является экономическая безопасность. Новый вид информационной экономики является результатом развития возможностей информационных технологий, роста потребностей населения в информационных услугах и формирования глобальных информационно-телекоммуникационных систем. Он включает производство информационной техники, коммуникационных средств и технологий передачи данных, предложение информационных услуг и произ-

¹ Расторгуев С. П. Информационная война. М.: Радио и связь, 1998. 416 с.

² Цырендоржиева Д. Ш. Системный метод исследования общества. М.: Спутник+. 2002. С. 111.

³ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986. 432 с.

водство информационных продуктов. Роль информационной экономики велика, поскольку влияет на все аспекты общественного развития¹. Особое значение приобретает развитие информационной экономики в геополитике государств, поэтому становится стратегически важным течением в социально-экономическом развитии любой страны, требующее к себе первостепенное внимание на всех уровнях. Как показывает история, технологические и экономические лидеры мира добились своего могущества благодаря вложениям в потенциал информационной экономики. Мы констатируем, подобная практика подтверждает идею о том, что экономическая государственная безопасность немыслима без прогрессивной информационной экономики.

В свою очередь, формирование глобального информационного пространства, в основе которого находится компьютерная сеть, ставит перед государством ряд серьезных вопросов в процессе обеспечения экономической безопасности. Данные проблемы относятся к методам и технологиям защиты информационных ресурсов, концентрирующихся в информационных сетях. Эта ситуация связана с формированием информационной политики государства по обеспечению защищенности жизненно важных интересов страны в области информационной безопасности.

Неоспорим тот факт, что степень актуальности проблем методов защиты применяемых информационно-телекоммуникационных технологий значительно возрастает. Значимость информационно-коммуникационных систем во всех сферах общественной жизни повышается, при этом важным аспектом, сопровождающим данную тенденцию, становится обеспечение бесперебойного функционирования информационных систем, гарантий хранения содержащейся в них информации, не противоречащей законным правам и интересам, как отдельных граждан, так и государства в целом. Сегодня вполне очевидно, что сбои и ошибки в исправной работе информационных систем управления различными видами перевозок и движения транспорта связаны с колоссальными потерями и материальным ущербом. На этом основании мы приходим

¹ Drucker P. F. The Age of Discontinuity. Guidelines to Our Changing Society. London: New Brunswick (US). 1994. P. 370.

к выводу о том, что звенья информационной безопасности становятся узловыми для экономической безопасности государства.

Следующая важнейшая проблема связана с обеспечением социальной безопасности общества. Данная область предполагает защиту в социальной сфере интересов народа и страны, формирование общественных структур и социальных отношений, системы жизнеобеспечения, образа жизни людей, отвечающего требованиям прогресса современного общества.

Возможности информационных технологий сегодня позволили значительно повысить эффективность воздействия информационных средств на психику и сознание людей, обеспечили новыми методами и приемами скрытого манипулирования. Человек — главная цель информационного механизма управления. Угроза дегуманизации приобрела столь реальные очертания, что в структуре современных ценностей в качестве главнейшей ценности стала выступать сама жизнь человека¹. Государственно-правовая защищенность человека от физических посягательств, как правило, выше, чем от нападков на психику, душу людей. Правовая сфера часто отстает от процессов общественного развития, а в духовной сфере это отставание в уровне защищенности, стало просто катастрофическим. На наш взгляд, слабая правовая защищенность психики, сознания людей является существенным изъяном правовой системы.

Искаженные методы использования информационных технологий привели к деформационным изменениям социальной сферы. Прежде всего, это выражено в побуждении социального расслоения общества посредством распределения информационных услуг и благ, диссоциации институтов, направленных на развитие личности, подстрекательстве к расколу на основании этнической, национальной идеологии и т. п. Прав Р. Г. Яновский, говоря о том, что в социальной сфере российского общества последствия указанной информационной агрессии весомо проявляются².

¹ Кочергин А. Н. Философия и глобальные проблемы. М.: РОУ, 1996. С. 203.

² Яновский Р. Г. Глобальные изменения и социальная безопасность. М.: Academia. 1999. 358 с.

В данном контексте необходимо отметить ряд возможностей и технологий воздействия на сознание общества и конкретного человека масс-медиа. Средства массовой информации находятся в сфере особых интересов, так как в гражданском обществе они выступают как важнейший инструмент взаимодействия трех ветвей власти и регулирования их отношений с гражданами. Основная функция средств массовой информации заключается в реализации возможности способствовать максимальной прозрачности деятельности всех структур власти и гласности политического процесса. На наш взгляд, в современной ситуации новые информационные и коммуникационные технологии оказывают серьезное воздействие на распространение и доставку информации и доступ к ней. Речь идет о глобализации массовой информации и демассификации. Эти обстоятельства открывают новые горизонты, существенно меняют коммуникативный пейзаж. В этой связи роль средств массовой информации с точки зрения функционирования гражданского общества повышается.

Мы убеждены в том, что для гражданского информационного общества необходима среда, позволяющая формировать оценки деятельности правительства, общественных организаций, экономики, социальных институтов. Средства массовой информации являются во многом важнейшим элементом информационного общества. Оставаясь главным инструментом формирования и развития общественного мнения, они устанавливают повестку дня — социальную, общественную и культурную, являются важным фактором публичности. По существу сегодня средства массовой информации — единичная структура, удовлетворяющая информационные потребности населения в последних новостях в мире, стране, регионе, на основании чего обладающие возможностью навязывать идеологические взгляды и установки. Так поднимается вопрос о степени доверия к транслируемой информации и ее качестве. Информационные средства предоставления информации способны сегодня выступить в роли мощи, оказывающей стабилизирующее влияние на общество или возбудить социальный взрыв. Таким образом, без соответствующего уровня обеспечения информационной безопасности не может быть достигнута желаемая степень социальной безопасности.

Вопросом глобального масштаба сегодня в обществе является проблема обеспечения экологической безопасности. Новые технологии несут в себе непредсказуемые угрозы здоровью населения и состоянию окружающей среды: например, разрушение озонового слоя, побочные эффекты действия лекарственных препаратов, использование новых видов оружия, загрязнение, внедрение генетически модифицированных продуктов и техногенные катастрофы, такие как Чернобыль, Бхопал, Фукусима.

Под экологической безопасностью Н. П. Ващекин, В. А. Лось, А. Д. Урсул подразумевают процесс защиты государства, общества, личности, а также окружающей природной среды от потенциальных и реальных угроз естественного или антропогенного характера, оказывающих непосредственное влияние на биосферу¹. Развитие общества, основывавшееся на эксплуатации природных ресурсов, привело к реальной опасности и антропологической, и экологической катастрофы. Философы убеждены, что необходимо иной — неэнтропийный, безопасный путь развития, иначе, путь устойчивого развития². Устойчивое общество — это общество, фундаментом которого станет синергетическая экономика, общество, где информационные ресурсы заменят природные источники экономического роста. В современных условиях обеспечение экологической безопасности может быть осуществимо лишь при становлении устойчивого развития общества. Концепция устойчивого развития есть система стратегий действия, основанных на диалектическом синтезе требований экологии, этики и экономики. Устойчивое развитие предполагает поддержание баланса между экологическим ростом, социальной справедливостью и экологическими ограничениями в целях обеспечения безопасного будущего человека и человечества.

Человеческие деяния благородны, когда они направлены на сохранение ценности, красоты, разнообразия и стабильности всех экосистем планеты. Система ценностей устойчивого развития основана на все превышающей ценности Жизни, Человека и Приро-

¹ Ващекин Н. П., Лось В. А., Урсул А. Д. Цивилизация и Россия на пути к устойчивому развитию: проблемы и перспективы. М.: МГУК, 1999. С. 94.

² Мантатов В. В. Стратегия разума: экологическая этика и устойчивое развитие. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1998. 219 с.

ды¹. В данном ключе ликвидация значительного числа экологических проблем зависит от экологического мониторинга состояния среды, имитирования природных процессов с расчетом на нарастание антропогенных нагрузок и техногенных воздействий. На наш взгляд, эффективные результаты указанных действий скорее ожидаемы при условии применения новейших информационных технологий.

Тесная связь экологической и информационной безопасности очевидна. Страна, обладающая внушительным информационным потенциалом, обладает возможностью добиться экономического процветания и преуспеть в разрешении экологических задач.

Из всего вышесказанного сделаем вывод о том, что уникальная специфика информационной безопасности позволяет ей охватить все виды безопасности: экономическую, социально-политическую, военную и экологическую, отсюда ее обеспечение является приоритетной задачей в процессе решения проблем национальной безопасности. Как нами показано, от обеспечения информационной безопасности на современном этапе развития общества зависят условия обеспечения основных видов безопасности государства.

Информационная безопасность на сегодняшний день является собой сумму факторов и условий, гарантирующих оптимальное функционирование и эволюцию всякой другой системы². Информационная безопасность позиционируется как преодоление (отрицание) опасности в различных диапазонах. Обеспечение информационной безопасности представляет собой принципы и механизмы защиты от опасностей и угроз в информационной среде. При этом процесс обеспечения информационной безопасности обязан опередить управление риском, поскольку в основе его функционирования заложена предупредительная модель. Верный подход к реализации данной модели предполагает заблаговременное принятие необходимых мер в целях непрерывного поддержания состояния безопасности. Оно определяет позитивную эволюцию информаци-

¹ Мантатов В. В., Мантатова Л. В. Этика устойчивого развития в информационную эпоху. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 2002. С. 171.

² Дзлиев М. И., Романович А. Л., Урсул А. Д. Проблемы безопасности: теоретико-методологические аспекты. М.: МГУК, 2001. С. 49.

онной сферы, не пробуждающую негативные последствия процесса применения информационных технологий.

Формирование нового планетарного пространства является одной из главных характеристик настоящего времени. Основываясь на информационных и телекоммуникационных технологиях, новое планетарное пространство призвано обеспечить эффективное взаимодействие между людьми, к его уникальным свойствам относят безграничность, доступность, гиперсвязанность, «стирание» территориальных границ, движение в масштабе времени. На наш взгляд, именно с данным планетарным информационным пространством связывают становление всей жизнедеятельности будущего информационного общества.

Однако развитие планетарного информационного пространства таит в себе опасности и риски. Актуальность данной проблемы обусловлена высокой ролью использования информационных технологий. Все протекающие в обществе процессы — политические, социальные, экономические — теперь зависимы от использования новых технологий, поскольку они имеют определяющее значение в формировании существующей реальности и оказывают важное влияние на ее развитие. Оттого понятия «информационное оружие», «информационный терроризм» и «информационная война» сегодня попали в центр внимания. Умаление задач информационной безопасности служит причиной непредсказуемых экономических, социальных, экологических, политических и других результатов в системе безопасности. В результате чего, решение вопросов информационной безопасности становится первостепенной задачей во всех сферах общественной жизни и государственной деятельности.

На уровне мирового сообщества информационная безопасность приобретает статус глобальной проблемы современного общества, в подобном качестве у нее определяются следующие черты:

- она присуща всем странам мира;
- является объективным условием и основным механизмом будущих направлений всемирного развития;
- в условиях формирования мирового информационного общества в качестве первой стадии ноосферы информационная безопасность становится актуальнейшей задачей;

– неудовлетворительное обеспечение требований информационной безопасности порождает угрозы информационного терроризма, информационной войны и т. д.

В итоге мы констатируем, что в целях повышения уровня обеспечения информационной безопасности, важны коллективные усилия всего глобального сообщества.

При функционировании мирового информационного пространства информационная безопасность в полной мере может быть обеспечена только усилиями всех стран мирового сообщества, поэтому возникает потребность в формировании общемировой информационной безопасности. С нашей точки зрения, система глобальной информационной безопасности отражает важный фактор перехода к устойчивому развитию.

На наш взгляд, необходимо определить основные направления развития информационной безопасности глобального масштаба:

– обеспечение состояния защиты глобальной информационной среды от угроз и опасностей реального и потенциального характера;

– развитие в безопасном направлении для общества, человека и биосферы информационного пространства;

– справедливое распределение благ и ресурсов глобальной информационной среды между народами и всеми мировыми государствами;

– содействие процессу перехода к устойчивому развитию формирующейся общемировой информационной среды.

На пути реализации указанной стратегии важно не забывать, что мировое информационное пространство не имеет географических и государственных границ, в результате чего его защита и укрепление зависят одновременно от всего мирового сообщества, равнозначно как уязвимость и ущерб его развитию отражается на разных странах. В этой связи, мы приходим к выводу, необходимо рассмотреть вопросы согласования стандартов и национальных законов, а также задачи сотрудничества в их реализации, принятие международных договоров по функционированию международного информационного пространства в социальных, политических, культурных, юридических и т. д. аспектах, разработать адекватные меры противодействия информационному противоборству.

◆
◆

Тема обсуждения методов и объектов информационного противоборства с недавних пор приобрела статус одной из актуальнейших в современном обществе. По справедливому определению С. Н. Гриняева, оно представляет собой использование государствами глобального информационного пространства и инфраструктуры для проведения стратегических военных операций и уменьшения воздействия на собственный информационный ресурс¹. Информационное противоборство является принципиально новым стратегическим методом информационной борьбы путем разрешения конфликтных ситуаций без применения вооруженных сил. В качестве основных подходов информационного противоборства автором выделены следующие механизмы: формирование атмосферы бездуховности; манипулирование общественным сознанием с целью создания политической напряженности и хаоса; дезинформация населения; дестабилизация отношений путем провокаций конфликтов и гражданской войны на политической, социальной, религиозной и национальной почве; подрыв международного авторитета государства; нанесение ущерба жизненно важным интересам страны в политической, экономической, оборонной и других сферах².

На наш взгляд, с целью предотвращения в международных отношениях новых кризисов одним из направлений деятельности глобальной информационной безопасности является устранение «цифрового неравенства». Перспективы существования информационной зависимости от технологических держав менее развитых в данном направлении стран вызывают беспокойство граждан и общественных институтов. Обеспечение справедливого доступа к информационным ресурсам, возможности непосредственного участия в формировании контента глобального пространства, а также использование всех возможных благ от применения информационных технологий каждой страной мирового сообщества — важное условие перехода к устойчивому развитию³. Мы убеждены,

¹ Гриняев С. Н. Поле битвы — киберпространство: теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны. Минск: Харвест, 2004. 448 с.

² Гриняев С. Н. Информационное противоборство в современную эпоху [Электронный ресурс]. URL: <http://psyfactor.org> (дата обращения: 19.06.2014).

³ Этические аспекты новых технологий. Обзор. М.: Права человека, 2007. С. 99.

что реализация указанной идеи позволит стать каждому индивиду в современном обществе полноправным участником социального взаимодействия в глобальных общественных процессах.

Кроме того, из вопросов становления информационного пространства необходимо отдельно выделить проблемы, повлекшие за собой культурные изменения в обществе. Сошлемся на мнение С. Холла, который определил, что в XX веке культура как никогда раньше прониклась и срослась с общественным производством настолько, что в настоящее время трудно провести ту четкую грань между базисом и надстройкой¹. И базис, и надстройка стали интегральной схемой экономического обмена, от которого зависит движение информации, знания, капитала, инвестиций, производство товаров, торговля, маркетинг. С точки зрения абсолютных эстетических стандартов и вкуса продукты такой культурной революции не могут сравниваться по ценности с достижениями других эпох. Нынешние культурные изменения, благодаря современным технологиям сжатые в единое пространство и время, могут с небывалой мощностью влиять на общественное сознание в глобальном масштабе. Однако одним из немедленных следствий технологизации и глобализации является гомогенизация культуры. Создание индустрии культуры привело к однородности взглядов.

Глобализация оказывает амбивалентное влияние на мировую культуру. Вследствие оживленного информационного взаимодействия представителей различных наций осуществляется обогащение нынешних культур. В то же время нельзя отрицать активное движение процесса размывания традиционного начала под влиянием экспансии альтернативных взглядов. Продвигаемая по средствам массовой информации и телекоммуникационным сетям западная информационно-культурная экспансия вынуждает прибегать к использованию специальных мер для защиты своей культуры, традиций и духовных ценностей от чуждого информационного влияния. Появляется «опасность утраты целыми сообществами своей культурной и национальной самобытности, включая само-

¹ Holl S. The centrality of culture: notes on the cultural revolutions of our Time // Media and cultural regulation. London: Open Univ. 1997. 207 p.

бытность языковую»¹. Сегодня электронное доминирование английского языка рассматривает как третий самый серьезный вид дискриминации в мире после дискриминации по расовому и половому признакам². По словам К. К. Колина, информационный геном, находящийся в основании цивилизации, — это национальная культура³. Стирание национальной культуры знаменует начало окончательной гибели нации.

Синергетический подход представляет мировую культуру современного общества в виде сложной самоорганизующейся системы, подсистемами или разделами которой являются этнические и национальные культуры народов мира. Сущность этих культур в виде исторического опыта, традиций, духовных ценностей в сумме образует феномен объективной реальности, определяемый в качестве культурологического генофонда эволюции человечества⁴. Оттого, на наш взгляд, сегодня перед обществом в качестве первоочередной задачи стоит защита культурных ресурсов человечества от разрушительных воздействий, которые, прежде всего, предполагают сохранение традиционных мировых культур. Таким образом, обеспечение состояния защищенности культурного генофонда человечества — одно из приоритетных направлений информационной безопасности в глобальном диапазоне. Сохранение многообразия традиционных мировых культур — важное условие для дальнейшего устойчивого, тем самым безопасного развития цивилизации. Поскольку каждой стране и региону необходимо найти свой собственный путь перехода к устойчивому развитию, кроме современных технологических разработок здесь также могут оказаться решающими знания и исторический опыт каждой нации.

Таким образом, анализ формирования нового общества, осознание его в целостности, без отрыва от информационных технологий, побуждает к поиску путей безопасного развития, преодолению

¹ Чернов А. А. Становление глобального информационного общества: проблемы и перспективы. М.: Дашков и К°, 2003. С. 91.

² Yukio T. The dominance of English and Linguistic discrimination // Media Development. New York. 1992. P. 192.

³ Колин К. К. Информационная цивилизация. М.: Институт проблем информатики РАН. 2001. С. 71.

⁴ Там же. С. 67.

нию негативных эффектов от применения информационных технологий, пересмотру ценностных ориентиров. На наш взгляд, дальнейшее направление безопасного развития и применения информационных технологий, в целях обеспечения динамического равновесия общественной эволюции требует поддержания условий информационной безопасности. В свою очередь, изучение сущности понятия «информационная безопасность» позволит ясно представить суть данного процесса и определить его направления.

Формирование информационного общества является закономерным этапом эволюции современного социума, характеризующегося, в первую очередь, масштабным внедрением информационных технологий и развитием глобального информационного пространства. Процесс становления нового общества, обусловленный внедрением информационных технологий, нуждается в верном осознании его информационной специфики и конструктивном развитии заложенного в нем потенциала.

Проблема защиты от проявившихся в третьем тысячелетии новых видов опасностей и угроз, порожденных информатизацией, беспокоит исследователей современного общества. Количество работ, посвященных проблемам информационной безопасности, постоянно растет. В то же время, анализ научной литературы доказывает, что методологические аспекты изучения информационной безопасности требуют дальнейшей проработки. Согласно нашей точке зрения, прежде всего, важно исследовать терминологию, поскольку авторы многочисленных работ в области информационной безопасности сходятся во мнении о том, что дать исчерпывающее определение информационной безопасности чрезвычайно сложно. «Отсутствие общепринятых понятий и категорий, — пишет российский исследователь Г. А. Атаманов, — приводит к полисемии, а порой и к омонимии, что, в свою очередь, значительно снижает эффективность научных разработок в области безопасности, особенно их прикладное значение»¹. Попытки выработать дефиницию, ясно и точно отражающую содержание рассматриваемого феномена, предпринимаются постоянно, поскольку опреде-

¹ Атаманов Г. А. Информационная безопасность: сущность и содержание // Бизнес и безопасность в России. 2007. № 47. С. 106.

ление сущности информационной безопасности относится к числу проблем, решение которых обладает как теоретическим, так и практическим значением.

Каждое явление, объект или процесс обладает внутренним содержанием и соответствующим ему внешним выражением. Сочетание двух указанных составляющих позволяет получить полное представление о предмете исследования и направлениях использования его результатов.

Прежде чем приступить к исследованию понятия «информационная безопасность», сначала вполне логично определить, что представляет собой безопасность. Эпикур видел безопасность в гармонии человека и природы¹. Л. Валла связывал ее с понятием мира и дружбы². Т. Гоббс понимал безопасность в двух добродетелях: вере и законах³. Дж. Локк говорил, что для безопасности необходима разработка опытно-практического и теоретического знания⁴. Проблемы безопасности также нашли свое отражение в идеях русского космизма⁵, в контексте глобальных проблем русские мыслители искали научные пути совершенствования мира. Эволюция общества изменяла представления о безопасности, различные философские направления посредством собственных гносеологических оценок знание о безопасности наполняли специфическим содержанием.

Современная литература рассматривает понятие «безопасность» в качестве системы условий и факторов, в которых объект органично функционирует и развивается по своим внутренним

¹ Мыслители Греции. От мифа к логике. М.: Эксмо-пресс, Харьков: Фолио, 1998. С. 774.

² Валла Л. Об истинном и ложном благе. О свободе воли. М.: Наука, 1989.

³ Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001. С. 396.

⁴ Локк Дж. Сочинения. В 3-х томах. М.: Мысль, 1985. Т. 2. 634 с.

⁵ Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере // Ноосферные исследования. 2013. Вып. 1(3). С. 6-17; Федоров И. Ф. Философия общего дела. М.: Книга по требованию, 2012. 755 с.; Циолковский К. Э Промышленное освоение космоса. М.: Машиностроение, 1989. 278 с.; Чижевский А. Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца // Гелиотараксия: сб. трудов. М.: Мысль, 1995. 768 с.

законам¹. Так же безопасность трактуют как состояние, при котором нет опасности, то есть «условий и факторов, угрожающих существованию индивида или сообществу»². Безопасность часто определяется как способность объекта сохранять свои системообразующие свойства при деструктивных воздействиях, дезорганизующих основные параметры и характеристики, потеря которых ведет к утрате объектом своей сущности³. Кроме того, под данным понятием так же имеется в виду система гарантий, обеспечивающая нормальное развитие любого явления⁴.

Важно заметить, что практически все перечисленные определения подвергаются критике, как со стороны ученых, так и со стороны специалистов-практиков⁵. На наш взгляд, несостоятельность многих определений проявляется в том, что при конкретизации понятия «безопасность» не учитывается ее диалектическая противоположность — опасность, это обстоятельство не позволяет раскрыть данный термин наиболее точно и подробно. Безопасность обретает смысл в связи с проявлением опасности, как ее производная, верно пишет Г. А. Атаманов⁶. Автор указывает, что «опасность» характеризует состояние объекта, при котором наличие внутренних или внешних воздействий нарушает механизмы жизнеобеспечения системы, в результате чего возникает угроза нормальному режиму его функционирования. Он так же отмечает, что не всякая угроза дисфункции обязана восприниматься как опас-

¹ Заплатинский В. М. Терминология науки о безопасности. «Bezpečnostná veda a bezpečnostné vzdelanie» / В. М Zborník príspevkov z medzinarodnej vedeckej konferencie. Liptovský Mikuláš: AOS v Liptovskom Mikuláši, 2006. 16 с.

² Дзлиев М. И., Романович А. Л., Урсул А. Д. Проблемы безопасности: теоретико-методологические аспекты. М.: МГУК, 2001. С. 9.

³ Стрельцов А. А. Содержание понятия «обеспечение информационной безопасности» // Информационное общество. М. 2001. № 4. С.10-16.

⁴ О безопасности: федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // Российская газета. Федеральный выпуск № 5374. 2010. 29 декабря.

⁵ Дзлиев М. И., Романович А. Л., Урсул А. Д. Проблемы безопасности: теоретико-методологические аспекты. М.: МГУК, 2001. 192 с.; Кузнецов В. Н. Российская идеология XXI века в обеспечении эффективности и безопасности динамично-устойчивого развития России [Электронный ресурс]. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/Kuznetsov25.htm> (дата обращения: 16.02.2014).

⁶ Атаманов Г. А. Информационная безопасность: сущность и содержание // Бизнес и безопасность в России. 2007. № 47. С. 106.

ность, а та — которая угрожает его функциональной целостности: «безопасность возникает как преодоление опасности»¹.

В этом ключе прав В. П. Петров, говоря о том, что «система безопасности, основанная на подходе, который не учитывает состояние опасности, утрачивает смысл, поскольку настроена не на преодоление опасности, а на оправдание существования собственно социальной системы»². При этом автор констатирует, что в настоящее время не разработано теоретическое обоснование той предметной области, которая способна определять сферу безопасности. «Понимание безопасности под углом “жизненно важных интересов личности, общества и государства” содержит в себе внутреннее смысловое противоречие и является недостаточно корректным в научном отношении»³, — заключает автор.

Данную точку зрения поддерживает А. В. Макеев: «Интересы, важность которых не вызывает сомнений, необходимо формулировать и реализовывать, обеспечивая те или иные потребности личности, общества и государства посредством целенаправленной социально-политической деятельности»⁴. Речь идет не о защите интересов людей как таковых, но базовых условиях существования людей, государства и общества в целом, закрепленных в системе ценностей и жизненных устоев. В результате чего сфера безопасности должна быть представлена как социальное пространство, охватывающее основы общественного бытия и базовые ценности человека.

Таким образом, можно заключить, что безопасность определяется, как возможность системы противостоять опасностям, а также способность переходить в своем развитии к более высокому уровню. Процедура защиты безопасного состояния необходима для нормального функционирования и прогрессивного развития си-

¹ Атаманов Г. А. Информационная безопасность: сущность и содержание // Бизнес и безопасность в России. 2007. № 47. С. 108.

² Петров В. П. Информационная безопасность России в условиях глобализации [Электронный ресурс] // Политическое образование. 2014. URL: <http://www.lawinrussia.ru> (дата обращения: 15.08.2014).

³ Там же.

⁴ Макеев А. В. Основы политики национальной безопасности: структурогенез и механизм реализации: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 1999. С. 22-23.

стемы. На наш взгляд, безопасность рассматривается в качестве одной из характеристик жизнеобеспечения любого объекта, а также в качестве имманентной способности данного объекта реагировать на искажение собственных ценностей, целей, интересов, иначе, оснований существования данной системы.

Определив понятие «безопасность», перейдем к анализу сущности понятия «информационная безопасность». На наш взгляд, информационная безопасность — это уникальный феномен современного общества, формирование которого имеет глобальное значение для всего человечества, вследствие чего жизненно необходимо сформулировать его объективное, практическое определение.

Сложность освещения проблемы информационной безопасности до настоящего времени, как отмечают специалисты¹, связана с отсутствием общепринятого толкования терминов, описывающих рассматриваемую предметную область. Наряду с термином «информационная безопасность» активно используется термин «безопасность информации». Не вызывает сомнений тот факт, что данные понятия взаимосвязаны. При этом очень важно внести уточнение: «безопасность» сама по себе не существует, то есть безотносительно к объекту, как верно отмечает А. А. Стрельцов, «без определения объекта понятие “безопасность” является неопределенным, оно лишается внутреннего смысла»². Содержание понятия «безопасность» предопределяет выбор объекта. В таком случае, если объектом защиты выступает сама информация, понятия «безопасность информации» и «информационная безопасность» становятся синонимами. В то же время, если объектом защиты рассматривать другой какой-либо объект или субъект в качестве участника информационного взаимодействия, тогда в термине «информационная безопасность» слово «информационная» уточняет направление деятельности, соответственно, понятие «информационная безопасность» следует трактовать как состояние защищенности указанного объекта (субъекта) от угроз

¹ Малюк А. А., Пазизин С. В., Погожин Н. С. Введение в защиту информации в автоматизированных системах. М.: Горячая линия-Телеком, 2001. С. 7.

² Стрельцов А. А. Содержание понятия «обеспечение информационной безопасности» // Информационное общество. 2001. № 4. С. 12.

различного характера в информационной среде. В свою очередь, А. А. Малюк вносит четкое разграничение между терминами «информационная безопасность» и «безопасность информации», уточняя, что «безопасность информации — состояние защищенности информации от негативного воздействия на нее с точки зрения нарушения ее физической и логической целостности (уничтожения, искажения) или несанкционированного использования», а вот трактовка понятия «информационная безопасность» «определяется тем контекстом, в котором оно употребляется»¹.

Характеризуя современное состояние изучаемой проблемы, С. П. Расторгуев пишет следующее: «Ранее как никогда актуальная проблема защиты информации подобно монете перевернулась, от чего родилась защита от информации, ее прямая противоположность»². Теперь возникла необходимость в защите самой системы и, что наиболее важно, человека от информации, поскольку любая поступающая информация в систему неизбежно ее изменяет. Так, целенаправленное деструктивное информационное воздействие может привести систему к необратимым последствиям, вплоть до уничтожения.

Действительно, информационная безопасность достаточно сложный феномен, кроме того, существуют некоторые условия, создающие трудности в определении данного понятия. Выделим основные:

1. Информационная безопасность — объективный феномен, вызванный объективными условиями развития социума. Его формирование происходит на фоне процесса информатизации общества, который, в свою очередь, сам находится на стадии становления и требует дальнейшего внимательного изучения. Кроме того, особенности информационной безопасности в Российской Федерации связаны, прежде всего, с реформированием самой системы национальной безопасности страны. В результате существования перечисленных факторов возникают трудности, не позволяющие

¹ Малюк А. А., Паизин С. В., Погожин Н. С. Введение в защиту информации в автоматизированных системах. М.: Горячая линия-Телеком, 2001. С. 7.

² Расторгуев С. П. Философия информационной войны. М.: Вузовская книга, 2002. С. 45.

сформулировать достаточно полное определение изучаемого понятия.

2. Трудности в определении понятия «информационная безопасность», на наш взгляд, обусловлены еще тем фактом, что феномен информационной безопасности исследуется в различных аспектах: техническом, правовом, психологическом, социальном и т. д. Ученые, рассматривающие этот феномен с точки зрения своей научной области, наполняют понятие «информационная безопасность» собственным содержанием, тем самым еще раз подчеркивая ее многогранную природу, что налагает некоторые затруднения в процессе выработки единого определения. В результате чего исследования носят специализированный характер и рассматривают информационную безопасность с определенных научных позиций. Философский анализ, проведенный в рамках нашего исследования, должен обобщить существующие представления об информационной безопасности, в целях выработки средств и методов, повышающих эффективность решений поставленных перед ней задач. Необходимость философского осмысления информационной безопасности бесспорна, потому как только философское изучение на базе синтеза существующих исследований в состоянии вывести единое понимание феномена.

Рассмотрев основные трудности, встречающиеся исследователям на пути решения проблемы сущности информационной безопасности, перейдем к раскрытию основных подходов к определению информационной безопасности. Попытаемся в целом охарактеризовать рассматриваемые подходы к определению понятия «информационная безопасность», которые условно можно разделить на технологический и гуманитарный¹.

Технологический подход к определению информационной безопасности, по мнению В. П. Шерстюка, рассматривает данное по-

¹ Астахова Л. В. Информационная безопасность: герменевтический подход: монография. М.: РАН, 2010. С. 86; Иншаков М. В. Обеспечение информационной безопасности России в условиях становления глобального информационного общества: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. 12 с.; Шерстюк В. П. О развитии в МГУ научных исследований и учебного процесса в области информационной безопасности // Научные и методологические проблемы информационной безопасности. М.: МЦНМО. 2004. С. 37-47.

ственного и искусственного характера информации, а также поддерживающей инфраструктуры»¹.

Вышеприведенные определения в рамках технологического подхода ярко демонстрируют приоритетный объект защиты информационной безопасности: основное внимание сконцентрировано исключительно на проблеме защиты информации и информационной инфраструктуры. При этом под информационной инфраструктурой предполагается совокупность организационных структур, технических средств, аппаратного и программного обеспечения для хранения информации, с целью ее дальнейшей обработки и передачи. Подобный подход вполне объясним, он определяет одну из сущностных сторон информационной безопасности. С технологической точки зрения информация является «продуктом»² информационных технологий, соответственно, требует защиты.

На наш взгляд, подход, согласно которому информационная безопасность в качестве приоритетного объекта защиты рассматривает информацию и поддерживающую ее инфраструктуру, является односторонним, поскольку не определяет наличие других, не менее важных ее сторон, таких как, например, субъекты информационных отношений (личность, общество, государство) или информационная среда, под которой понимаются «совокупность информационных ресурсов (то есть различных форм организации информации о жизнедеятельности общества), системы формирования, распространения и использования информации»³. Более того, указанный подход не характеризует социально-психологические и политические аспекты информационной безопасности. При этом важно заметить, что независимо от существующих недостатков, он остается доминирующим над остальными. «Технологическая составляющая информационной безопас-

¹ Гайкович В. Ю., Ершов Д. В. Основы безопасности информационных технологий [Электронный ресурс]. URL: www.twirpx.com (дата обращения: 26.05.2010).

² Малюк А. А., Пазизин С. В., Погожин Н. С. Введение в защиту информации в автоматизированных системах. М.: Горячая линия-Телеком, 2001. С. 6.

³ Петров В. П. Информационная безопасность России в условиях глобализации [Электронный ресурс] // Политическое образование. 2014. URL: <http://www.lawinrussia.ru> (дата обращения: 15.08.2014).

ности разработана более тщательно и глубоко, в то время как гуманитарная составляющая — гораздо слабее»¹, — верно отмечает В. П. Шерстюк.

Сторонники гуманитарного подхода исследования проблем данной области убеждены в том, что информационная безопасность — социальное явление, прежде всего гуманитарно-технического характера. В этом ключе М. В. Иншаков доказывает двойственный характер информации: «Поскольку информация существует объективно-физически, ее изучают физика, математика и технические науки; с другой стороны, информация существует и субъективно, в таком статусе ее должны исследовать психологические, биологические, философские и социально-гуманитарные науки. В то же время естественнонаучная (техническая) сторона информационных процессов является подчиненной частью, главное направление исследований находится в области социально-политического, гуманитарного анализа»². А. Е. Войскунский также отмечает междисциплинарный характер информационной безопасности, в результате чего заключает, что ее разработка должна носить комплексный характер³.

Л. В. Астахова, доказывая генетическую гуманитарную сущность информационной безопасности, приходит к выводу: «любая деятельность в своей структуре имеет ряд компонентов: цель, объект, субъект, процессы, методы, средства и результаты. Даже самый беглый взгляд на структуру действий по обеспечению информационной безопасности позволяет рассмотреть гуманитарные особенности ее основных компонентов»⁴, так, по мнению автора, «гуманитарная сущность информационной безопасности субъекта

¹ Шерстюк В. П. О развитии в МГУ научных исследований и учебного процесса в области информационной безопасности. М.: МЦНМО. 2004. С. 38.

² Иншаков М. В. Обеспечение информационной безопасности России в условиях становления глобального информационного общества: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. 12 с.

³ Войскунский А. Е. Информационная безопасность: психологические аспекты // Национальный психологический журнал. 2010. № 1(3). С.49.

⁴ Астахова Л. В. Информационная безопасность: герменевтический подход. М.: РАН. 2010. С. 86.

определяет и гуманитарную сторону деятельности по обеспечению информационной безопасности»¹.

Гуманитарный подход рассматривает информационную безопасность с точки зрения проблем, связанных с обеспечением духовного обновления общества, соблюдением конституционных прав и свобод граждан в области информационной деятельности. Основные вопросы указанного подхода составляют такие проблемы, как формирование методологических основ обеспечения информационной безопасности; становление информационной безопасности в качестве междисциплинарной отрасли научного знания; развитие правового регулирования; обеспечение безопасности массового, группового и индивидуального сознания; исследование места и роли информационной безопасности в социальных процессах современного общества².

Так, А. Д. Урсул и Т. (Ф). Н. Цырдя, определяя информационную безопасность как срез всех видов деятельности общества, в которых индустрия информатики занимает важное место, дают следующую трактовку изучаемого понятия: «информационная безопасность — это способность государства, общества, социальной группы, личности, во-первых, обеспечить с определенной вероятностью достаточные и защищенные социальный интеллект и информационный ресурс, оптимальную социальную энтропию и инфосреду для поддержания жизнедеятельности и жизнеспособности, устойчивого функционирования и развития социума; во-вторых, противостоять информационным опасностям и угрозам, негативным информационным воздействиям на индивидуальное и общественное сознание и психику людей, а также на компьютерные сети и другие технические источники информации; в-третьих, вырабатывать личностные и групповые навыки и умения безопасного поведения; в-четвертых, поддерживать постоянную готовность к адекватным мерам в информационном противоборстве, кем бы оно ни было навязано; в-пятых, постоянно и последовательно по определенной безопасной программе "вмонтировать"

¹ Астахова Л. В. Информационная безопасность: герменевтический подход. М.: РАН. 2010. С. 86.

² Шерстюк В. П. МГУ: научные исследования в области информационной безопасности // Информационное общество. М.: МЦНМО. 2005. Вып. 1. С. 49.

искусственный интеллект в социосреду»¹. Несмотря на то, что формулировка понятия верно отражает специфику информационной безопасности, у нее есть существенный недостаток — данное определение в попытке охватить все сущностные стороны информационной безопасности довольно громоздкое, в результате чего сложное для восприятия.

В то же время в научной литературе представлены исследования², направленные на конкретизацию социальных, психологических, политических, правовых, педагогических и других аспектов информационной безопасности. Однако необходимо отметить, не все из перечисленных направлений предлагают концентрированное определение изучаемого понятия в рамках собственного видения проблем изучаемой области. В целях реализации поставленной перед нашим исследованием задачи рассмотрим такие наиболее выделяющиеся из гуманитарных разработок проблемы информационной безопасности, как нормативно-юридический и психологический подходы.

Нормативно-юридический подход представлен в законах и нормативных документах Российской Федерации и других зарубежных стран, регулирующих отношения по обеспечению информационной безопасности. Так, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации в термин «информационная безопасность» вкладывает следующий смысл: информационная безопасность — это «состояние защищенности ее национальных интересов в информационной сфере, определяющихся совокупно-

¹ Урсул А. Д., Цырдя Т.(Ф). Н. Информационная безопасность. Сущность, содержание и принципы ее обеспечения [Электронный ресурс]. URL: <http://security.ase.md/publ/ru/pubru22.html> (дата обращения: 22.08.2014).

² Грачев Г. В. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты. М.: РАГС. 1998. 125 с.; Гришина К. В., Морозова Е. В. Вопросы социально-психологического обеспечения деятельности комплексных систем защиты информации // Безопасность информационных технологий. 1997. № 1. С. 12-17; Ершов Д. А. Информационная безопасность личности как цель социально-педагогической деятельности [Электронный ресурс]. URL: <http://scipeople.ru/group/125/topic/196> (дата обращения: 19.08.2014); и др.

стью сбалансированных интересов личности, общества и государства»¹.

В Законе РФ «Об участии в международном информационном обмене» (утратил силу) информационная безопасность подразумевала состояние защищенности в информационной среде, предполагающее ее развитие в интересах государства, организаций и граждан². Важным недостатком указанных определений, как пишут М. И. Дзлийев, А. Л. Романович и А. Д. Урсул, является их «расплывчатость»³. Более того, Г. А. Атаманов считает, что «некорректно в законе рассматривать в качестве объектов защиты «интересы», «государство», «общество» и «личность», поскольку они не являются субъектами права. Субъектами права являются физические и юридические лица, а также исполнительные органы власти. ... В данном контексте рассматриваемые понятия разноточны, в результате чего несопоставимы и крайне расплывчаты»⁴. На наш взгляд, определения законодательных документов отличаются слишком общим содержанием рассматриваемого понятия «информационная безопасность», что говорит об их несовершенстве.

Из зарубежных стран в первую очередь необходимо отметить США как страну, обладающую самой длинной историей изучения проблем в области информационной безопасности. В Соединенных Штатах Америки первый закон о защите информации был принят в 1906 году. В настоящее время в США число законодательных актов по защите информации составляет около 500 документов. Выделим из них национальный план защиты инфраструктуры (National Infrastructure Protection Plan — NIPP), в котором Министерство внутренней безопасности США определило информационную безопасность как комплекс мероприятий, направленных на защиту компьютеров, цифровых данных и сетей их переда-

¹ Доктрина информационной безопасности РФ // Рос. газета. 2000. 28 сент.

² Федеральный закон № 85-ФЗ от 04.07.1996 «Об участии в международном информационном обмене» // Собрание законодательства РФ, 1996. № 28. Ст. 3347.

³ Дзлийев М. И., Романович А. Л., Урсул А. Д. Проблемы безопасности: теоретико-методологические аспекты. М.: МГУК, 2001. С. 9.

⁴ Атаманов Г. А. Информационная безопасность: сущность и содержание // Бизнес и безопасность в России. 2007. № 47. С. 106.

чи от несанкционированного доступа и действий, связанных с манипулированием, кражей, порчей (искажением), блокированием, уничтожением умышленного и случайного характера¹. Данное определение, как большинство определений информационной безопасности, обладает чертами, присутствующими во многих трактовках, в качестве объекта защиты здесь установлена, прежде всего, компьютерная информация, в виде цифровых данных и сетей их передачи.

Анализ уголовного законодательства современных государств, контуры которого мы обозначили, показывает, что понятие «информационная безопасность» в качестве общепринятого термина не отражено. Преступления в сфере информационных технологий интерпретируются в качестве преступлений в сфере оборота компьютерной информации и киберпреступления (Германия (§ 202a, § 206, § 269, § 274, § 303a, § 303b, § 317)², Франция (ч. 1 кн. 2 разд. 2 гл. 6 от. 5; ч. 1 кн. 4 разд. 3 гл. 2 от. 2 §4)³). Отсутствие в мировом сообществе единого, обоснованного в научном плане подхода к пониманию сущности информационной безопасности серьезно препятствует консолидации усилий стран мира в борьбе с проблемами использования информационных технологий.

Уголовный кодекс РФ также не дает определение информационной безопасности, преступления, совершенные в данной области расцениваются как преступления, совершенные в сфере компьютерной информации, в качестве объекта защиты выступает информация на машинном носителе, в ЭВМ, системе ЭВМ или их сети, если деяние повлекло уничтожение, блокирование, модификацию или копирование информации, нарушение работы ЭВМ, системы ЭВМ или их сети⁴.

¹ Национальный план защиты инфраструктуры США. National Infrastructure Protection Plan — NIPP [Электронный ресурс]. URL: <http://net.educause.edu> (дата обращения: 18.08.2014).

² Уголовный кодекс ФРГ. М., 1996; Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. Особенная часть [Электронный ресурс]. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242733&subID=100102942,100102944#text> (дата обращения: 10.02.2015).

³ Уголовный кодекс Франции. СПб.: Юридический центр Пресс. 2002. 650 с.

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации. М.: Проспект. КноРус. 2010. С. 129.

В Модельном уголовном кодексе, рекомендательном законодательном акте для Содружества Независимых Государств содержится раздел XII «Преступления против информационной безопасности», здесь в качестве объекта защиты рассматриваются компьютерная информация и компьютерные системы¹, при этом трактовка самого понятия «информационная безопасность» отсутствует. Наличие подобного факта в законодательных документах приводит к неоднозначности определения, тем самым вызывая осложнения в правоприменительной практике. Кроме того, юридические формулировки, в первую очередь, заняты последовательностью оценки тяжести акта, совершенного преступления.

Стоит заключить, что нормативно-юридические определения, направленные на изучение информационной безопасности с точки зрения законодательства, также отличаются односторонностью, они определяют степень виновности и меру наказания по факту осуществленного преступления по отношению к компьютерной информации и компьютерным сетям в границах государства. Кроме того, юридические определения не учитывают социальные аспекты феномена информационной безопасности.

Психологический подход расставляет акценты на психологической составляющей информационной безопасности. Последователи данного подхода, вопреки распространенному мнению, что кибернетическая природа определяет основу информационных воздействий², считают, что исследования информационной безопасности должны опираться на психологические данные³.

А. Е. Войскунский, исследуя психологические аспекты информационной безопасности, определяет рассматриваемое понятие как кибербезопасность⁴. Поскольку автор не уточняет ее трактовку, приведем определение данного термина, указанного Ю. В. Бородакием, А. Ю. Добродеевым и И. В. Бутусовым: «ки-

¹ Модельный уголовный кодекс. Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств (с изменениями на 16 ноября 2006 года) [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru> (дата обращения: 18.08.2014).

² Расторгуев С. П. Информационная война. М.: Радио и связь, 1998. 416 с.

³ Войскунский А. Е. Информационная безопасность: психологические аспекты // Национальный психологический журнал. 2010. № 1(3). С. 49.

⁴ Там же.

◆————◆

бербезопасность — это свойство или состояние системы сохранять надежность и функциональную устойчивость в условиях современного информационного противоборства»¹. Согласно точке зрения о том, что корни информационного противоборства имеют психологическую основу², здесь вполне логично найти отражение психологических характеристик информационной безопасности, но при этом толкование самого словосочетания «информационная безопасность» остается нераскрытым, поскольку указанное определение ограничивается условиями явной или скрытой информационной войны, для которой характерны элементы борьбы, понятие «противник», «оружие» и «ущерб», понимаемый как поражение.

Психологический подход кардинально отличается от всех существующих, поскольку выдвигает на передний план субъекта информационного взаимодействия человека, личность, он совершенно справедливо отмечает одну из существенных сторон информационной безопасности, которой свойствен психологический аспект. Однако трактовки информационной безопасности, наиболее ярко отражающие точку зрения данного подхода, согласно нашему мнению, также являются ограниченными, поскольку защита психологического состояния человека на фоне воздействий информационной процессов — обязательный, имманентный, но не единственный элемент информационной безопасности.

Важно отметить, что психологический подход в последнее время получил активное развитие, в результате чего сформировалось новое направление социальной практики и научных исследований — информационно-психологическая безопасность.

В рамках социально-философского исследования Г. А. Атаманов определяет информационную безопасность как «результат

¹ Бородакий Ю. В., Добродеев А. Ю., Бутусов И. В. Кибербезопасность как основной фактор национальной и международной безопасности XXI века // Вопросы кибербезопасности. 2013. № 1. [Электронный ресурс]. URL: http://s3r.ru/2013/12/voprosyi-berbezopasnosti/sybersecurity_issues_2013_1 (дата обращения: 16.04.2014).

² Лайнбарджер П. Психологическая война. М.: Воениздат. 1962. 351 с.; Селезнев И. А. Война и идеологическая борьба. М.: Воениздат. 1974. 156 с.; Почепцов Г. Г. Информационно-психологическая война. М.: Синтег. 2000. 180 с.

преодоления условий, порождающих соответствующую опасность, и закрепляется в формах, которые позволяют социальным субъектам сохранить способности выработки релевантных объективным потребностям целей и возможности их достижения»¹. С нашей точки зрения, данная формулировка отличается существенным недостатком, в ней позиционируется социальный субъект и при-сущие ему потребности, цели, возможности относительно неких форм и опасностей вне информационной среды, как результат — понятие теряет специфические особенности, характерные только для изучаемой нами области.

Л. В. Астахова дает следующее определение информационной безопасности— это состояние защищенности субъекта, выражающееся в безопасности информации субъекта и его информационно-психологической безопасности, достигаемое посредством рефлексивного определения и контролирования единства его естественного существования и развития в ходе реализации информационных процессов (создания, передачи, представления, получения, обработки, хранения) как на содержательном, так и на представительном уровнях информации². Автор стремится отразить в содержании понятия максимальнонеобходимую, на его взгляд, совокупность информационных компонентов: объект, субъект, цель, процессы, деятельность, средства. В результате формулировка лишается такого свойства, как лаконичность, оно становится сложным для восприятия.

В свою очередь, изучая методологическую основу определения сущности понятия «информационная безопасность», А. И. Алексенцев трактует его как «состояние информационной среды, обеспечивающее удовлетворение информационных потребностей субъектов информационных отношений, безопасность информации и защиту субъектов от негативного информационного воздей-

¹ Атаманов Г. А. Информационная безопасность в современном Российском обществе (социально-философский аспект): автореф. дис. ...канд. филос. наук. Волгоград, 2006. С. 7.

² Астахова Л. В. Информационная безопасность: герменевтический подход. М.: РАН, 2010. С. 22.

ствия»¹. Необходимо отметить важный момент, автор сам признает, что в определении не достаточно конкретности². Действительно, в предложенном понятии отсутствует содержательная часть, наличие данного факта, в некоторой степени, сводит его к объяснению термина «безопасность информационных систем», что является крайне не правомерным, поскольку понятие «информационная безопасность» имеет более широкий смысл.

Подводя итог исследованию сущности понятия «информационная безопасность» в рамках гуманитарного подхода, необходимо отметить, что субъекты информационных отношений и информационная среда как сфера деятельности этих субъектов, связанная с созданием и потреблением информации, выступают в данных определениях в качестве мета-объекта защиты.

Таким образом, спектр определений информационной безопасности широк, нами приведены наиболее характерные из них в соответствии с методологическими подходами авторов. Анализируя указанные определения информационной безопасности, отметим их основной недостаток: исследователи сконцентрированы на специфических аспектах феномена или наоборот недостаточно конкретны, в результате чего важные моменты смыслового наполнения потеряны. В конечном итоге возникает в определенном плане обедненная трактовка понятия, которая не отражает полного понимания исследуемого феномена. Мы убеждены, что в данной ситуации необходим философский подход, отличающийся всеобщностью, который позволит учесть недостатки и положительные стороны существующих подходов. К положительным характеристикам рассмотренных подходов необходимо отнести их внимание к различным аспектам изучаемого феномена, по своей сути перечисленные трактовки не противоречат друг другу, они лишь отражают разные грани информационной безопасности, что дает основание достаточно обстоятельно проработать актуальную проблему.

¹ Алексенцев А. И. Сущность и соотношение понятий «защита информации», «безопасность информации», «информационная безопасность» // Безопасность информационных технологий. 1999. № 1. С. 20.

² Там же.

На наш взгляд, практически для всех исследователей при разработке определения общим являлось стремление внести не только терминологическую, но и методологическую ясность в смысловое значение понятия «информационная безопасность». Так, исходя из того, что сущность безопасности системы заключается в способности сохранять свою целостность и способность развиваться, реализовывая указанные способности в реальных условиях, в том числе и неблагоприятных (конфликта, риска, неопределенности и т. д.), приходим к главному методологическому выводу: система обеспечения безопасности, в нашем случае — информационная, направлена на реализацию перечисленных адаптивных способностей. Оттого информационную безопасность стоит рассматривать как безопасность объекта в информационной среде и как безопасность информационной сферы.

Для определения информационной среды предложим трактовку данного понятия В. П. Петровым. «Информационной средой (сферой) следует считать:

- 1) совокупность субъектов, участвующих в информационном взаимодействии;
- 2) технологии, обеспечивающие данное взаимодействие»¹.

Далее автор вносит уточнение: информационная сфера включает помимо совокупности субъектов и непосредственно информацию, предназначенную для использования субъектами информационного взаимодействия, инфраструктуру, обеспечивающую обработку, хранение и обмен информацией, а также отношения, сложившиеся в связи с формированием, хранением и распространением информации².

В итоге, основываясь на вышеизложенном анализе научных подходов, определим основное сущностное содержание понятия «информационная безопасность»:

- 1) обеспечение безопасности информации;

¹ Петров В. П. Информационная безопасность России в условиях глобализации // Политическое образование [Электронный ресурс]. URL: <http://www.lawinrussia.ru/informatsionnaya-bezopasnost-rossii-v-usloviyakh-globalizatsii-ch-1> (дата обращения: 20.03.2015).

² Там же.

2) обеспечение безопасности субъектов информационного взаимодействия от негативного информационного воздействия;

3) удовлетворение информационной потребности субъектов информационного взаимодействия посредством обеспечения безопасного состояния информационной среды.

Так, наше исследование дополняет содержание информационной безопасности третьим признаком — удовлетворение информационной потребности субъекта в процессе егоинформационного взаимодействия в контексте безопасного состояния информационной среды.

В. Мак-Дугалл отождествляет потребности в качестве первичной жизненной энергии¹. К. Юнг определяет потребности непосредственно исходя из влечений, элементарных, первичных мотиваций, над которыми надстраивается жизненный опыт человека как опосредствующий механизм². Потребность в теории Р. Вудвортса выступает как «промежуточная переменная» между организмом и стимулом, как механизм «готовности» организма по отношению к объекту³.

Сегодня потребность в информации или информационная потребность является одним из центральных понятий в теории информационной деятельности. Однако при этом до сих пор не существует однозначного понимания содержания этого понятия. Согласно ГОСТ 7.73–96 «Поиск и распространение информации. Термины и определения», информационная потребность отражает характеристики предметной области, значения которых необходимо установить для выполнения поставленной задачи в практической деятельности⁴. «Модельный закон об информатизации, информации и защите информации» дает следующее определение: «Информационная потребность — потребность лица в информа-

¹ Flugel J. Prof. W. Mc Dougall. 1871–1938 // Brit. J. Psychol. Gen. section. 1999. Vol. 29.

² Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс-Универс, 1993. 329 с.

³ Вудвортс Р. Contemporary schools of psychology, L. 1964. Экспериментальная психология. М.: Изд-во иностранной литературы. 1950. 798 с.

⁴ Межгосударственный стандарт. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Поиск и распространение информации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.docload.ru/Basesdoc/6/6316/index.htm> (дата обращения: 20.08.2014).

ции для осуществления своей деятельности»¹. В самом общем смысле информационная потребность предполагает необходимость в информации, которая выражается в информационном запросе.

Изучая вопросы удовлетворения информационных потребностей субъектов информационного взаимодействия, Г. А. Атаманов отмечает, что в безусловном порядке должны удовлетворяться не любые информационные потребности, а те, «которые определяют необходимость обеспечения жизнедеятельности субъекта, его адаптации к постоянно изменяющимся условиям окружающей среды»². Автор в первую очередь в это число включает информацию, обеспечивающую формирование научно обоснованной адекватной картины мира. Далее — информацию, отвечающую за социализацию личности. После — все, что обеспечивает хозяйственную, производственную и другую легитимную деятельность субъекта. При этом важно отметить, что информационные потребности имеют исключительно персональный характер. Они зависят как от особенностей поставленных задач, также и от психологических, образовательных и других характеристик субъекта, принимающего решение. По мнению А. И. Алексенцева, требуемая для удовлетворения информационных потребностей информация должна быть: достаточной (относительно полной для принятия решений); достоверной и своевременной³.

В свою очередь, удовлетворение информационной потребности сопряжено с опасностью: если обилие низкокачественной информации не будет исключено, значит, безопасность не гарантирована. Для того чтобы процесс удовлетворения информационных потребностей не оказывал деструктивного воздействия, носил позитивный характер для субъекта информационного взаимодействия,

¹ Модельный закон об информатизации, информации и защите информации. (Постановление от 18 ноября 2005 года № 26-7) [Электронный ресурс]. URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=63035 (дата обращения: 20.08.2014).

² Атаманов Г. А. Информационная безопасность: сущность и содержание // Бизнес и безопасность в России. 2007. № 47. С. 109.

³ Алексенцев А. И. Сущность и соотношение понятий «защита информации», «безопасность информации», «информационная безопасность» // Безопасность информационных технологий. 1999. № 1. С. 16 -20.

информация должна отвечать основным требованиям: быть достоверной, своевременной и достаточной. Вероятность принятия правильного решения, как правило, определяется качеством информации и когнитивными способностями самого субъекта.

Развитую способность дифференцировать контент, анализировать информацию и находить верные решения при реализации поставленной задачи Г. А. Атаманов называет «мудростью» субъекта¹. Отсутствие необходимой информации для принятия решений вынуждает субъекта информационного взаимодействия экстраполировать ситуацию посредством предыдущего опыта, принимающего во внимание структуру системы, состояние связей, поведение элементов и т. д. В данном процессе также имеет большое значение уже накопленный положительный опыт предыдущих поколений, как правило, закрепленный в мифах, сказаниях, моральных нормах и принципах, иначе, культуре социума. Так, в сущностном плане информационная безопасность — это состояние объекта (субъекта), при котором информационная среда, в которой он функционирует, позволяет сохранять возможность и способность реализовывать свои решения согласно целям, направленным на прогрессивное развитие. Подобное состояние равновесия всей системы определяется нами в качестве устойчивого.

Указанное выше значит, что информационная безопасность достигается не только за счет средств, методов и мероприятий, направленных на защиту информационной среды и защиту объекта (субъекта) от деструктивного воздействия, но и посредством развития способности у объекта (субъекта) уклоняться от деструктивного информационного воздействия. Таким образом, задача обеспечения информационной безопасности состоит в том, чтобы создать оптимальные условия для функционирования информационной инфраструктуры, главный элемент которой, не компьютер, но человек, мог прогрессивно развиваться и действовать сообразно своим ценностям и целям. Подчеркнем указанную мысль как узловую в нашем исследовании.

¹ Атаманов Г. А. Информационная безопасность: сущность и содержание // Бизнес и безопасность в России. 2007. № 47. С. 109.

В конечном итоге ценности, отраженные в сознании человека, формируют его жизненные цели, мировоззренческие ориентиры, определяют потребности. Именно ценности задают основные критерии, отвечающие за выбор и обоснование действий социального субъекта в процессе функционирования в информационной сфере. Мы выдвигаем ценности в качестве одного из ключевых компонентов определения «информационная безопасность», что является отличительным признаком собственной трактовки понятия.

Выделенное основное системообразующее содержание информационной безопасности, согласно нашему мнению, определяет ее в качестве целостного феномена. Подводя итог нашим разработкам, выведем собственную дефиницию информационной безопасности.

Информационная безопасность — устойчивое состояние информационной сферы, обеспечивающее свою целостность и защиту объектов при наличии неблагоприятных внутренних и внешних воздействий на основе осознания человека своих ценностей, потребностей (жизненно важных интересов) и целей развития.

Данное определение в концентрированном виде выражает сущность понятия «информационная безопасность». Аксиологический, гносеологический и онтологический аспекты раскрывают философское содержание рассматриваемого определения. Онтологический аспект информационной безопасности фиксирует ситуацию преодоления опасности, целью которой является обеспечение целостности объекта и устойчивого состояния информационной среды. Антропологический аспект понятия выявляет обеспечение безопасности субъекта информационного взаимодействия. Аксиологическая составляющая понятия «информационная безопасность» отражает ценности и цели, определяющие информационные потребности человека.

Основное содержание понятия «информационная безопасность» заключается в обеспечении безопасности информации, защите субъектов информационного взаимодействия от негативного воздействия, удовлетворении информационной потребности человека посредством формирования безопасного состояния информационной среды.

Первые попытки человека сохранить секретность какой-либо информации положили начало формированию теоретических основ информационной безопасности. С развитием технологий и объемов передачи данных менялись методы защиты информации. Как показало исследование, на современном этапе развития общества эффективное обеспечение информационной безопасности позволяет решать ключевые вопросы практически всех видов национальной безопасности. Информационная безопасность является важной составляющей системы национальной безопасности, и от успешного разрешения вопросов данной области зависит обеспечение глобальной общемировой безопасности.

Действительно, информационная безопасность — сложный феномен объективного развития современной цивилизации, направленный на содействие гармоничному развитию информационного общества. Обеспечение информационной безопасности, прежде всего, требует изучения негативных результатов процесса применения информационных технологий, исследования причин их проявления, что в конечном итоге поможет выявить способы их преодоления, тем самым формируя безопасное состояние информационной среды.

Глобальная информационная безопасность в качестве одной из основных задач видит обеспечение населения всего мира в возможности доступа к информационным ресурсам и информационным технологиям. Ситуация контроля одной или группы стран над распределением благ от применения информационных технологий и ресурсов информационного пространства уже ведет к информационному тоталитаризму в глобальном диапазоне. Здесь необходимо отметить, что при формировании принципов и механизмов глобальной информационной безопасности важно учитывать общечеловеческие ценности и интересы. Речь идет о выработке единой стратегии достижения баланса между интересами субъектов информационной безопасности (мирового сообщества, государства и личности) в контексте общечеловеческого развития, нежели сиюминутных экономических или политических целей отдельных государств-лидеров.

Информационная безопасность в качестве ключевой составляющей национальной безопасности охватывает следующие направ-

Раздел 1. Информационная безопасность
как компонент национальной и всеобщей безопасности

ления: обеспечение защиты информационного пространства, поддерживающего справедливое распределение своих благ и ресурсов, содействие процессу перехода к устойчивому развитию формирующейся общемировой информационной среды, обеспечение состояния защищенности культурного генофонда человечества в условиях глобализации. Важно еще раз подчеркнуть, что наряду с правовыми и организационно-техническими средствами и методами социально-культурные аспекты являются важными компонентами процесса обеспечения безопасности информационной среды.

Раздел 2
**Современное информационное общество:
особенности его развития**

В связи с широким использованием информации и информационных технологий, современное общество получило название постиндустриального информационного общества. В 60–90-е гг. XX в. его исследованию посвятили свои работы Д. Белл, З. Бжезински, А. Бюль, П. Дракер, Р. Катц, Й. Масуда, М. Порат, Т. Стоуньер, Э. Тоффлер, А. Турен и др¹. А. И. Ракилов полагает, что общество является информационным, если выполнены следующие условия:

1) любой индивид, группа лиц, предприятие или организация в любой точке страны и в любое время могут получить за соответствующую плату или бесплатно на основе автоматизированного доступа и систем связи любые информацию и знания;

2) в обществе производится, функционирует и доступна любому пользователю современная информационная технология, обеспечивающая выполнимость предыдущего пункта;

3) имеются развитые инфраструктуры, обеспечивающие создание национальных информационных ресурсов в объеме, необходимом для поддержания постоянно убыстряющегося научно-технологического и социально-исторического прогресса. Общество в состоянии производить всю необходимую для жизнедеятельности информацию, и, прежде всего, научную;

4) в обществе происходит процесс ускоренной автоматизации и роботизации всех сфер и отраслей производства и управления;

¹ Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. ред. и вступ. ст. В. Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. 956 с.; Buhl A. Die virtuelle Gesellschaft. uconomie, Politik und Kultur im Zeichen des Cyberspace. Opladen. 1997; Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУВШЭ, 2000. 608 с.; Katz R. L. The Information Society: An International Perspective. New York. 1988. 189 p.; Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society. Washington, D.C.: World Future Society, 1981. 171 p.; Stonier T. The Wealth of Information. A Profile of the Post-Industrial Economy. London, 1983. 114 p.

5) происходят радикальные изменения социальных структур, следствием которых оказывается расширение сферы информационной деятельности и услуг¹.

Р. Ф. Абдеев определил в качестве основных черт информационного общества следующие:

1. Сокращение числа работающих людей в промышленности и в сельском хозяйстве.

2. Становление информации новым ресурсом человечества.

3. Наукоемкие производства позволят добиваться значительных успехов в экономике даже малым государствам.

4. Власть информации и власть интеллекта в государстве должны пронизывать все остальные власти: законодательную, исполнительную и судебную².

Д. В. Иванов выделил следующие базовые черты этого типа социальной организации:

1) Определяющим фактором общественной жизни в целом является научное знание. Оно вытесняет труд (ручной и механизированный) в его роли фактора стоимости товаров и услуг. Экономические и социальные функции капитала переходят к информации. Как следствие, ядром социальной организации, главным социальным институтом становится университет как центр производства, переработки и накопления знания. Промышленная корпорация теряет главенствующую роль.

2) Уровень знаний, а не собственность, становится определяющим фактором социальной дифференциации. Деление на «имущих» и «неимущих» приобретает принципиально новый характер: привилегированный слой образуют информированные, в то время как не информированные — это «новые бедные». Соответственно, очаг социальных конфликтов перемещается из экономической сферы в сферу культуры. Результатом борьбы и разрешения конфликтов является развитие новых и упадок старых социальных институтов.

3) Инфраструктурой информационного общества является новая «интеллектуальная», а не «механическая» техника. Социальная

¹ Ракитов А. И. Философия компьютерной революции. М.: Политиздат, 1991.

² Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. М.: Владос, 1994.

организация и информационные технологии образуют «симбиоз». Общество вступает в эру, когда социальные процессы становятся программируемыми¹.

Таким образом, развитие и накопление знаний, по мнению ученых должно было стать определяющим фактором развития постиндустриального общества, послужить ключом решения ряда важнейших экономических, технических, социальных и пр. проблем, стать основой устойчивого развития общества на новом этапе. В настоящее время, можно отметить, что многие ожидания ученых 60–90-х гг. XX в. не оправдались, и на практике реализованы далеко не все черты информационного общества. Более того, современные авторы в основном отмечают противоречивый характер и негативные явления, свойственные современному обществу. Так, Д. В. Иванов пишет, что ожидаемое информационное общество так нигде и не состоялось, хотя основные технико-экономические атрибуты постиндустриальной эпохи налицо: преобладание в ВВП доли услуг, снижение доли занятых во «вторичном» и рост доли «третичного» сектора экономики, тотальная компьютеризация и т.п. В то же время, университет не заменил промышленную корпорацию в качестве базового института «нового общества», скорее академическое знание было инкорпорировано в процесс капиталистического производства². В. В. Мантатов отмечает, что современный глобализирующийся капитализм «переходит в качественно новое состояние, к внедрению результатов информационной революции, и этот переход можно обозначить как когнитивный капитализм. Балом правят финансовые игроки, владеющие интеллектуальным инструментарием для собственного обогащения и считающие коммерческий успех единственным смыслом жизни. Всеобщий интеллект сегодня работает больше на частный капитал, чем на общее благо. Мощные интеллектуальные силы брошены не на

¹ Иванов Д. В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. С. 7.

² Там же. С. 19-20.

развитие теории общества, а на псевдонаучное обоснование теории капитала»¹.

Изучая вопрос нереализованности информационного общества, исследователи находят различные причины, с которыми можно во многом согласиться. Так, В. А. Кутырев пишет, что «существует опасение, что человечество стало заложником техногенной информационной реальности»². Кроме того, ученый отмечает, что «в сверхсложных нелинейных системах, каким является современное общество, отдельные рациональные решения в совокупности могут приводить к непредсказуемым и неожиданным результатам» и в итоге рациональные, правильные решения рождают общий иррационализм³. А. Б. Денисова, и В. Г. Сенюшина делают вывод о перемещении жизни современного человека в виртуальную компьютерную реальность, нарушении сложившегося в процессе эволюции единства эмоциональной и рациональной сфер, изменении стиля мышления человека в сторону формально-логичного, технократичного, абстрактного мышления лишённого диалектики, и эмоций⁴. Ряд исследователей (А. И. Горев, М. И. Дзлив, М. А. Дмитрук, А. Исаков, А. Н. Кулибаба, В. Б. Петухов, Г. Г. Почепцов, Н. А. Сигида, У. Тафойа и др.)⁵ выделяют такие

¹ Мантатов В. В. Устойчивое развитие мира: от концептуальной революции к цивилизационной [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.esstu.ru/archives/Sustainable.pdf> (дата обращения: 11.02.2018).

² Кутырев В. А. Любовь к мудрости на пороге Нового века // Вестник МГУ: Философия. 1998. № 3. С. 10.

³ Там же.

⁴ Денисова А. Б., Сенюшина В. Г. Влияние информационной реальности на человека [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7792> (дата обращения: 23.02.2016).

⁵ Горев А. И. Информационный терроризм: современное состояние [электронный ресурс] // Вопросы комплексной безопасности и противодействия терроризму. — URL: http://zhenilo.narod.ru/main/ips/2005_safety_and_terrorism_counteraction.pdf (дата обращения: 07.02.2018); Дзлив М. И. Общество и насилие: от «традиционного» терроризма к информационному // Информ. ресурсы России. — 2002. № 1/2. С. 29–33; Дмитрук М. А. Информационный терроризм // Русский дом. 2003. № 3. С. 48–49; Исаков А. Информационный терроризм // Обозреватель-Observer. 2002. № 5/6. С. 79–84; Кулибаба А. Н. Информационный терроризм [Электронный ресурс]. URL: <http://maxpark.com/community/NOMP.rus/content/1924961> (дата обращения:

отрицательные явления современной цивилизации как информационные войны и информационный терроризм. Д. В. Иванов отмечает, что прогнозы теоретиков оказались несостоятельны в первую очередь потому, что их авторы отождествляли информацию и знание. Информации в современном обществе много, она играет колоссальную роль, но отсюда вовсе не следует, что в современном обществе знание — сила. Современное общество характеризуется широким распространением симуляций и симулякров, созданием виртуальных миров, применением информационных вбросов. В создавшихся условиях, внедрение в жизнь человека так называемых «информационных технологий» скорее удаляет нас от того информационного общества, о котором писали исследователи второй половины XX в.¹ Можно также отметить, что в последние годы обозначенные противоречия значительно обострились.

Таким образом, ученые констатируют, что современное общество характеризуется не ростом устойчивости, а напротив — ростом будущей неопределенности. В то же время перечисленные особенности современной цивилизации не могут считаться чуждыми и должны иметь определенные предпосылки.

На наш взгляд, вопрос о развитии информационного общества во многом связан с представлениями ученых об информационной реальности. Исследуя проблему информационной реальности, необходимо отметить, что в философии понятие «реальность» может рассматриваться как одно из проявлений феномена бытия. Так, например, «Философский словарь» И. Т. Фролова, содержит следующее определение: «Реальность — бытие вещей в его сопоставлении с небытием, а также с другими (возможными, вероятными и т.п.) формами бытия»².

А. А. Любищев выделяет четыре аспекта реальности: 1) аспект качества — имеются разные сорта реальности; 2) аспект количе-

21.03.2016); Петухов В. Б. Интернет и «информационный терроризм» // Свободная мысль. 2008. № 1. С. 169-180; Почепцов Г. Г. Информационные войны. М.: Релф-бук. 2000. 576 с.; Сигида Н. А. Теоретическая война // Теория и история. 2011. № 2(20). С. 159-172.

¹ Иванов Д. В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковеденье. 2002. С. 19-20.

² Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. М.: Республика. 2001. С. 486.

ства — есть разные степени реальности, и весьма возможно, что крайности — абсолютное существование и абсолютное не существование — вовсе не существуют; 3) аспект уровня реальности; 4) использование разных критериев реальности. Первый и четвертый аспекты очень родственны друг другу»¹. Таким образом, реальность может быть выделена исследователем по качественным и количественным признакам, а также по обоснованным критериям и уровню.

Ученый, специалист в области информатики и теории социальных коммуникаций, А. В. Соколов, дает следующее определение реальности: Реальность — бесконечное множество однородных, но не тождественных элементов, движущихся в своеобразном, собственном хронотопе (времени и пространстве). В этом определении представлены следующие отличительные признаки реальности:

а) элементами являются относительно завершенные предметы (процессы, системы), существующие в пределах данной реальности сами по себе, независимо от того, познаны они или нет (бытие в себе);

б) количество элементов бесконечно, их невозможно подсчитать, поэтому они образуют бесконечное несчетное множество;

в) однородность элементов, образующих реальность, обуславливается их субстанциональной общностью (*субстанция* понимается как абсолютное основание сущего, первопричина всех реальностей) и субстратным единством (*субстрат* — это неделимая и элементарная *частица (квант)*, обладающая основными свойствами данной реальности); различие между субстанцией и субстратом в том, что субстанция — активное начало, порождающее различные субстраты, а субстрат — «строительный материал» в пределах данной реальности;

г) благодаря не тождественности элементов образуется *разнообразие* (неоднородность) — неотъемлемое и отличительное качество всякой реальности;

¹ Любищев А. А. О критериях реальности в таксономии // Информационные вопросы систематики, лингвистики и автоматического перевода. М.: ВИНТИ. 1971. Вып. 1. С. 72.

д) элементами являются только те предметы (процессы, системы), которые способны двигаться в своеобразном *хронотопе* (времени и пространстве), свойственном данной реальности; поэтому всякая реальность не статична, а динамична и постоянно эволюционирует¹.

Необходимо отметить, что в науке и философии со времен Декарта и Ньютона доминировала материально-энергетическая картина мира. Признавался только мир, наполненный движущейся материей и энергией — физическая реальность. В настоящее время помимо физической реальности ученые выделяют также биологическую реальность (биосферу), которая в философском плане характеризуется как биологическая форма движения материи; социальную реальность — область бытия человека и общества (социума); субъективную реальность как содержание психических процессов образующих знания, образы, эмоции, желания, фантазии, смыслы; духовную реальность, представленную религией, наукой, искусством, нормами нравственности, литературой, правом, философией, прикладным техническим знанием и др.; технико-экологическую реальность как сферу бытия искусственно созданных техногенных объектов, в частности, станков, машин, компьютеров, средств связи, коммуникационных сообщений; информационную реальность — как сферу бытия информации (на природу которой нет единой точки зрения).

Изучая взаимосвязь типов реальности, А. В. Соколов делает вывод, что физическая реальность предшествовала всем остальным реальностям и послужила первопричиной и необходимым условием возникновения их элементов, начиная с биологических организмов и кончая техносферой. То же можно сказать относительно биологической, социальной и духовной реальностей. А. В. Соколов пишет: «Человек биологический предшествует социальному индивиду (община кроманьонцев предшествует организованному социуму), социальная жизнь порождает социальную духовность, а техносфера не мыслима вне научно-технического

¹Соколов А. В. Информатические описания. Опус 3. Онтология информации. Типы реальностей и типы информации // Научные и технические библиотеки. 2010. № 11. С. 7-24.

◆—————◆
сознания... Последующая реальность становится могучим внешним фактором, воздействующим на породившие её реальности»¹.

Одним из последних исследователями был выделен феномен информационной реальности, который по обозначенной логике способен оказывать влияние на все остальные виды реальности как на предшествующие, и, прежде всего, на социальную реальность жизни общества. Данную точку зрения можно найти, например, в творчестве американского футуролога О. Тоффлера, который социально-экономический прогресс человечества представил в виде трех волн: аграрного общества, индустриальной цивилизации и постиндустриальной цивилизации². Постиндустриальная цивилизация ознаменовалась информатизацией техносферы и тенденцией преобразования социальной реальности в реальность информационную. А. И. Ракитов характеризует информационную реальность как глобальное явление, вносящее изменения во все сферы общественной жизни: «она реализуется как процесс информатизации всех сфер жизни общества и жизнедеятельности человека. Ее конечным результатом должно стать создание новой информационной цивилизации. При этом все претерпевает радикальные изменения; материальное производство и мировоззрение, быт и образование, общение и искусство меняют не только свои внешние очертания, но и внутренние механизмы — содержание деятельности»³.

В связи с ускорением в XX в. всех общественных и научных процессов человеку потребовалось все большее вмешательство техники в привычные для него сферы жизни, что позволило оптимизировать работу, автоматизировать рутинный труд, создать дополнительные возможности интеллектуального развития.

¹ Соколов А. В. Информатические описи. Опус 3. Онтология информации. Типы реальностей и типы информации // Научные и технические библиотеки. 2010. № 11. С. 7-24.

² Тоффлер Э. Метаморфозы власти: пер. с англ. М.: АСТ, 2003. 669 с.

³ Ракитов А. И. Философия компьютерной революции. М.: Политиздат, 1991. С. 14.

Исследования процессов передачи и обработки сообщений по каналам связи Р. Фишера, Х. Найквиста, Р. Хартли, К. Шеннона¹ и их последователей привели к бурному развитию методов кодирования сообщений, появлению языков программирования, вычислительной техники и прежде всего компьютеров. Изменение уровня материального производства не могло не сказаться на социальных процессах. Так философ техносферы Н.В. Попкова отмечает: «Основанная на микропроцессорной технологии компьютерная техника, сначала разрабатывалась для управления сложными технологическими процессами, находящимися (по объему информации или скорости протекания) за рамками непосредственной человеческой мысли, а затем вошла во все сферы производства, управления, быта и досуга. Их перестройку, начавшуюся в конце XX века, часто называют *компьютерной революцией*, чтобы подчеркнуть её влияние на все социокультурные процессы»².

Развитие информационных технологий, рост объемов передачи и обработки информации, широкое внедрение компьютеров в жизнь человека, позволили исследователям выйти на новый уровень представлений об информации — как представлений об информационной реальности в качестве «сложной динамической системы», включающей науки, изучающие информацию (кибернетика, семиотика, синергетика, искусственный интеллект и др.), отрасли использующие информацию (радиоэлектроника, телевидение, образование, медицина и др.), средства производства, передачи и хранения информации, потребителей информации, сеть научно-исследовательских, учебных, административных, коммерческих и других организаций и социальных институтов, содействующих использованию информационных ресурсов.

Изучая основные представления о техногенной информационной реальности можно заметить, что данный вариант во многом опирается на исследования по кодированию сообщений, созданию

¹ Nyquist H. Certain Factors Affecting Telegraph Speed // Bell System Technical Journal. April 1924. P. 324; Hartley R. V. L. Transmission of Information // Bell System Technical Journal. July 1928. P. 535–563; Shannon C. E. A Mathematical Theory of Communication [Электронный ресурс]. URL: // System Technical Journal. 1948. Vol. 27 P. 379–423, 623–656.

² Попкова Н. В. Философия техносферы. М.: URSS; ЛКИ, 2008. С. 20.

языков программирования, широко использующих описательные средства теории вероятностей и математической статистики, и в итоге интерпретирующих информацию как снижаемую, устраняемую неопределенность.

С понятием информационной реальности в настоящее время также часто связывают понятие виртуальной реальности (работы К. В. Ветрова, Е. В. Грязновой, А. Б. Денисова, С. А. Дружилова, Д. В. Иванова, Э. Ю. Калинина, В. А. Кутырева, В. Г. Сенюшина, Е. В. Тюгаева, Ю. В. Черновицкой и др.)¹. Отождествлению виртуальной реальности с информационной реальностью послужило, с одной стороны, развитие информационных технологий, с другой стороны — развитие средств массовой информации. В обоих случаях человек оказывается в искусственном мире, созданном либо техническими компьютерными средствами, либо информационными сообщениями СМИ.

Н. А. Носов отмечает, что понятие «виртуальный» произошло от латинского слова «virtus», которое раскрывается как «1) мужественность, мужество; энергия сила; доблесть; 2) доблестные дела, героические подвиги; 3) превосходное качество, отличные качества; талант, дарование; 4) добродетель, нравственное совершенство, нравственная порядочность, душевное благородство»². Од-

¹ Ветров К. В. Информационная политика и информационная реальность // Информационное общество. 2002. Вып. 1. С. 43–49; Денисова А. Б., Сенюшина В. Г. Влияние информационной реальности на человека [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7792> (дата обращения: 23.02.2016); Кутырев В. А. Реконструкция человека (информационная реальность и философская антропология) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.culturalnet.ru/files/kut/05.html> (дата обращения 20.09.17); Тюгаева Е. В. Влияние информационной реальности на современных школьников [Электронный ресурс]. URL: <http://festival.1september.ru/articles/314909/> (дата обращения: 01.09.17); Черновицкая Ю. В., Калинин Э. Ю. Интернет и информационно-коммуникативная реальность [Электронный ресурс] // Журнальный клуб Интелрос. Вестник Российского философского общества. — 2011. № 4. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/vestnik-rossijskogo-filosofskogo-obshestva/vestnik-4-60-2011/13203-internet-i-informacionno-kommunikativnaya-realnost.html> (дата обращения: 25.05.16).

² Носов Н. А. Словарь виртуальных терминов // Труды лаборатории виртуалистики. М. 2000. Вып. 7. С. 174.

нако, если в Древней Греции термин «virtus» употреблялся как этическая категория, то в индустриальную и постиндустриальную эпоху понятие «виртуальный» стало употребляться для обозначения мнимых ненаблюдаемых объектов. В связи с этим Е. В. Грязнова отмечает, что в XX в. мнимость и не наблюдаемость стало ядром данного понятия¹. Так, виртуальными в физике и химии называются способы умозрительного моделирования недоступных для наблюдения микромиров, например, микромира виртуальных частиц. Аналогичное представление о виртуальности как о мнимости, не наблюдаемости явлений распространено и в гуманитарном знании (работы А. Арто, А. Бергсона, Э. Гусерля, Ж. Делёза, и др.). Так, Э. Гусерль раскрывает человеческую субъективность как особого рода бытие². А. Бергсон пишет о существовании объекта, который отсутствует здесь и сейчас, но реально проявляет себя³. По мнению Ж. Делёза субъективное — это реальное, пребывающее в постоянном процессе актуализации⁴. А. Арто, отмечает, что события реальные и мнимые способны вызывать одни и те же чувства, подобно тому, как театральный актёр реально переживает выдуманные чувства⁵.

Ряд исследователей отмечают, что атрибуты виртуальной реальности получили развитие за долго до появления как понятия виртуальной, так и информационной реальности. Так к доиндустриальным «входам» в виртуальную реальность Н. Г. Багдасарьян и В. Л. Силаева относят изобразительное искусство, музыку, религиозный экстаз. В индустриальную эпоху появляются дополнительные возможности развития виртуальной реальности, такие как фотография, средства видео- и звукозаписи⁶.

¹ Грязнова Е. В. Виртуальная реальность: анализ смысловых элементов понятия // *Философские науки*. 2005. № 2. С. 125–143

² Гусерль Э. *Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии*. Книга первая. Общее введение в чистую феноменологию. М.: Академический Проект, 2009. 489 с.

³ Бергсон А. *Творческая эволюция*. М.: Терра-Книжный клуб. 2001. 384 с.

⁴ Делез Ж. *Различие и повторение*. СПб.: ТОО ТК Петрополис, 1998. 384 с.

⁵ Арто А. *Театр жестокости* // *Театр и его двойник*. М., 1993. 256 с.

⁶ Багдасарьян Н. Г., Силаева В. Л. Виртуальная реальность: попытка типологизации // *Философские науки*. 2005. № 6. С. 39–58.

Исследуя вопросы виртуализации общества, Д. В. Иванов отмечает, что важным оказывается тот факт, что в последние годы XX в. приоритетным стало развитие не информационных, а симуляционных технологий. В результате наращивания оперативной памяти и быстродействия компьютеров, а также создания нового программного обеспечения возникают не только качественно новые формы передачи и обработки данных, но в первую очередь достигается все большее сходство между работой на компьютере и управлением реальными объектами, а также сходство коммуникаций в режиме online с общением в реальном пространстве-времени¹.

Происходит замещение реального исполнения социальных ролей симуляцией, создается образ реальных атрибутов институциональности. Виртуальные сообщества симулируют непосредственность присутствия в общении и социальную близость общающихся людей. Виртуальные корпорации симулируют процедуры заключения контракта и существование организации как субъекта хозяйственной деятельности. Виртуальное казино симулирует соревнование партнеров по игре. Виртуальный взлом симулирует нарушение прав собственности вкладчиков банка.

Столь интенсивное в последние годы использование технологий виртуальной реальности имеет социальный смысл — замещение социальной реальности ее компьютерными симуляциями. Этот социальный аспект развития компьютерных технологий явно превалирует над техническим аспектом².

Аналогичную точку зрения мы встречаем в исследованиях зарубежных ученых. Так по мысли автора теории «виртуального общества» А. Бюля с развитием технологий виртуальной реальности, компьютеры из вычислительных машин превратились в универсальные машины по производству «зеркальных» миров. В каждой подсистеме общества образуются «параллельные» миры, в которых функционируют виртуальные аналоги реальных механизмов воспроизводства общества: экономические интеракции и

¹ Иванов Д. В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение. 2000. С. 13.

² Там же. С. 14.

политические акции в сети Internet, общение с персонажами компьютерных игр и тому подобное. Процесс замещения с помощью компьютеров реального пространства — как места воспроизводства общества — пространством виртуальным А. Бюль называет виртуализацией¹.

В связи с замещением реальности её симуляцией, в научном обороте появился термин симулякра. Данный термин ввели и широко использовали исследователи социальных и культурных изменений в обществе, философы и футурологи Ж. Батай, Ж. Бодрийяр, Ж. Делёз, П. Клоссовский, А. В. Кожевников, Н. Б. Маньковская и др.² для обозначения копии, оригинал которой никогда не существовал. Так Ж. Бодрийяр в книге «Симулякры и симуляция» отмечает: «Абстракция сегодня — это не абстракция карты, копии, зеркала или концепта. Симуляция — это уже не симуляция территории, референциального сущего, субстанции. Она — порождение моделей реального без оригинала и реальности: гиперреального... Речь идет уже ни об имитации, ни о дублировании, ни даже о пародии. Речь идет о субституции, подмене реального знаками реального, то есть об операции по апотропии всякого реального процесса с помощью его операционной копии, идеально дескриптивного, метастабильного, программированного механизма, который предоставляет все знаки реального и предотвращает любые перипетии³. Исследуя симулякры и симуляции, Ж. Бодрийяр раскрывает их проявление, проникновение и использование во всех сферах жизни общества: политической, экономической, социальной, культурной. Симулякры, по мнению исследователей, становятся основной особенностью культуры постмодерна. Симулякры формируют единственно доступную реальность, когда другой реальности, другого мира для чувств и сознания не

¹ Buhl A. Die virtuelle Gesellschaft. uonomie, Politik und Kultur im Zeichen des Cyberspace. Opladen — 1997.

² Батай Ж. Внутренний Опыт. СПб.: Аxioma/Мифрил, 1997. 336 с.; Клоссовски П. Симулякры Жоржа Батая // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль XX века. СПб.: Мифрил, 1994. С. 79–91; Маньковская Н. Б. Эстетика постмодерна. СПб.: Алетейя, 2000. С. 60.

³ Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция [Электронный ресурс]. URL: http://lit.lib.ru/k/kachalow_a/simulacres_et_simulation.shtml (дата обращения 21.03.2016).

существует. В итоге, виртуальная реальность замещает объективную реальность, одновременно человек эпохи постмодерна отчуждается в виртуальную информационную реальность, что является тревожным фактом.

Исследованию угроз асоциального развития и отчуждения человека из социальной реальности в информационно-виртуальную посвятили свои работы А. И. Арнольдов, А. К. Гостищев, Ю. Давыдов, Г. Дебор, Ю. А. Ляшенко, Н. А. Носов, В. В. Парцвания и др.¹ По мнению ученых, именно проблема отчуждения, ведущая к деградации, как отдельной личности, так и всего общества, сегодня является одной из центральных в вопросах развития современной западной цивилизации.

Изучая проблему отчуждения человека в виртуальной реальности, специалисты выделяют следующие ее формы:

1. Отчуждение человека от общества, результатом которого становится ослабление социальных связей и контактов. Виртуальная реальность является средой существования вне общества, если общество трактовать как систему институтов. Коммуникации и взаимодействие людей не регулируются там никакими социальными нормами. Созданная искусственными средствами, так называемая квазиреальность выделяется или принимается субъектом за подлинную или близкую к таковой. Люди большую часть времени живут не в мире материальном, а в мире образов и смыслов. Общение все чаще происходит не на телесном, материальном, а на виртуальном уровне. Это пребывание в мире грез и иллюзий становится для человека важной составляющей бытия, что является предпосылкой ослабления реальных социальных связей.

2. Отчуждение человека от самого себя посредством создания виртуальной личности. В виртуальном мире позволено все, и основанием для этого является ирреальность происходящих в нем

¹ Арнольдов А. И. Цивилизация грядущего столетия (Культурологические размышления). М.: Грааль, 1997. 328 с.; Давыдов Ю. Бегство от свободы. Философское мифотворчество и литературный авангард. М. 1996. 365 с.; Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 2000. 184 с.; Ляшенко Ю. А. Отчуждение человека в виртуальной реальности // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2009. Т. 7. Вып. 3. С. 50–52; Носов Н. А. Виртуальная реальность // Вопросы философии. 2003. № 10. С. 152–164.

событий. В то же время эта иллюзорность кажется реальной для человека, так как представляет «действительную» возможность реализовать любые фантазии и испытать разного рода ощущения, находясь вне реального мира. Люди погружаются в мир грез, который волнует больше, чем окружающая действительность. Индивид полностью включается в восприятие виртуальной реальности, а соответствующие информационные образы, принадлежащие к основной действительной реальности, оказываются в этом случае блокированными и недоступными.

При глубоком погружении образы виртуальной реальности воздействуют на все органы чувств человека. Способности сознания к ее критическому восприятию зачастую не используются. Поэтому человеку легко запутаться — где происходит событие — в мире, порожденным самими человеком, или внешнем, независимо от него¹. Создавая некий иллюзорный образ бытия, воздействуя на сознание человека, виртуальная реальность провоцирует переход реальной личности в жизнь виртуальную, отвлекает от реального поиска самоидентификации, что приводит к потере реального «Я» и способствует отчуждению индивида от самого себя. В результате происходит трансформация духовного мира человека, меняется его образ мысли и образ жизни.

3. Духовное отчуждение, которое проявляется в отчуждении человека от культуры и от морали. Зачастую это выражается в этноцентризме и национализме, влияние которых усиливается в условиях кризиса экономики и политической власти. Данные особенности ярко проявились в российском обществе в период кризиса 1990-х годов, что выражалось в убежденности превосходства западной культуры над отечественной.

Стремление не к познанию и развитию, а к абсолютной праздности, желанию развлечься, забыться. Пребывание в виртуальном пространстве способно будить воображение человека. Выходя за пределы смерти и времен, аннулируя свою заброшенность, человек преодолевает экзистенциальную ограниченность реальности. В результате, наблюдается вытеснение прежних социальных дей-

¹ Носов Н. А. Виртуальная реальность // Вопросы философии. 2003. № 10. С. 152–164.

ствий новыми, приобретаемыми посредством компьютерного моделирования. Виртуальный мир повышает вероятность распада реальной личности — она удваивается, утраивается и в этом состоянии перестает быть личностью.

Изучая причины погружения человека в виртуальный мир, исследователи выделяют постоянный дискомфорт, испытываемый человеком от дефицита живого общения, что особенно характерно для больших городов. В условиях современности нормальное отношение человека к человеку становится затруднительным. Ученые отмечают, что большая часть контактов сегодня носит формальный, бессодержательный характер, что ведет к проблеме одиночества человека в массе. Нехватка качественного человеческого общения становится острейшей проблемой, которая грозит духовно-нравственному климату общества, ведет к отчуждению, деградации¹.

В вопросе закономерности развития проблемы отчуждения существуют различные точки зрения. Так, В. В. Парцвания, А. К. Гостищев и др. приходят к выводу о неизбежности отчуждения человека в виртуальную информационную реальность на текущем этапе исторического развития общества, раскрывают явление отчуждения как атрибут прогресса². В то же время, большинство исследователей (А. И. Арнольдов, Ю. Давыдов, Г. Дебор и др.) сходятся в мысли об отчуждении, как о явлении, ведущем к разрушению и исчезновению общества³.

В настоящее время значительная роль в развитии информационной реальности также отводится средствам массовой информации (СМИ). То, что мы знаем о нашем обществе и даже о мире, в

¹ Ляшенко Ю. А. Отчуждение человека в виртуальной реальности // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2009. Т. 7. Вып. 3. С. 50–52.

² Гостищев А. К. К вопросу о перманентности отчуждения // Отчуждение как социокультурный феномен: тез. докл. всесоюз. науч.-практ. конф., 16-18 апреля 1991 г. Симферополь, Киев. С. 35–41; Парцвания В. В. Правильно ли мы понимаем сущность человека? Тверь. 1996. 144 с.

³ Арнольдов А. И. Цивилизация грядущего столетия (Культурологические размышления). М. : Грааль, 1997. 328 с.; Давыдов Ю. Бегство от свободы. Философское мифотворчество и литературный авангард. М. 1996. 365 с.; Дебор Г. Общество спектакля. М. : Логос, 2000. 184 с.

котором живем, мы знаем благодаря массмедиа¹. В современном обществе СМИ выступают важнейшим средством развития информационной реальности как виртуальной реальности. Именно они освещают происходящие в мире события, и, являясь важнейшим звеном в процессах социальных взаимодействий, осуществляют горизонтальные и вертикальные связи между гражданами и властью. Представляемая СМИ реальность становится для общества информационной реальностью. При этом получатель информации зачастую никак не может проверить подлинность представленной информации, в то время как в современной журналистике значительную роль играет авторское видение возникшей ситуации, ангажированность, субъективность исследователей, заинтересованность в определенном направлении развитии событий и пр. Нередко СМИ являются зависимыми от спонсоров и политических сил, используются как инструмент управления обществом, применяются для смещения внимания населения в сторону несущественных событий, рекламы и пр.

В современных условиях роста социальной и политической напряженности в мире СМИ являются мощным средством управления и манипулирования. В связи с этим ряд ученых (Г. Вейман, Н. Л. Волконский, В. П. Емельянов, А. Исаков, А. Кота, А. Кулибаба, В. А. Кульба, А. А. Мухин, И. Н. Панарин, Г. Г. Почепцов, Е. Е. Рыбакова, У. Тафойа и др.) выделяют также явления «информационного терроризма», «кибертерроризма», «информационных войн».

А. Исаков отмечает, что информационный терроризм — это, прежде всего, форма негативного воздействия на личность, общество и государство всеми видами информации. Его цель — ослабление и расшатывание конституционного строя. Информационный терроризм осуществляется в области, охватывающей политические, философские, правовые, эстетические, религиозные и другие взгляды и идеи, то есть в духовной сфере, там, где ведется борьба идей. Он ведется разнообразными силами и средствами — от аген-

¹ Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. С. 8.

туры иностранных спецслужб до отечественных и зарубежных СМИ»¹.

А. Кулибаба отмечает, что ничто так сильно не влияет на людей, общество и государство, как источники правдивой или ложной информации². В этих условиях информационный терроризм, представляет собой предельно опасное асоциальное явление и самое коварное преступное деяние. Информационный терроризм безжалостно поражает три основных зоны:

а) бытовую, когда поражение несет локализованный личностный характер;

б) псевдонаучную, когда разрушаются объективно-закономерные логические связи проверенных научных истин;

в) социально-политическую, когда на национально-государственном и всемирном уровне обманывается все население человечества-социума-сообщества многочисленных народов-наций-цивилизаций³.

У. Тафойа определяет информационный терроризм как «запугивание общества путем использования высоких технологий для достижения политических, религиозных или идеологических целей, а также действия, которые приводят к отключению или удалению критических для инфраструктуры объектов данных или информации»⁴.

Понятие «кибертерроризма» исследователи (К. Андерсон, М. И. Дзлиев, М. А. Дмитрук, Б. Коллин, В. Б. Петухов, А. И. Пропицин, П. А. Сельцовский, В. В. Скорик и др.) раскрывают как использование телекоммуникационных и компьютерных технологий, радиоэлектроники в террористических целях⁵. Кибер-

¹ Исаков А. Информационный терроризм // Обозреватель-Observer. 2002. № 5/6. С. 79–84.

² Кулибаба А. Н. Информационный терроризм [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://maxpark.com/community/NOMP.rus/content/1924961> (дата обращения: 21.03.2016).

³ Там же.

⁴ Tafoya W. L. Cyber Terror [Электронный ресурс] // FBI Law Enforcement Bulletin. 2011. URL: <http://www.fbi.gov/stats-services/publications/law-enforcement-bulletin/november-2011/cyber-terror> (дата обращения: 27.04.2014).

⁵ Collin B. The Future of Cyberterrorism // Crime & Justice International Journal. — 1997. Vol. 13. Вып. 2; Петухов В. Б. Интернет и «информационный терроризм» /

терроризм в этом случае выступает как дальнейшее развитие явления информационного терроризма.

В свою очередь, информационные войны С. Н. Бухарин, А. А. Зиновьев, И. Н. Панарин, Г. Г. Почепцов, Н. А. Сигида и др. характеризуют как «психологические войны», «войны нового поколения», заменяющие горячие конфликты. Информационные войны выступают как направленные на изменение индивидуального и массового сознания (противника) через вбросы дезинформации либо через пропаганду и распространение выгодной для атакующей стороны информации. Целью, как правило, выступает давление на политическую элиту общества, либо захват власти с полной сменой существующего политического режима¹.

Так, информационной войной ученые признают «холодную войну» между СССР и США 1946-1991 гг., оружием в которой выступила идеология². По мнению исследователей, информационные войны также во многом способствовали осуществлению «цветных революций» в Сербии (2001г.), Грузии (2003 г.), Югославии (2000 г.), на Украине (2004, 2014 г.), Ираке (2005 г.) и др. Кроме того попытки проведения цветных революций были предприняты в Белоруссии (2006 г.), Армении (2008 г.), России (2011-2013 гг.). Эксперты также отмечают значительную интенсивность информационной пропаганды стран Запада и США во время последних горя-

В. Б. Петухов // Свободная мысль. 2008. № 1. С. 169–180; Дмитрук М. А. Информационный терроризм // Русский дом. 2003. № 3. С. 48–49; Пропицин А. И. Информационный терроризм как новый вызов человечеству / А. И. Пропицин // Вестник Краснодарского ун-та МВД России. 2009. № 1. С. 134–137; Пеньков И. А. Кибертерроризм и борьба с ним // Власть. 2004. № 12. С. 23–28; Сельцовский П. А. Разновидности и формы терроризма в современных условиях // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 4. С. 301–307; Скорик В. В. Международная информационная безопасность: проблемы и перспективы // Электросвязь. 2008. № 8. С. 2–4.

¹ Бухарин С. Н. Методы и технологии информационных войн. М.: Академический проект, 2007. 384 с.; Панарин И. Н. Информационная война и геополитика. М.: Поколение, 2006. 560 с.; Почепцов Г. Г. Информационные войны. М.: Рефл-бук; К.: Ваклер, 2000. 576 с.; Лассуэл Г. Техника пропаганды в мировой войне: Библиотека иностранной военной литературы: сокр. пер. с англ. Н. М. Потапова. М., Л.: Государственное издательство. Отдел военной литературы. 1929. 200 с.

² Сигида Н. А. Теоретическая война // Теория и история. 2011. № 2(20). С. 166.

чих конфликтов в Ираке, Ливии, Сирии, Югославии, Грузии, Палестине, Украине и др.

Таким образом, можно отметить, что явления информационных войн и информационного терроризма представляют собой агрессивные технологии произвольного конструирования информационной реальности с целью получения желательных реакций общества и приведения фактической ситуации к произвольной, авторски сформулированной. Необходимо отметить, что в этом случае формирование информационной реальности приобретает характер директивы, а не простого описания непознаваемых объектов, как на начальном этапе развития техногенной информационной реальности (на заре появления информационных технологий) и развития журналистики.

На наш взгляд, вопрос о развитии информационного общества во многом связан с реализацией метафизических либо диалектических принципов и методов в теории и в социальной практике.

При обосновании актуальности теорий информации и моделей информационной реальности необходимо различать типы общества в зависимости от основных востребованных методологий развития (диалектических и метафизических). В этом случае каждому типу общества оказываются адекватны свои представления о природе информации и информационной реальности. Теории, свойственные индивидуалистическому типу общества, будут иметь существенные отличия от теорий, которые свойственны коллективистскому типу общества, поскольку в центре внимания исследователей в каждом случае лежат различные стандарты научности, естественности, социальности.

Для индивидуалистического типа общества в центре внимания, как правило, находится познание потребительской ценности изучаемых явлений, в этом случае методологически значимыми выступают аксиологический, прагматический и другие исследовательские подходы, направленные в целом на рост индивидуального благосостояния человека, расширение его прав и свобод. Данные основные цели существования были выработаны исторически — в результате естественного развития человека и общества на территории Римской империи и унаследовавшей его традиции Западной Европы и Америки. Свойственные западной цивилиза-

ции стандарты формировались в философии античных софистов (Протагора, Гиппия, Горгия), средневековых схоластов (Ф. Аквинского, Д. Скотта, И. С. Эриугены и др.), философов Нового и Новейшего времени (Ф. Бэкона, Т. Гоббса, И. Канта, Дж. Локка, Ш. Л. Монтескье, и др.). Принципами существования человека и общества в этом случае были определены принципы субъективизма, антропоцентризма, агностицизма и др. Соответственно в этом случае цели человека и общества могут достигаться любыми методами, которые не запрещены законом. В том числе в качестве таких методов могут выступать методы подавления, присвоения, уничтожения, доминирования, введения в заблуждение, форматирования общества, природы, человека, манипулирования ими и пр.

Для метафизики первостепенным является признание прав и свобод человека, его личной заинтересованности. При этом мы считаем, что акцент в реализации прав и свобод может смещаться либо в пользу статистического большинства общества, либо, в случае навязывания обществу своей воли — в пользу ограниченного круга лиц или даже конкретной личности. В первом случае происходит развитие демократического общества, во втором случае — развитие консервативного общества, крайней формой которого является тоталитарное общество.

В случае реализации прав и свобод статистического большинства граждан в развитии различных сфер общества правят демократические принципы, во всех вопросах общественного развития преобладают либеральные взгляды. В данном случае характерна ориентация на идеалы свободного рынка, свободной конкуренции, управление «невидимой руки рынка». Здесь отсутствует директивность, заданность направления развития, — движение вперед определяется как результат динамического равновесия спроса-предложения.

Исходя из перечисленных особенностей демократического общества, информационная реальность получает свои отличительные черты. Прежде всего, это — техногенная информационная реальность, вышедшая из работ классиков теории информации (Р. Хартли, К. Шеннона, Л. Сцилларда и др.), раскрывающих ее как количественные и ценностные стороны сообщений, передаваемых по каналам связи (радио, телевидения и пр.). Получив значи-

тельный стимул в виде потребительского спроса, информационные технологии пережили бурный процесс развития. В этом случае информационная реальность выступает как представленная реальностью бытия вычислительной техники, программного обеспечения, виртуальной компьютерной реальностью, а также виртуальной реальностью СМИ. Она включает науки, изучающие информацию, отрасли, использующие информацию, средства производства, передачи и хранения информации, потребителей информации, сеть организаций и социальных институтов, содействующую использованию информационных ресурсов и пр.

Представленная информационная реальность выступает как целиком основанная на потребностях, правах и свободах человека. Из этого вытекает такая ее особенность, как стихийность развития вследствие изучения потребностей человека, исследования меняющегося спроса и его удовлетворения путем совершенствования сферы бытия объектов техногенной информационной реальности. Несомненно, в данном случае есть неоспоримые плюсы, основные из которых, — невероятный прогресс технологий, рост производительности труда, развитие наукоемких отраслей, общее ускорение технического развития общества. Так, еще в 1965 г. согласно наблюдению одного из основателей компании Intel Г. Мура, получившее в дальнейшем известность как «закон Мура», число транзисторов в производимых чипах удваивается каждые два года, т.е. согласно экспоненциальному закону. В 1975 г. другой представитель Intel Д. Хаус отметил, что производительность процессоров удваивается каждые 18 месяцев вследствие роста плотности транзисторов и тактовых частот¹. Проводились и более поздние исследования, которые свидетельствуют, о сопоставимом росте производительности вычислительной техники. Так в работах А. Скоробова отмечено, что производительность процессоров удваивается каждые 20 месяцев, их тактовая частота каждые 25

¹ Denning P. J., Lewis T. G. Exponential Laws of Computing Growth [Электронный ресурс] // Communications of the ACM, January, 2017. Vol. 60. № 1. Режим доступа: <https://cacm.acm.org/magazines/2017/1/211094-exponential-laws-of-computing-growth/fulltext> (дата обращения: 20.11.17).

месяцев¹. В результате совершенствования информационной техники и технологий в современном обществе происходит лавинообразное нарастания массы разнообразной информации, которое получило название «информационного взрыва».

В то же время на сегодняшний день накоплены и значительные проявления отрицательных сторон данного варианта развития информационной реальности. Реализация прав и свобод граждан, на которую ориентировано западное общество, само по себе является большой ценностью для человека. В связи с этим демократическое государство и западный образец развития общества часто считают эталоном, к которому необходимо стремиться. В то же время необходимо обратить внимание, что права и желания человека не защищают его от ошибок, а общество от деградации и уничтожения.

Необходимо отметить, что особенности развития в соответствии с метафизическими принципами сегодня затрагивают не только сферу существования информационной реальности (техногенной, виртуальной компьютерной, информационной реальности СМИ). Исследования ряда авторов (Г. Кайберга, Я. Лукасевича, Р. фон Мизеса, А. Тарского, А. Н. Уайтхеда и др.²) свидетельствуют, что одни и те же логические индуктивные методы построения находятся в основе как отдельных теорий, так и наук. В этом случае, принципы непознаваемости, антропоцентризма, плюрализма, прагматизма лежат в основе изучения и развития всех сфер жизни общества. В политической сфере актуальными выступают идеалы демократии, идеалы главенства светской власти над властью духовной; в экономической сфере — идеалы законов баланса спроса-предложения, свободного рынка и конкуренции; в социальной сфере — идеалы личности, защищенной законом; в духовной сфе-

¹ Скоробов А. Закон Мура [Электронный ресурс] // Сайт математико-механического факультета УрГУ. 2005. URL: <http://cs.usu.edu.ru/study/moore/> (дата обращения: 20.11.17).

² Кайберг Г. Вероятность и индуктивная логика. М.: Прогресс, 1978. 376 с.; Лукасевич Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М.: Иностр. лит. 1959. 312 с.; Тарский А. Введение в логику и методологию дедуктивных наук. М.: Иностр. лит. 1948. 327 с.

ре — идеалы независимого самовыражения человека в творчестве, науке и искусстве, свобода от догм религии и морали.

В данном случае, для более адекватной оценки особенностей формирования техногенной информационной реальности, для задач развития демократического общества, на наш взгляд, уместно обратиться с одной стороны — к исследованиям структуры потребностей и мотивации личности (например, по А. Маслоу, З. Фрейду, Мак Клееланду и др.), а с другой — к исследованиям общей структуры общества, которое часто характеризуют, как представленное «пассивным большинством» и «активным творческим меньшинством» (работы Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Д. Е. Григоренко, В. Д. Калашникова, А. В. Лони́на, Н. И. Новикова, Н. В. Фоминой и др.¹).

При изучении мотивации личности ученые, как правило, отмечают первостепенную важность физиологических потребностей. Так по З. Фрейду, основой мотивации, является стремление удовлетворить врожденные инстинкты, направленные на индивидуальное выживание и продолжение рода². Согласно же теории иерархии потребностей, описанной А. Маслоу в работе «Мотивация и личность» в 1954 г.³ можно выделить несколько основных уровней:

1) физиологические потребности (удовлетворение голода, жажды, полового влечения);

¹ Бердяев Н. А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Берлин: Обелиск, 1923. 246 с.; Григоренко Д. Е. Адекватность концепции управления обществом его культуре и цивилизации: монография. Красноярск: Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т. 2007. 160 с.; Калашников В. Д. Субъективные факторы и объективные условия устойчивого развития общества: теория и история. Красноярск: Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т. 2003. 226 с.; Лонин А. В. Роль авангарда в развитии социальной сферы жизнедеятельности общества // Теория и история. 2013. № 2 (24). С. 32–41; Фомина Н. В. Власть лучших: монография. Красноярск: СИБУП, 2006. 136 с.

² Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности [Электронный ресурс]. URL: <http://zigmund.ru/data/5.doc> (дата обращения: 20.09.2017).

³ Маслоу А. Г. Мотивация и личность [Электронный ресурс]. URL: http://www.bim-bad.ru/docs/maslow_motivation_and_personality.pdf (дата обращения: 21.08.2017).

2) потребности в безопасности (в стабильности, в защите, в свободе от страха, тревоги, хаоса, порядке, законе, обеспечение комфорта, постоянства условий жизни);

3) потребность в принадлежности и любви, привязанности;

4) потребность в признании, уважении, одобрении;

5) потребность в самоактуализации, самовыражении;

6) потребность в познании и понимании;

7) эстетические потребности гармонии, красоты и пр.

Данные уровни, в дальнейшем позволили последователям А. Маслоу говорить о так называемой «пирамиде потребностей». В этом случае физиологические потребности и потребность в безопасности формируют «первичные» потребности человека, составляя фундамент остальных — «вторичных». Формы проявления потребностей у разных людей могут отличаться, также может отличаться иерархия «вторичных» потребностей, — на их актуальность может влиять возраст, интеллект, образование, моральные качества и другие индивидуальные особенности личности. В то же время первичные физиологические потребности (за редким исключением) всегда составляют фундамент вторичных.

Демократическое общество стремится учитывать права и потребности всех граждан. В то же время, можно отметить, что в условиях развития данного типа общества, подавляющее влияние на его черты «как целого» оказывают потребности статистического большинства, которое часто характеризуется исследователями как «пассивное большинство», и соответственно во многом ориентированное, на самые низшие ступени человеческих потребностей — и прежде всего на физиологические.

Представленная ситуация усугубляется интересами капитала, с целью максимизации прибыли играющего на человеческих слабостях. В связи с этим В. В. Мантатов отмечает, что «информационная революция за чрезвычайно короткие в историческом масштабе сроки создала технологические условия для глобализации этики гипертрофированного индивидуализма, сформировавшейся в лоне западной цивилизации. Всем слоям населения через средства массовой информации навязываются идеология собственнического эгоизма и наживы, унифицированная псевдокультура и

псевдоэстетика гламура»¹. Таким образом, на сегодняшний день можно констатировать, что слепое следование метафизической модели закономерно ведет человека и общество к формированию так называемого «общества потребления»² (Ж. Бодрийяр), к деградации культуры и морали, и вместе с тем способствует развитию экономических, экологических и других угроз. Таковы, основные особенности развития демократического общества и соответствующей ему техногенной информационной реальности, определяющей особенности социальной и прочих видов реальности.

В случае развития консервативного типа общества, крайней формой которого выступает тоталитарное общество, метафизические принципы антропоцентризма, агностицизма, скептицизма и др. реализуются совершенно иначе. Развитие общества в этом случае получает ключевую особенность — направленность, директивность, продиктованную изначальным авторским формулированием результата, к которому в итоге необходимо прийти, который необходимо реализовать на практике. В этом случае, первостепенное значение приобретают цели конкретного индивидуального человека, или группы людей, стремящихся к воплощению своих авторских моделей в какой-либо сфере.

Информационная реальность в этом случае выступает как изначально вышедшая из исследований журналистики и работ классиков теории информации, а потому в настоящее время также ассоциируется со СМИ и технологической стороной информационной реальности. В то же время, можно отметить, что либеральные методы развития свойственные первоначальному этапу становления техногенной информационной реальности (на основе баланса спроса-предложения), сегодня во многом сменились агрессивными директивными методами. Если не брать во внимание модели об идеальной природе информации и информационной реальности, как авторские, но неагрессивные консервативные теории, то в це-

¹ Мантатов В. В. Устойчивое развитие мира: от концептуальной революции к цивилизационной [электронный ресурс]. URL: <http://vestnik.esstu.ru/archives/Sustainable.pdf> (дата обращения: 11.02.2018).

² Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulit.me/books/obshchestvo-potrebleniya-read-88332-1.html> (дата обращения: 11.09.2017).

лом, данное направление можно характеризовать как активно формирующее информационную картину мира в форме удвоения реальности (т.е. в форме построения репрезентаций действительности). В свете постоянной мировой гонки за лидерство в экономическом развитии и борьбы политических элит, сегодня ведутся многочисленные информационные войны, разворачиваются целевые маркетинговые и политические компании, сопровождающиеся информационными вбросами, информационным терроризмом, кибертерроризмом, методами применения нейролингвистического программирования (НЛП), активным формированием спроса на продукты и услуги и пр.

Информационная картина мира в этом случае выступает как предварительно сформулированная, авторски заданная и представляет собой идеальный объект, требующий воплощения на практике, путем привлечения и манипуляций фактами, идеальными, нередко ложными образами, путем использования формальных языков и других средств двузначной дедуктивной логики. Как следствие, рассмотренная версия реализации информационной реальности является источником общей нестабильности и несет угрозу катастроф различного масштаба.

Необходимо отметить, что подобные модели исторически воплощаются во всех сферах консервативного общества. Так в политической сфере жизни общества — это область бытия идеальных моделей государственного устройства, которые могут быть авторски созданными, либо продиктованными догмами религии, партийной идеологии и т.п. Примерами здесь могут служить средневековые государства Западной Европы, контролируемые католической церковью, идеи переустройства мира нацистской Германии в соответствии с теорией расового превосходства, современная идея общества «золотого миллиарда» и пр. Для экономической сферы жизни общества — это контроль всех субъектов экономической деятельности, модели плановой экономики, диктат цен, нерыночные методы регулирования курсов национальных валют и др. Для социальной сферы — это идеалы контроля человека и общества, стремление к программированию социальных процессов и др. Для духовной сферы — это подчинение науки и искусства какой-либо идеологии или религии, пресечение инакомыслия и пр. К

подобным авторским идеям также можно отнести современные идеи о «лучшей нации», политические толки вокруг «российской угрозы» для западной цивилизации, попытки экономического давления и изоляции отдельных государств, практику «двойных стандартов», санкций и пр.

Несмотря на многочисленные негативные проявления модель информационной реальности, реализуемая методами произвольного конструирования, является востребованной современным обществом. Проведенное исследование позволяет сделать заключение, что, в данном случае первостепенная роль отводится информационным технологиям, а также методам психологического воздействия на человека, что способствует как техническому и научному прогрессу, так и реализации амбициозных идей элиты общества, что в итоге лучшим образом соответствует задачам существования индивидуалистического общества консервативного типа. В этом случае, плановые — директивные методы развития информационной реальности выступают как дополняющие, корректирующие стихийно развивающуюся техногенную информационную реальность. Здесь уместно обратить внимание, что в развитии западного общества демократические и консервативные модели в целом нередко чередуются, сменяя друг друга. Так в политической и экономической сферах общества, к власти приходят то либералы/демократы, то консерваторы/республиканцы, а рыночные принципы сменяются принципами большего контроля экономики и наоборот. На наш взгляд, указанное чередование демократических и консервативных моделей связано со смещением акцента в реализации прав и свобод граждан индивидуалистического общества между пассивным социальным большинством и властной элитой общества.

Вместе с тем, можно отметить, что директивные консервативные теории, обладают и значительными недостатками, которые кроются в самом принципе их авторского построения, а именно — в их умозрительности. Идеальные модели не учитывают многие объективные причины, и на практике входят в конфликт с естественным выработанным способом существования общества, при реализации требуют значительных изменений, нередко разрушений. Зачастую идеальная модель, с большими усилиями вопло-

ценная ученым, в дальнейшем опирается только на его авторитет, подавляет прочие альтернативные точки зрения, а после теряет свою актуальность, служит источником возникновения нестабильности и кризисных явлений.

Авторская модель целиком отражает понимание ситуации конкретным человеком — ее автором. В этом случае существует риск навязывания обществу ошибочных теорий, обусловленных индивидуальными предпочтениями, субъективной оценкой, личностными особенностями, а нередко психическими расстройствами. Так согласно Международной классификации болезней и проблем (МКБ-10), связанных со здоровьем выделяют следующие специфические расстройства личности: параноидное, шизоидное, диссоциальное, эмоционально неустойчивое, истерическое, нарциссичное и др.¹ Перечисленные отклонения могут отражаться в создаваемых авторских теориях, и, в случае воплощения на практике, влиять на развитие различных сфер общества.

Таким образом, слепое следование метафизическим принципам антропоцентризма, плюрализма, агностицизма и пр. для человека, общества и окружающей природы имеет потенциал создания значительных угроз, многие из которых сегодня отнесены к разряду глобальных. Это экологические проблемы, связанные с нарушением баланса между обществом и природой в результате неумеренного потребления; это проблема конфликтов и войн за ресурсы; проблема голода в развивающихся странах вытекающая из политики потребностей «золотого миллиарда», проблемы глобализации и др.

Примечательно, что при изучении развития информационной реальности средствами метафизики, данному кругу вопросов, как правило, внимание не уделяется, поскольку информационная реальность для исследователей затрагивает только сравнительно узкий круг явлений, связанных с передачей, хранением и обработкой информации, а также с вопросами сообщений СМИ и виртуальной реальности.

¹Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем. Десятый пересмотр. Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс]. Женева. 1995. URL: http://base.garant.ru/4100000/#block_5000 (дата обращения: 20.09.2017).

В свою очередь, диалектика под информационной реальностью понимает определенность и оформленность всеобщей связи явлений в виде системности, упорядоченности, организованности мира, со свойственными им атрибутами, свойствами, функциями, количественными, качественными и пр. характеристиками. В этом случае на первый план выходят не явления потребительной ценности или технологические вопросы, а явления отрицательного вклада в энтропию как информационные процессы. Системность, организованность, упорядоченность, сложность мира как раз и являются результатами реализации данных процессов, а свойственные им атрибуты, функции, качества и пр. раскрываются как формы отрицательного вклада в энтропию, т.е. в соответствии с негэнтропийным принципом информации Л. Бриллюэна выступают как явления информации. Соответственно информационная реальность в данном случае включает в себя гораздо больший круг явлений и процессов, изучает более широкий спектр проблем, в том числе глобальные проблемы человечества.

Подчеркнем, что информационная реальность в соответствии с диалектикой на передний план ставит вопросы отрицательного вклада в энтропию, в том числе в социальную энтропию и выходит далеко за рамки узких технических дисциплин, изучающих передачу сигналов по каналам связи, реальность информационных сообщений СМИ, виртуальную компьютерную реальность, реальность рекламных компаний и др. Представления об информационной реальности в соответствии с диалектикой отталкиваются не от потребительной ценности информационных технологий, и не от идеальных авторских моделей информационной картины мира. В данном случае первостепенное значение приобретают способы поддержания и развития системности, упорядоченности, гармоничности окружающего мира, в том числе общества и человека¹.

В качестве движущих сил развития общества в этом случае исследователи на первое место ставят сбалансированное развитие светской и духовной власти, — их симфонию (Н. М. Чуринов²).

¹ Корягин В. В. Материальные и идеальные аспекты природы информации // Вестник КемГУ. 2012. № 4 (52). Т.1. С. 246–249.

² Чуринов Н. М. Русский экономический проект [Электронный ресурс]. URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=155993&fpage=1> (дата обращения: 02.02.12).

Основная роль в развитии общества видится в способности активного творческого меньшинства общества — его авангарда, выступать «частью общества большей, чем целое», вести общество за собой, противодействовать разрушительным явлениям в социальной, политической, экономической, культурной сферах общества. В соответствии с выводами, полученными ранее в ходе диссертационного исследования можно сделать заключение о высокой, определяющей роли социальной аристократии, важности идеологии служения Отечеству, значимости единства духовной и светской власти в судьбе коллективистского типа общества.

Задавшись вопросом адекватной оценки выявленных теорий информации и концепций информационной реальности для нужд развития информационного общества необходимо отметить, что любая модель информационной реальности должна выступать как обусловленная всей предыдущей историей развития науки и философии того или иного типа общества. Чуждая модель информационной реальности не может быть востребована в обществе, не имеющем необходимых исторических, политических, культурных, природных и пр. предпосылок. Любое общество должно относиться к предлагаемым теориям развития с полным пониманием своих особенностей и принадлежности.

Таким образом, в изучаемом вопросе о природе информационной реальности не может быть единства между теориями, основанными на метафизической методологии, и теориями, опирающимися на диалектику. При изучении представлений об информационной реальности с позиций метафизики и диалектики видны существенные отличия. В первом случае — это произвольное конструирование, либо описание непознаваемой сущности — информации и информационной реальности, во втором случае — это исследование и отражение действительного мира в научном знании. В первом случае мы видим многочисленные отрицательные стороны произвола человека, такие как информационные войны, информационный терроризм, технологии НЛП, отчуждение человека в виртуальную реальность и пр. в итоге способствующие деградации и вырождению человека и общества, замещению более жизнеспособными нациями. Во втором случае мы обнаруживаем стремление сделать взаимосвязь человека и общества, общества и при-

роды гармоничной посредством внесения отрицательного вклада в окружающий человека хаос, в том числе в социальной сфере, что должно способствовать дальнейшему существованию и устойчивому развитию. Вместе с тем, диалектика не отвергает важность соблюдения прав и свобод человека, но сталкивается с их закономерными ограничениями. Так, Д. Е. Григоренко отмечает, что диалектика не отрицает свободу, заключенную в пределы необходимости. «Более того, именно разнообразие как проявление свободы в рамках необходимости является показателем высокого уровня антиэнтропийности системы, поскольку однообразие есть, напротив, индикатор энтропии. Такая постановка соотношения свободы и необходимости была высказана еще в античной философии»¹. Так, свобода, «согласно Эпикуру, может быть найдена не вне необходимости и не помимо необходимости, а в тех самых реальных условиях, в которых проявляется необходимый порядок вещей»². Свобода вне необходимости — это главный причинный фактор актуализации хаоса, энтропии.

Такая автономная свобода (свобода вне необходимости) является одним из путей к небытию, поскольку она (свобода) «взламывает» естествоповелительность (необходимость — законосообразность), блокируя тем самым антиэнтропийный процесс созидания доминантного очага. В итоге доминантный очаг не может самореализоваться. Вещь не становится тем, чем она должна стать, тем самым впадая в собственное небытие. Вещь становится небытием своего логоса. Это небытие самое подлинное, поскольку оно характеризует отсутствие вещи в ее собственной определенности. Хотя вещь и развивается в некое «ничто» (например, в результате мутации), но это «ничто» как сконцентрированное нарушение естествоповелительности, проявляющееся в разупорядоченности, энтропийности, уже не может быть источником распространения антиэнтропийных процессов образования и поддержания жизни. Более того, сотворенный объект, свободно уклонившийся от своего логоса естествоповелительности и впавший тем самым в небы-

¹ Григоренко Д. Е. Естествоповелительность и автономная свобода // Теория и история. 2014. № 1. С. 35.

² Асмус В. Ф. Диалектика необходимости и свободы в философии истории Гегеля // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 52.

систему природных и общественных закономерностей и отношений. Согласно полученным в ходе диссертационного исследования выводам, можно отметить, что в соответствии с диалектикой системность, организованность, упорядоченность, сложность, противоречивость мира, являясь результатами реализации антиэнтропийных (информационных) процессов, представляют собой информационную реальность. Соответственно именно информационная реальность, способы ее существования и развития оказываются в центре познания исследователей коллективистского типа общества. В данном случае отмечается стремление к гармоничному существованию человека, общества, природы, создается возможность устойчивого развития и сокращения многих глобальных угроз.

В заключении отметим, что современное общество характеризуется противоречиями, негативными явлениями, ростом неопределенности будущего. В этих условиях вопрос о развитии информационного общества является связанным с реализацией в науке и общественной практике исторически выработанных принципов и методов: диалектических, либо метафизических. Для индивидуалистического типа общества естественными являются модели информационной реальности, базирующиеся на метафизической исследовательской традиции, что способствует техническому и технологическому развитию. Информационная реальность раскрывается авторами: как сфера бытия вычислительной техники, информационных технологий, источников и потребителей информации; как реальность искусственных виртуальных миров; как реальность, создаваемая сообщениями средств массовой информации и рекламы; как реальность, имеющая идеальную природу и выступающая в качестве первоосновы всего материального мира. В то же время, в развитии информационной реальности были выявлены значительные отрицательные стороны, в числе которых, — манипулирование человеком и обществом, распространение симуляций и симулякров, намеренное смещение внимания человека на несущественные события и проблемы, ведение информационных войн, явления информационного терроризма, стремление применения методов нейролингвистического программирования в политике, бизнесе и пр. Как итог, происходит общее отчуждение человека в

информационную виртуальную реальность из социальной реальности, растет неопределенность и напряженность в мире. Одновременно в практике современной цивилизации, получают возможность воплощения амбициозные идеи отдельных личностей или группы лиц, находят широкое применение директивные методы произвольного авторского формирования и контроля. В итоге информационное общество, развивающееся в соответствии с метафизическими принципами, способствует нестабильности и обострению глобальных угроз в мире. Соответствующей коллективистскому типу общества является диалектическая концепция информационной реальности, в центре внимания которой находится стремление к привнесению отрицательного вклада в окружающую человека энтропию — т.е. к совершенствованию системности, упорядоченности, организованности окружающего мира. Уделяя меньшее внимание правам и свободам человека, данный тип общества в то же время нацелен на совершенствование общественных отношений, а также на гармоничное взаимодействие между обществом и природой, что имеет под собой лучшую основу для устойчивого развития.

Раздел 3

Развитие институтов гражданского общества как основа национальной безопасности России

В данном разделе исследования мы ставим перед собой задачу выявить главные тенденции в развитии институтов гражданского общества в современной России с точки зрения определения их роли и значения в обеспечении национальной безопасности.

На наш взгляд, последняя не может быть в полной мере защищена, если государство опирается исключительно на собственные возможности и ресурсы, игнорируя, недооценивая цели и результаты деятельности самих граждан, их добровольных общественных объединений или рассматривая эту деятельность только как второстепенную, малозначительную и не требующую особого внимания и совершенствования. При этом следует отметить, что и сегодня практически во всех документах, посвященных национальной безопасности, деятельность институтов гражданского общества России специально не оговорена, не разработан механизм их участия и место в системе органов и действий по обеспечению безопасности государства. А существующие и функционирующие элементы негосударственной системы обеспечения общественной безопасности (добровольные народные дружины, различные волонтерские организации по обеспечению общественного порядка, частные охранные предприятия, казачьи сообщества и др.), так и остаются инициативой равнодушных граждан и не находят себе места в единой государственной системе сил и средств обеспечения безопасности.

Однако сама постановка вопроса обеспечения безопасности граждан государства без участия граждан представляется изначально ущербной. Едва ли реализация каких-либо общенациональных целей и задач в деле государственной безопасности вообще может быть обеспечена без активного и осознанного участия институтов гражданского общества: общественных объединений, неправительственных организаций, политических партий и общественных движений.

Обращаясь к истории вопроса, можно увидеть процесс постепенного движения в исследовании вопросов безопасности от приоритета обеспечения устойчивости государств в их взаимоотношениях друг с другом (международной безопасности) к возрастающему вниманию к роли внутригосударственных процессов, как обуславливающих и даже определяющих стабильность и устойчивость государства в мире.

Другими словами, если еще в недавнем прошлом господствовала так называемая модель «жестких мер» обеспечения национальной безопасности, когда главными, основными считались внешние угрозы, и предпочтение отдавалось силовым способам решения проблем усилиями государства, то в последнее время все чаще обсуждаются «мягкие» теории национальной безопасности, подразумевающие, главным образом, защиту социальной стабильности, устойчивости, стремление к максимальному развитию человеческой личности, ее уникального и безграничного творческого потенциала. В качестве главных источников опасности выступают терроризм, коррупция, торговля людьми, инфекционные болезни, эпидемии, экологические проблемы, незаконная торговля наркотическими средствами, оружием и т.п. В результате, объем понятия «национальная безопасность» значительно расширяется, и научное сообщество обсуждает различные грани взаимодействия гражданского общества и государства, а также такие аспекты общественной безопасности, как информационная, экономическая, технологическая, духовная, социальная безопасность и т. д.

Обеспечение национальной безопасности, безусловно, предполагает выработку и совершенствование правовых основ. Здесь необходимо отметить целый ряд важнейших государственных документов, начиная с Конституции РФ, значительного количества международных договоров и соглашений, ратифицированных Российской Федерацией, а также принятых на федеральном уровне нормативно-правовых актов.

Первым в ряду рассматриваемых документов стало Послание по национальной безопасности Президента РФ Федеральному Собранию от 13 июня 1996 г., в котором были сформулированы главные положения политики национальной безопасности страны на 1996–2000 гг.

Уже в следующем 1997 году Президент России своим Указом ввел в действие Концепцию национальной безопасности Российской Федерации, где впервые в истории постсоветской России нашла отражение система ее национальных интересов.

Еще один Указ Президента Российской Федерации, датированный 12 мая 2009 г. № 537, утвердил Стратегию национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года¹, которая, будучи главным документом, освещающим вопросы развития системы обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, перечисляет порядок действий и меры по обеспечению национальной безопасности, является основой для взаимодействия органов государственной власти, организаций и общественных объединений Российской Федерации, обеспечивающих безопасность личности, общества и государства.

В дальнейшем Президент Российской Федерации Указом от 31 декабря 2015 г. № 683 утвердил обновленную редакцию Стратегии национальной безопасности РФ.

Обновленная Стратегия, в частности, призвана «консолидировать усилия по созданию благоприятных внутренних и внешних условий для реализации национальных интересов и стратегических национальных приоритетов РФ». Она основана на «взаимосвязи и взаимозависимости национальной безопасности РФ и социально-экономического развития страны»².

Обеспечение национальной безопасности строится на приоритетах устойчивого развития, под которым понимается:

– повышение качества жизни российских граждан путем гарантирования личной безопасности и высоких стандартов жизнеобеспечения;

– экономический рост, который достигается путем развития национальной инновационной системы и инвестиций в человеческий капитал;

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // Собр. законодательства Российской Федерации. 2009. № 20. Ст. 2444.

² Воронов А. М. Институты гражданского общества в не государственной системе обеспечения национальной безопасности современной России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 35. С. 37.

- наука, технологии, образование, здравоохранение и культура;
- экология живых систем и рациональное природопользование;
- стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации состоит из 6 разделов и 112 статей.

В разделе IV «Обеспечение национальной безопасности» рассматриваются основные направления обеспечения национальной безопасности, при этом отмечается, что для противодействия угрозам качеству жизни граждан органы государственной власти и органы местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества:

- совершенствуют защиту прав и свобод человека путем развития законодательства, судебной и правоохранительной систем;

- содействуют росту благосостояния граждан, снижению дифференциации населения по уровню доходов, сокращению бедности, в том числе путем развития пенсионной системы, социальной поддержки отдельных категорий граждан, совершенствования системы социального обслуживания;

- принимают меры по защите населения от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также по снижению риска их возникновения на территории Российской Федерации;

- обеспечивают развитие информационной инфраструктуры, доступность информации по различным вопросам социально-политической, экономической и духовной жизни общества, равный доступ к государственным услугам на всей территории Российской Федерации, в том числе с использованием информационных и коммуникационных технологий;

- совершенствуют систему контроля за использованием бюджетных ассигнований и механизм государственно-частного партнерства в целях повышения качества жизни граждан.

В разделе V «Организационные, нормативные правовые и информационные основы реализации настоящей Стратегии» также отмечается, что государственная политика Российской Федерации в области национальной реализации данной Стратегии обеспечивается за счет консолидации усилий и ресурсов органов государственной власти и институтов гражданского общества.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что обновленная Стратегия имеет ряд особенностей, выгодно отличающих ее от утратившей силу Концепции национальной безопасности Российской Федерации.

Во-первых, Стратегия впервые соотнесена с Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», а значит, постулирует необходимость взаимосвязи национальной безопасности Российской Федерации с особенностями социально-экономического развития страны.

Во-вторых, отличительным признаком данного документа является ее выраженная социальная и социально-политическая направленность: национальная безопасность обеспечивается повышением качества жизни граждан, экономическим ростом, развитием науки, новых технологий, повышением качества образования, здравоохранения и культуры, сохранением экологии и развитием рационального природопользования.

В-третьих, впервые Стратегия оговаривает участие институтов гражданского общества, их место и роль в обеспечении национальной безопасности.

Однако, последнее, на наш взгляд, в Стратегии присутствует лишь декларативно, остается не определенным правовой статус названных институтов, не сформулирован какой-либо организационно-правовой механизм реализации их участия. Также в документе отсутствует информация, касающаяся правового статуса субъектов безопасности, гарантий их социальной защищенности и т. д.

Тем не менее, очевидно, что именно в развитии негосударственной системы обеспечения безопасности авторы Стратегии видят тот резерв, которым располагает гражданское общество и который не в полной мере используется на благо всего государства.

Оценка рассматриваемого документа, его сильных и слабых сторон, невозможна без понимания сущности и особенностей гражданского общества, толкование которых, начавшееся во времена античности, продолжается и в настоящее время. Так, Аристотель, характеризуя полис как особую разновидность объединения

граждан, высоко оценивал возникающие в рамках полисной демократии возможности реализации политических требований и интересов граждан, их фиксации на законодательном уровне¹.

В Новое время широкое распространение получили размышления Т. Гоббса и Д. Локка о естественном и гражданском состоянии общества. Первое, как известно, никоим образом не ограничивает свободу индивидов, уравнивая их в правах и порождая бесконечную войну всех против всех, что напрямую угрожает самому факту существования социума. Второе предполагает передачу практически всех принадлежащих людям прав государству, обеспечивающему общественную безопасность и неприкосновенность гражданина. Такой порядок и означает, по мнению философов того времени, гражданское общество т.е. «... комплекс устойчивых взаимодействий между свободными, равными и независимыми индивидами, чье имущество (в самом широком смысле этого слова) охраняется политически, то есть благодаря подчинению этих индивидов государству, монополизирующему в своих руках процесс создания, проведения в жизнь и исполнения законов»².

Проблемы гражданского общества были и в центре внимания выдающегося представителя немецкой классической философии Г. Гегеля, отрицавшего естественную, натуралистическую трактовку процесса становления гражданского общества и считавшего последнее результатом целенаправленного процесса формирования особой сферы жизни социума, жизни государства. Гражданское общество, по мысли Г. Гегеля, обеспечивает включение человека в многочисленные социальные взаимодействия, способствуя тем самым процессу его социализации, адаптации к миру и происходящим в нем процессам. Гегель также отмечал неразрывность государства и общества, их взаимозависимость и взаимоположенность, а также высоко оценивал необходимость развития институтов гражданского общества для человека и общества.

В отличие от Г. Гегеля, К. Маркс подчеркивал и обосновывал положение о противоположности, антагонизме или, как минимум,

¹ Аристотель. Политика // Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. С.375.

² Локк Дж. Два трактата о правлении // Соч.: в 3-х т. М. 1988. Т. 3. С. 317.

независимости в отношениях гражданского общества и государства.

В дальнейшем дискуссия об особенностях и перспективах развития гражданского общества утратила актуальность, интерес к названной проблематике постепенно снижался. Лишь во второй половине XX века вновь проблема гражданского общества обрела актуальность и получила отражение в научных исследованиях того времени. Однако какой-либо непротиворечивой и общепринятой трактовки в науке об обществе так и не было сформулировано.

В настоящее время содержание данного понятия по-прежнему вызывает споры и рождает разногласия мнений, зачастую противоположных и взаимоисключающих. Единого понятия так и не выработано. Имеет место лишь некий обобщенный образ, крайне размытое представление, согласно которому под гражданским обществом исследователи понимают то, что остается за вычетом государства и экономики.

Чаще всего главными элементами системы под названием «гражданское общество» ученые считают некоммерческие организации, созданные гражданами для защиты своих прав и свобод. Такую позицию демонстрируют Г. Блумер, Г. Лебон, С. Липсет, Э. Фромм и др., кто считает общественные движения, их деятельность результатом самоорганизации граждан, вынужденных объединяться, поскольку существующие в обществе институты не способны в полной мере соответствовать предъявляемым им требованиям. Другая группа авторов (М. Асим, К. Вильсон, К. Дженикс, М. Зальд, Дж. Маккарти, А. Обершел, Ч. Тилли и др.) отмечает возросший по сравнению с прошлыми периодами уровень проявлений социальной активности граждан. А. Д. Лаперони, Ж. де Торсак и др. сосредоточивают внимание на роли и функциях общественных организаций и движений, обеспечивающих полноценную социализацию индивидов в обществе, их взаимодействие и взаимосвязь посредством исполнения нормативной функции.

О гражданском обществе рассуждает и известный британский философ К. Поппер, во взглядах которого так называемое открытое общество, не допускающее роста и развития любых монополий, образующее и поддерживающее собственные институты, по сути, является подлинным гражданским обществом.

Природа, особенности становления и функционирования гражданского общества уже значительный отрезок времени выступают предметом дискуссий в российском общественном сознании. Так, по мнению К.С. Гаджиева, «гражданское общество — это система обеспечения жизнедеятельности социальной, социокультурной и духовной сфер, их воспроизводства и передачи от поколения к поколению, система самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, которые призваны обеспечить условия для самореализации отдельных индивидов и коллективов, реализации частных интересов и потребностей, будь то индивидуальных или коллективных»¹.

Среди сущностных проявлений гражданского общества М.А. Нагорная выделяет «высокое сознание людей; высокую материальную обеспеченность их на основе владения ими собственностью; широкие связи между членами общества; наличие государственной власти, подконтрольной обществу, преодолевшей отчуждение от общества, носители которой — всего лишь наемные работники, обладающие соответствующей компетентностью, мастерством, способностью решать проблемы общества; децентрализация власти; передача части власти органам самоуправления; согласование позиций вместо конфликтов; развитое чувство коллективности (но не стадной), обеспеченное сознанием принадлежности к общей культуре, нации; личность гражданского общества — это человек, ориентированный на созидание, духовность; наиболее полное обеспечение прав и свобод человека и гражданина».²

В. С. Нерсесянц в качестве системообразующего для гражданского общества признака рассматривает экономическую свободу, наличие собственности, необходимость реального обладания «...теми средствами, которые необходимы человеку для его нормального существования. Он свободен в выборе форм собственно-

¹ Гаджиев К. С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // Вопросы философии. 1991. № 7. С.30.

² Нагорная М. А. Гражданское общество в России. Понятие, признаки, пути становления [Электронные ресурсы] // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. URL: <http://www.unn.ru/rus/books/vestnik1.htm> (дата обращения: 18 июня 2018 г.)

сти, определении профессии и вида труда, распоряжении результатами своего труда»¹.

Нельзя не отметить важность и значимость политических прав и свобод, которые также есть критерий и особенность сформированного гражданского общества, в котором, по словам Т. В. Кашаниной и А. В. Кашанина, «...обеспечиваются свобода слова, включая свободу критики, гласность, доступ к различного рода информации, право свободного въезда и выезда, широкий и постоянный обмен информационными, образовательными технологиями с другими странами, культурное и научное сотрудничество с зарубежными государственными и общественными организациями, содействие деятельности международных и иностранных объединений в соответствии с принципами и нормами международного права. Оно привержено общегуманистическим принципам и открыто для взаимодействия с аналогичными образованиями в планетарном масштабе»².

Все вышеназванное создает комплексную социальную систему, обладающую сложной разветвленной внутренней структурой, способной обеспечить процесс реализации потребностей и интересов всех без исключения участников социального процесса.³

При этом отдельные индивиды, включаясь в многочисленные взаимодействия с другими участниками исторического процесса, не оказываются в положении безличных и легко заменяемых «винтиков» масштабного социального механизма. Напротив, они обретают возможность достижения целей своего развития и развития социального целого без обращения к политическому ресурсу государства⁴.

Об этом, например, говорит отечественный философ В.М. Межуев, согласно которому «гражданин — это человек, добро-

¹ Нерсесянц В. С. Правовое государство: история и современность // Вопросы философии. М.: 1989. № 2. С.52.

² Кашанин А. В., Кашанина Т. В. Основы российского права: учебник. М.: ИНФРА-М-НОРМА, 1997. С. 33.

³ Теория государства и права. Курс лекций / под ред. М. Н. Марченко. М.: Зерцало. ТЕИС. 1996. С.82.

⁴ Гаджиев К. С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // Вопросы философии. 1991. № 7. С. 45.

вольно взявший на себя функцию политика или хотя бы общественного деятеля, свободно и совместно с другими участвующего в обсуждении и решении всех важнейших общественных дел, живущего не только частным, но и общественным интересом. В отличие от профессионального политика он политик не по должности, на которую избран или назначен, а по сознанию своего гражданского (или общественного) долга¹».

Интересны в этой связи результаты научных изысканий по проблемам формирования и становления гражданского общества в России. Как отмечает С.Е. Туркулец, «в середине прошлого столетия некоммерческие организации (НКО) практически всеми исследователями единодушно были признаны в качестве определяющего элемента гражданского общества»², что свидетельствует о сложившейся в обществе точке зрения на природу гражданского общества как субстанции, не зависящей от государства или даже противостоящей государству.

На наш взгляд, реальная общественная ситуация сегодня, в конце второго десятилетия XXI века, уже не оставляет возможности придерживаться подобной позиции. Уровень развития технологий и небывалая доступность знаний, с одной стороны, все усугубляющееся ухудшение базовых условий существования человечества во всемирном масштабе, вызванное процессами глобализации, с другой стороны, требуют пересмотра принципов построения взаимоотношений общества с институтами государства. Крайне необходимо, соблюдая равные права всех участников социального взаимодействия, совместно обсуждать, искать пути решения имеющихся в обществе проблем, особенно, если речь идет об обеспечении национальной безопасности.

В дальнейшем мы будем понимать гражданское общество как особое состояние системы социальных отношений, при котором становится возможным гармоничное взаимодействие между субъектами социальной системы (государством, частным и некоммер-

¹ Гражданское общество, правовое государство и право («Круглый стол» журналов «Государство и право» и «Вопросы философии») // Вопросы философии. 2002. № 1. С.6.

² Туркулец С. Е. Социально-проективный потенциал права: дис. ... д-ра филос. наук. Улан-Удэ. 2012. С. 261.

ческим секторами) и при котором эти взаимодействия позволяют каждому из вышеперечисленных субъектов достигать поставленных целей, а каждому отдельному гражданину — реализовывать свой личностный потенциал.

Соответственно, чем выше, то есть чем плотнее и эффективнее эти взаимодействия организованы, тем, по нашему мнению, выше уровень гражданского общества в отдельной стране или регионе.

Обращаясь к данным социологических исследований россиян в первой декаде XXI столетия, обратим внимание на оценку самого факта существования, сформированности гражданского общества.

«В 2001 году на вопрос «Знаете ли Вы, слышали или слышите впервые выражение «гражданское общество» только 16 % из 1500 участников общенационального опроса Фонда Общественное Мнение (ФОМ) дали утвердительный ответ. Весной 2008 года уже каждый четвертый респондент в аналогичном опросе ответил, что гражданское общество в России уже сложилось и существует.¹ Основные аргументы в пользу существования гражданского общества в России сводились к следующим: потому что существуют законы и они соблюдаются; есть право отстаивать свои права; происходят митинги и акции протеста; существуют партии и общественные организации².

В 2007 году ФОМ (Фонд Общественное мнение) проводил опрос россиян по вопросам наличия гражданского общества. Объем выборки — 3064 респондентов, 63 субъекта РФ, 200 городов и сел³. Отвечая на вопрос, что такое гражданское общество, 47% респондентов связало его с соблюдением принципа равенства всех перед законом (что ярко демонстрирует высокую оценку роли права в процессе формирования и развития гражданского общества); по 43% — соотнесли понятие гражданского общества с лич-

¹ Градосельская Г., Петренко Е. Российское гражданское общество: реконструкция по результатам крупномасштабных опросов // Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры. М. 2008. С. 59.

² Там же.

³ Восприятие гражданами своих социальных и политических прав, условий и реализации, роли гражданского общества в их обеспечении, а также мер по поддержке гражданского общества // Социологический атлас. Сер. 1. Вып. 1. ФОМ, 2007. [Электронный ресурс]. URL: <http://fom.ru> (дата обращения 12.04.2018).

ной свободой каждого человека и личной безопасностью; 33% — с неприкосновенностью частной жизни; 30 % — с готовностью граждан к взаимопомощи; 29% — с активным участием граждан в общественной жизни; 28% — с распределением доходов по справедливости; 24% — с реализацией права на частную собственность; 23% — с помощью нуждающимся со стороны благотворителей и меценатов; 22% — с признанием индивидуальных различий и уважением к другому человеку; 20% — с противостоянием граждан коррумпированности чиновничьего аппарата; 16% — с наличием большого числа развитых гражданских инициатив и общественных объединений; 15% — с возможностью беспрепятственно создавать общества, союзы, объединения, представляющие и отстаивающие интересы своих членов и других людей. Примечательно, что лишь 8% респондентов отметили в качестве признака гражданского общества противодействие политике государства, а 5% — следование образцам западного общества.

На вопрос «Как Вы считаете, сформировалось ли к настоящему времени в России гражданское общество или нет?» положительный ответ дали только 15% респондентов, 64% — ответили отрицательно и 21% затруднились ответить¹».

Как следует из вышесказанного, большинство россиян главными аргументами в пользу сложившегося гражданского общества в России считали следующие: наличие законов и необходимости их соблюдать, возможность отстаивать собственные интересы и права; существование партий и общественных организации.

Последний из названных доводов и сегодня для многих граждан России является маркером гражданского общества. Как отмечает Ж. Т. Тощенко, «...в современный период нельзя представить, чтобы судьба какой угодно страны решалась без участия политических партий, профессиональных организаций, многочисленных добровольных объединений, выражающих свои специфические интересы в экономике, культуре, спорте и т. д. Однако эта черта гражданского общества далеко не всегда отражает реальность, не всегда соответствует этому принципу. Так, исследовате-

¹ Туркулец С. Е. Социально-проективный потенциал права: дис. ... д-ра филос.н. Улан-Удэ. 2012. С. 257

ные «всероссийского исследования «Демократия и местное самоуправление», проведенные в 1995, 1999 и 2005 гг., при определении уровня ответственности жителей как хозяев населенных пунктов вызвали большие дискуссии. Ибо среди основных субъектов власти (государственные и муниципальные органы власти, общественные и политические организации, население) в решении локальных проблем жителям отводилась последняя роль. Они лишь условно включаются в процессы реального исполнения функций местного самоуправления, считая в большинстве случаев ответственными за их исполнение государственные органы власти»¹.

Отвечая на вопрос одного из исследований общественного мнения, «Как Вы считаете, нужно ли, чтобы трудящиеся, население принимало участие в управлении?», 80 % опрошенных ответили положительно. Но реально участвуют 12-13 %². Другими словами, свое будущее, свои надежды и ожидания граждане России сегодня, как и в прошлом, связывают с государственной машиной и не рассчитывают на собственные возможности и ресурсы, которых, действительно, крайне недостаточно. Речь идет, в первую очередь, о крайне низком уровне правовой грамотности россиян, их политической и гражданской активности, неготовности обременять себя дополнительными навыками, знаниями, компетенциями, необходимыми для действительного диалога с большой чиновничьей машиной и результативного контроля за принимаемыми ею решениями и осуществляемыми ею действиями.

Кроме того, совершенно справедливым нам представляется мнение И. Ф. Ярулина: «В строгом смысле слова, к «общественности» гражданского общества следует относить совокупность гражданских лидеров, активистов, экспертов, экспертные сообщества. Различного же рода общественные объединения — это массовая база гражданского общества, его основа»³. Здесь крайне важной становится роль «независимых университетов, научных журналов,

¹ Тощенко Ж. Т. Социология жизни. М. 2016. С. 80.

² «Круглый стол» «Гражданское общество в России» // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 49.

³ Ярулин И. Ф. Общественность гражданского общества // В поисках гражданского общества. НовГУ имени Ярослава Мудрого. Великий Новгород. 2008. Сер. «Научные доклады». Вып. 5. С.172.

экспертных сообществ, т. е. тех структур, которые аккумулируют и артикулируют общественные запросы. Именно эти организации в полной мере следует считать «общественностью» гражданского общества»¹.

Чрезвычайно важной чертой гражданского общества является взаимное доверие всех участников общественного процесса, особенно, доверие граждан к функционирующим в обществе институтам власти. Без достаточного уровня доверия людей друг к другу, к функционирующим в обществе социальным институтам, гражданское общество существовать не сможет. Доверие, как правило, формируется и укрепляется по мере совершенствования гражданского общества. В настоящее время российское общество испытывает очевидный и колоссальный дефицит социального доверия. Многочисленные опросы отражают отсутствие сплоченности внутри социальных групп, отсутствие взаимопонимания между людьми, недоверие и неприятие по отношению к институтам государственной власти, существующим общественным организациям.

Приведем в качестве примера социологические исследования последних лет, которые однозначно заявляют о том, что у россиян «...среди ценностных приоритетов очень важными в жизни являются семья (95%), работа (69,4%), друзья (60,1%). При этом, если круг близких знакомых пользуется значительным доверием, то противоположная тенденция наблюдается в отношении представителей местных органов власти, политических партий, церкви, профсоюзов. Лишь небольшая доля респондентов (2,1–5,9%) готова обратиться к данным адресатам, оказавшись в трудном положении. Россияне не рассчитывают на обезличенную помощь представителей политических институтов, церкви, профессиональных союзов. Столкнувшись с проблемами, люди пытаются решить их в одиночку или ищут помощи в пределах малых групп, у друзей и близких знакомых»².

Недостаток или отсутствие доверия к институтам власти обусловлены в значительной степени наследием прошлого, когда ре-

¹ Ярулин И. Ф. Общественность гражданского общества // В поисках гражданского общества. НовГУ имени Ярослава Мудрого. Великий Новгород. 2008. Серия «Научные доклады». Вып. 5. С.172.

² Там же. С. 82.

альная деятельность вследствие отсутствия четко очерченной стратегической цели в развитии общества зачастую подменялась ее имитацией: «Институционально вроде бы все в порядке: профсоюзы и партии есть, фонды какие-то существуют, общественные организации, но, по сути дела, только около 3% дееспособных граждан участвуют в какой-либо партийной деятельности. К тому же все эти институты гражданского общества стали какой-то тенью государственных структур, например, партия «Единая Россия». Другие институты или торпедируют государство, причем разрушительно, например, некоторые средства массовой информации, или становятся квазиинститутами. Это затушевывает проблему: по видимости все нормально, есть возможности, каналы, формы реализации гражданской активности, а, на самом деле это не каналы, а глушилки гражданской активности. И люди чувствуют это. 5 лет назад наиболее действенными формами гражданского волеизъявления 20% респондентов считали акции массового протеста, митинги, демонстрации, сейчас — почти половина. И такая тенденция может приобрести протестный, я бы сказал, разрушительный характер. Смысл гражданского общества — в консолидации интересов, в проявлении волеизъявления. У нас гражданское общество в тех формах, в которых оно сегодня проявляется, приводит к обратному эффекту»¹.

Добавим к сказанному и традиционные для российского социума проблемы, связанные с «позвоночным правом», «блатом», т.е. повсеместно распространенными во властных структурах, государственных и общественных организациях неформальными отношениями, подчас коррупционного, криминального характера. Они практически неуязвимы для контролирующих органов и способны создать непреодолимые трудности на пути формирования подлинного гражданского общества.

В итоге в системе взаимоотношений граждан и государства образуется порочный круг, когда власть игнорирует интересы граждан, а граждане платят ей той же монетой. Подобная ситуация угрожает взрывами недовольства, неконтролируемыми, бессмыс-

¹ «Круглый стол» «Состоялось ли гражданское общество в России» // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 7.

ленными акциями, направленными против государства и его граждан и, в конечном счете, крайне негативно влияет на устойчивость, целостность социальной системы, безопасность общества. Она может измениться только тогда, когда гражданское общество научится влиять на власть, используя самые разнообразные формы такого влияния.

Гражданское общество оказывает непосредственное воздействие на систему политической безопасности. Среди возможных форм воздействия гражданского общества на политическую безопасность можно назвать следующие:

- участие самих граждан, а также представляющих их интересы партий, общественных объединений в процессах формирования институтов политической власти;
- внесение законодательных и прочих инициатив;
- контроль над деятельностью государственных органов, а также общественных организаций; выработка базовых гражданских ценностей;
- осуществление процессов политической социализации и выработка основных положений политической культуры;
- формирование общественных настроений, а именно доверия/недоверия к представителям публичной власти, политических партий и общественных объединений;
- самоорганизация и формирование тех структур, которые в лице партий, общественных организаций будут выражать интересы гражданского общества (или его конкретной части);
- воспроизведение политической реальности и закрепление ее в виде традиций, обычаев и пр.;
- артикуляция политических потребностей и требований¹.

Неотъемлемой частью политической безопасности является безопасность личности. Ее объектами выступают человек, его личные, иные конституционные права и свободы. Их признание, уважение и защита от любых негативных явлений социально-политического, экономического характера (например, от безрабо-

¹ Дементьев В. Е. Роль гражданского общества и его институтов в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М. 2011. С.17.

тицы, обнищания, преступлений, иных противоправных деяний) составляют сущность данного понятия.

В связи с этим деятельность институтов гражданского общества направлена на то, чтобы:

- привлечь внимание общественности и соответствующих государственных органов к той или иной проблеме нарушения прав и свобод граждан;
- оказать необходимую, в первую очередь, юридическую помощь потерпевшему;
- совместными усилиями с государственными органами наладить механизм сотрудничества для совместного решения проблем граждан;
- разрабатывать комплекс мер, направленный на улучшение деятельности соответствующих государственных органов, обеспечивающих личную безопасность граждан;
- проводить мониторинг ситуации по выявлению нарушений прав граждан¹.

Подчеркнем, что важным шагом на пути развития подлинного гражданского общества в России должно стать не просто взаимодействие общественности с властью, но именно постоянный контроль над деятельностью политических структур со стороны институтов гражданского общества. Как пишет И. Ф. Ярулин, «в развитых демократиях это осуществляется в разных формах институализации подобного контроля, общественного обсуждения политических и законотворческих проблем и общественного лоббирования своих интересов. Без такого постоянного участия граждан в политической жизни усугубляются нынешние проблемы российской демократии: отдаление простых граждан от принятия политических решений; вытеснение из политической системы институтов представительства общественных интересов группами профессиональных политиков и лоббистов, руководителями избирательных кампаний и средств массовой информации; снижение уровня участия граждан в выборах; потеря интереса к выборам как сред-

¹ Дементьев В. Е. Роль гражданского общества и его институтов в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. полит. наук. М. 2011. С. 20.

ству гражданского политического влияния; отчуждение власти и общества»¹.

Среди разнообразных способов решения названных проблем особого внимания, по нашему мнению, заслуживают получившие повсеместное распространение технологии виртуального общения посредством сети Интернет и социальных сетей, как одной из его составляющих. Сегодня на многочисленных форумах граждане весьма активно обсуждают наиболее злободневные и насущные вопросы, обмениваются мнениями, получают дополнительную информацию, оперативно реагируют на все происходящие изменения практически в режиме реального времени. Они высказывают свои замечания, вносят предложения и имеют возможность мгновенно довести любую информацию до сведения неограниченного круга заинтересованных пользователей Интернет.

Замечательным примером, подтверждающим эффективность социальных сетей, возможность контролировать деятельность властных структур институтами гражданского общества, является обсуждение широко анонсированной правительством и партией власти пенсионной реформы в РФ. Еще весной 2018 года премьер-министр Дмитрий Медведев озвучил планы по существенному изменению пенсионного законодательства в России. По мнению Правительства, необходимость таких изменений назревала давно, что проявлялось в том числе в виде разнообразных непопулярных мер, к которым Правительству приходилось прибегнуть в 2015-2016 гг., чтобы стабилизировать пенсионную систему. Это такие решения, как проведение неполноценной индексации в 2016 году (ниже уровня инфляции), отмена индексации выплат работающим пенсионерам, мораторий на формирование накопительной части пенсии (заморозка пенсионных накоплений) и многие другие.

Однако все уже принятые Правительством меры так и не смогли в полной мере стабилизировать пенсионную систему России. Более того, в 2018 году Владимир Путин поручил Правительству в течение ближайших лет решить задачу существенного повышения

¹ Ярулин И. Ф. Общественность гражданского общества // В поисках гражданского общества. НовГУ имени Ярослава Мудрого. Великий Новгород, 2008. (Серия «Научные доклады»; Вып. 5). С. 169-170.

доходов российских пенсионеров. Поэтому было решено подойти к этому вопросу комплексно и принять целый пакет изменений, которые в совокупности и составляют суть «пенсионной реформы 2018»:

- повышение общеустановленного пенсионного возраста для россиян.
- корректировка правил досрочного (льготного) выхода на пенсию для определенных категорий граждан.
- отмена балльной пенсионной системы и ее замена на исчисление пенсии в размере 40% от утраченной зарплаты.
- изменение правил индексации пенсий с 2019 года.
- создание добровольной накопительной пенсионной системы в виде индивидуального пенсионного капитала — ИПК вместо действующей сейчас «обязательной» накопительной пенсии.

Законопроект по повышению пенсионного возраста уже был принят в первом чтении 19 июля 2018 года большинством голосов депутатов Госдумы. По остальным мерам в рамках пенсионной реформы в настоящее время ведется обсуждение всех возможных вариантов относительно их содержания, поэтому никаких окончательных предложений на рассмотрение Правительство еще не представляло.

Законопроектом Правительства, внесенным в Государственную Думу в июне 2018 года, предлагается повысить общеустановленный пенсионный возраст на 5 лет для мужчин и на 8 лет для женщин, закрепив его на уровне 65 лет и 63 года соответственно. Такие корректировки предлагается начать с 1 января 2019 г. с ежегодным повышением на 1 год в течение переходного периода, который составит соответственно:

- 5 лет (с 2019 по 2023 г.) у мужского населения;
- 8 лет (с 2019 по 2026 г.) у женского населения.

Повышение пенсионного возраста в России будет касаться всех граждан, которые по состоянию на 01.01.2019 г. еще не оформили пенсию по старости (за исключением некоторых категорий граждан). Таким образом, в общем случае повышение пенсионного возраста коснется мужчин 1959 и женщин 1964 года рождения и моложе.

◆————◆

Реформа опирается на данные о состоянии Пенсионного фонда РФ, которые свидетельствуют о его дефиците, обусловленном тем, что отчисляют взносы в ПФР сегодня 54 млн. чел., а пенсионеров в России 42 млн. чел., т.е. отношение работающих и неработающих составляет 1,3. При существующих размерах пенсии правильное соотношение должно быть около 2. Имеющаяся диспропорция не позволяет, по словам чиновников, уже в настоящее время выплачивать пенсионерам достойную пенсию, а в будущем эта диспропорция, нарастая, грозит еще более значимыми трудностями и проблемами.

Несмотря на то, что многие оценки реформы носят догматический или эмоциональный характер, и имеет место колоссальный дефицит материалов с экономическими расчетами, реакция на нее в обществе с первых дней крайне негативна. Едва пенсионная реформа была объявлена, по стране чередой начались протестные акции и митинги. В кратчайшие сроки была составлена петиция против реформы, которую за лето 2018 года подписали почти три миллиона человек. Все без исключения средства массовой информации, особенно Интернет-издания, непрерывно обсуждают детали предстоящей реформы, предоставляя слово чиновникам, экономистам, политологам, юристам, социологам, гражданам пенсионного и предпенсионного возраста. Люди собирают и анализируют значительный по объему материал, касающийся особенностей жизни современных россиян, ее продолжительности, качества, перспектив, возможных изменений, вызванных тем или иным сценарием развития. Уже состоялись парламентские слушания на площадке Государственной думы, в которых не приняли участие первые лица государства, а правительство было представлено только министром труда, что также подверглось специальному обсуждению и искреннему осуждению во всех без исключениях пабликах. Безусловно, можно говорить о том, что люди просто «выпускают пар», а в дальнейшем, благодаря административному ресурсу, необходимые с точки зрения власть предержащих меры все равно будут приняты. Тем не менее, уже состоявшиеся протестные акции, митинги, публикации, исследования позволяют любому россиянину составить собственное и вполне объективное, аргументированное представление о предстоящих изменениях. И

оно едва ли не найдет отражение в его политических предпочтениях, которые, в соответствии с законом РФ, гражданин России сможет выразить на приближающихся в сентябре 2018 года региональных выборах в органы власти. Несмотря на то, что пенсионная реформа и сопровождающее ее повышение налога на добавленную стоимость фактически лишили эти выборы местной «повестки дня», гражданская активность в обществе чрезвычайно усилилась. Ведь пенсионная реформа касается каждого гражданина, напрямую затрагивая его жизненные интересы, обуславливая его самое ближайшее будущее. А вызванный ею ажиотаж невольно заставляет задуматься и о других политических «новациях» партии власти. Не случайно поэтому, что ни Президент, ни премьер-министр не дают внятных комментариев и объяснений, стремясь физически дистанцироваться от крайне непопулярных предложений и мер. Не случайны и начавшиеся разговоры о возможном смягчении предстоящей реформы. Все это, на наш взгляд, реакция на формирующееся гражданское общество, стремящееся к полноценному контролю над собственной судьбой, не желающее и дальше любой ценой приспособляться к неудобной и навязанной сверху органами власти социальной реальности.

Власти еще предстоит научиться вступать в диалог с ответственностью. И это, безусловно, является важнейшим признаком формирования новой политической системы, построенной на основе доверия, взаимопонимания, соблюдения прав всех без исключения участников политического процесса, формирования политической системы, без которой национальная безопасность государства едва ли вообще может существовать.

Раздел 4

**Межконфессиональные отношения в российском обществе
как основа и как угроза национальной безопасности**

Начиная с конца XX века, в российском обществе наблюдается процесс кардинального изменения, в том числе в религиозной сфере. Рассмотренные нами ранее происходящие процессы в государственно-религиозных отношениях явно показывают рост влияния религии на общество, в особенности Русской Православной Церкви. Конечно, нельзя не отметить и возрастающее влияние на региональном уровне религий, определяющих национальную идентичность как буддизм и ислам. Мы думаем, что увеличение влияния религии на общественное сознание проявляется в том, что религия часто занимает активную гражданскую позицию, начинает проникать во все сферы общества. В связи с институционализацией религии происходит ее внедрение в государственные структуры, в образование, армию. Что, в итоге, ведет к коммерциализации и политизации религии, а так как религия находится в структурно-функциональных связях с обществом, то идет процесс клерикализации.

В этих условиях становится актуальным вопрос о межконфессиональных отношениях, поскольку религия становится очень важным элементом самоидентификации как индивида, так и целых социальных групп, поэтому тема о межрелигиозном взаимодействии действительно значительна. В русле государственно-религиозных отношений человек соотносит себя с определенной религией, в большей степени позиционирует себя как приверженца той или иной конфессии, поэтому здесь необходимо выстраивать верные взаимоотношения. Ведь от верно настроенных межконфессиональных отношений зависит безопасность российского общества, его способность противостоять разного рода внешним и внутренним угрозам. Поэтому в рамках государственно-религиозных отношений межрелигиозный диалог — это основа деятельности общества.

Межконфессиональные отношения — это общественные отношения, базирующиеся на разных ценностных основаниях, разным

религиозном опыте, отличном мировоззрении. В межконфессиональных отношениях важны как общие черты, которые могут интегрировать религии, так и особенности, выделяющие и приводящие к разделению. Следует заметить, что в межконфессиональных отношениях также важны духовные ценности. Межконфессиональные отношения — это отношения межгрупповые, поэтому они являются отношениями между религиозными группами и организациями. Интересной особенностью данных отношений является то, что могут существовать наряду с отношениями трудовыми, производственными, межэтническими, межнациональными, межклассовыми. Поэтому они могут возникать, соответственно, в рамках, например, одной трудовой группы, в которой есть представители разных конфессий. Интересный факт, если в коллективе религия не играет определенную роль, тогда межконфессиональные отношения могут и не возникнуть. Однако, при возникновении активных действий появляются межконфессиональные отношения, которые могут перерасти в конфликт. Обращаясь к недавнему «советскому» прошлому, когда религии были в гонимы, тема межконфессиональных отношений не поднималась, поскольку их и не существовало. Они возникают с так называемым религиозным ренессансом 90-х годов, когда были разрешены многие нетрадиционные религии, началось возрождение религиозных культов и практик. Именно в этот момент появляется необходимость учитывать религиозную принадлежность индивида. Возникает целый круг тем, которые необходимо решить: «соотношение религиозных и правовых норм; школа и армия как сферы сотрудничества государства и религиозных институтов; конкретные культурные предпочтения представителей конфессий как основание для сотрудничества»¹.

Происходящие сегодня социокультурные процессы интеграции и дезинтеграции в мире и России приводят к ситуации неизбежного взаимодействия религий друг с другом. Поэтому сегодня отмечается повышение уровня конфликтности в религиозной сфе-

¹ Мчедлова М. М., Гаврилов Ю. А., Шевченко А. Г. Религия и общество в России: межконфессиональные отношения и противодействие экстремизму // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Вып. 8. М.: Институт социологии РАН. 2009. С. 344.

ре. В данном случае, такие исследователи, как М. М. Мчедлова, Ю. А. Гаврилов, А. Г. Шевченко, верно указывают, что «проблемы религиозной нетерпимости связываются с проявлениями социально-политического характера, тогда как ее культурно-идеологические выражения имеют более периферийный характер. Поэтому именно культура, ее включение в государственно-институциональную сферу, может рассматриваться как основание для консолидации общества и противодействия крайним формам социальных девиаций»¹. Соответственно, возникает вопрос, почему религия может быть источником, как конфликтов, так и объединения людей. Это происходит, потому что религиозные отношения происходят в социальной сфере. По существу все, что случается в экономике, производстве, культуре вызывает изменения и в межконфессиональных отношениях. Нельзя конечно отрицать и факт влияния природных, климатических изменений, однако все-таки наиболее всесторонним обстоятельством является преобразование социального характера.

В однородном этнически и конфессионально обществе конфликт может возникнуть на основе классовой, семейной вражды. Но при наличии разных конфессиональных и этнических групп, конфликт перетекает в межэтническую и межконфессиональную плоскость. Кроме того, сегодня много примеров тому, что причиной межконфессиональных конфликтов становятся политические процессы, когда власть, таким образом, пытается манипулировать населением. По существу противопоставляя представителей одной конфессии другой. Другие становятся плохими, к ним закрепляется резко негативное отношение, которое потом транслируется последующими поколениями и фиксируется в исторической памяти народа. В итоге мешают конструктивному диалогу между религиями. Поэтому фактор этнокультурной неоднородности оказывает большое влияние на межконфессиональные конфликты. Как пример, можно привести республики Северного Кавказа.

¹ Мчедлова М. М., Гаврилов Ю. А., Шевченко А. Г. Религия и общество в России: межконфессиональные отношения и противодействие экстремизму // Россия реформирующаяся. Ежегодник / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Институт социологии РАН. 2009. Вып. 8. С. 344.

Межконфессиональные отношения не возникают случайно или внезапно, они продолжаются, на характер их протекания влияют внешние контакты, прошлый опыт, который может быть задействован. Важно, что опыт может быть использован как в положительном, так и отрицательном ключе. Участниками межконфессиональных отношений могут выступать как индивиды, группы, так и организации и структуры, относящие себя к той или иной конфессии. Надо подчеркнуть, что структуры могут быть и инициаторами конфликта, также способны регулировать их.

Конфессиональные особенности определяют менталитет, действия, индивида и группы согласно правилам и нормам религиозной традиции. Формируется свое отношение к происходящим у человека, в обществе и мире событиям. Несмотря на то, что институционализированные религии сходно описывают добро и зло, но отношение к ним устанавливается различное, что и определяет разность духовного опыта и повседневности. Согласимся с мнением М. Ю.Зеленкова утверждающего, что в условия для межконфессиональных конфликтов есть во всех регионах, которые этнически разнообразны. Ведь принадлежность к этносу — это зачастую и принадлежность к конфессии. Кроме того, конфессии никогда не были единым целым, в буддизме наблюдается три основных направления (Махаяна, Хинаяна, Ваджраяна), в исламе два направления (суннизм и шиизм), христианство никогда не было единым, в православии есть старообрядчество и разного рода ереси, которые конкурируют и зачастую враждуют. «Однако главное состоит в том, что в любом случае конфликт является следствием и формой реакции людей на действительное или мнимое ущемление их религиозных прав и свобод».¹ Религиозный багаж является истоком этнической идентичности, т.е. мусульманин или буддист при выстраивании своих действий будет руководствоваться сознательно или бессознательно в первую очередь религиозной идентичностью. Естественно, такое в большей степени характерно для истинно верующих людей. Известен внутрииракский конфликт

¹ Зеленков М. Ю. Религиозные конфликты: проблемы и пути их решения в начале XXI века (политико-правовой аспект). Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та. 2007. С. 85–86.

между арабами-суннитами и арабами-шиитами. Здесь, несмотря на принадлежность единому этносу, историческая ненависть между суннитами и шиитами привела к классическому межконфессиональному конфликту.

Поэтому утверждать, что межконфессиональный конфликт можно уложить в единую плоскость — неверно. Потому как ранее указали, межконфессиональный конфликт может предопределяться этнической идентичностью, а может и нет, либо конфессиональная принадлежность окажется несущественнее. Поэтому очень часто те, кто заинтересован в разжигании конфликтов используют и религиозную и этническую идентичности.

Сегодня в мире после активно прошедшего процесса секуляризации, начался процесс десекуляризации, который привел к столкновению верующих с неверующими. Наблюдается необоснованная критика конфессий, в частности, ислама. Компрометируются представители, как христианства, так и других конфессий. Тем не менее, все же отметим факт усиления роли религии в нашем обществе и потому активизацию межконфессиональных отношений и как следствие грамотное их регулирование со стороны государства и власти. Религии в современном поликонфессиональном мире находятся на так называемом религиозном рынке, согласно теории рационального выбора, также некоторые религии сегодня обретают политическую силу.

В итоге наблюдаем ситуацию победы светского над религиозным в борьбе еще начавшейся в эпоху Просвещения, которая удивительно совпала с триумфальным возвращением религии в общество в конце XX начале XXI веков.

Обращаясь к современной религиозной ситуации, и, соответственно, межконфессиональных отношениях в российском обществе следует отметить поликонфессиональность, разнородность религиозного пространства.

Сегодня, по мнению таких ученых как С. Филатов и Р. Лункин, сложилась такая картина религиозности:

Православных — 75–85 млн чел.

Католиков — до 1 млн чел.

Протестантов — 1,5–1,8 млн чел.

Староверов — менее 1,5 млн чел.

Христиан всего: 85–95 млн чел.

Мусульман — 6–9 млн чел.

Иудаистов — до 50 тыс. чел.

Буддистов — около. 550 тыс. чел.

Жестко организованных НРД (т. н. «тоталитарных сект») — не более 300 тыс. чел¹.

Можно отметить, что отчетливо наблюдается конфликт интересов религиозных организаций в миссионерском плане. Конфессии разворачивают борьбу за потенциальных последователей, детство которых прошло в советское атеистическое время, которые ищут новую идентичность. Однако, религиозность сегодня отличается от религиозности 90-х годов. Как верно указывает М. Ю. Зеленков: «сегодняшняя религиозная ситуация отличается фактической исчерпанностью резерва для быстрого дальнейшего роста уровня религиозности населения, который происходил в начале 90-х гг. XX века. Кто хотел, уже пришел в церковь, в религиозные объединения других конфессий. Доля нерелигиозной части населения уже в течение нескольких лет сохраняет стабильный показатель на уровне примерно 40%.»².

Этому способствует уровень религиозной свободы, которую предоставляет людям и конфессиям государство. Это дает возможность религиозным организациям свободно выполнять свои культы, общественную и хозяйственную деятельность, вести религиозную пропаганду, религия становится частью образовательного процесса, армии. Это обеспечивает и формирует особую роль религиозных организаций в обществе. Но, следует отметить, что усиление роли религии в большей степени происходит в политике, для получения признания электората.

Некоторые исследователи как М. Ю. Зеленков отмечают, что религиозная конкуренция между религиозными организациями будет происходить, поскольку нет прироста неофитов, что может

¹ Филатов С., Лункин Р. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность [Электронный ресурс]. URL: <http://religion.russ.ru> (дата обращения: 14.05.2018 г.).

² Зеленков М. Ю. Религиозные конфликты: проблемы и пути их решения в начале XXI века (политико-правовой аспект). Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2007. С. 156.

привести к межконфессиональной неприязни. Новообращенные отличаются не слишком глубоким погружением в сущность верования, поверхностностью выполнения культов, но в то же время, они достаточно требовательны к своим же единоверцам. Они нетерпимы к неверующим и к представителям других конфессий. Это является основанием для возникновения межконфессиональных конфликтов. Кроме того, конфессии будут стараться все более воцерковлять своих последователей, чтобы усиливать свое влияние¹.

Еще интересное явление — дефицит религиозных деятелей конца прошлого века, который был восстановлен буквально в недавнее время за очень короткий промежуток времени, что привело к не высокому уровню подготовленности священнослужителей.

Последние два десятилетия привели к существенному изменению структуры религиозного пространства. Если ранее, в 90-х годах в России насчитывалось всего 15–20 традиционных конфессий, к 2008 их стало почти 130², то на 1 октября 2015 года в России было зарегистрировано «27 978 религиозных организаций, из них централизованных — 565 (в том числе 363 действуют на территории двух и более субъектов Российской Федерации, 243 — на территории одного субъекта), местных религиозных организаций — 26 342 (в том числе 216, не входящих в структуру централизованных религиозных организаций). Их количество неуклонно растет (на 1 января 2015 года — 27 496) и составляет в два раза больше, чем в РСФСР (на территории Республики Крым и города Севастополя зарегистрировано 335 религиозных организаций)».³

Классифицируя конфессии по социологическим признакам можно выделить такие типы: Русская Православная Церковь Московского Патриархата, которая определяется как религия, имею-

¹ Зеленков М. Ю. Религиозные конфликты: проблемы и пути их решения в начале XXI века (политико-правовой аспект). Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2007. С. 157.

² Поканинова Е. Б. Межрелигиозная толерантность как основа гармонизации государственно-конфессиональных отношений в современной России // Государство. Религия. Церковь в России и за рубежом. М.: РАГС. 2011. Т. 29. № 3-4. С. 136.

³ Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год // Российская газета. 2016. 24 марта.

шая особое значение в российской историко-культурной традиции. Затем религиозные организации, которые также оказали влияние на историю России, хоть и в меньшей степени, является одним из факторов национального самосознания народов. К ним относят мусульманские организации, старообрядчество, буддийские организации и иудаизм. Также условно сюда можно отнести католичество и лютеранство. Третью группу составляют те организации, которые имеют столетнюю и больше историю существования на территории России, они не связаны с национальной идентичностью. Это — баптисты, адвентисты и другие. Наконец, четвертая группа самая молодая, ведущая историю в России с 90-х годов XX века, самая разнородная, в состав которой входят Свидетели Иеговы, Сайентологи, Мунисты, Кришнаиты, неопятидесятники и многие другие. Возможно, данные религиозные организации по некоторым признакам отнести к тоталитарным сектам¹. Данная классификация отчетливо показывает разницу в статусах религиозных организаций. Такая ситуация сложилась исторически, кроме того, она проецируется и на систему государственно-конфессиональных отношений. Понятно, что такой фактор не добавляет стабильности в межконфессиональные отношения.

С чем связана такая эклектичная картина конфессионального? Это объясняется началом деятельности ранее не признававшихся государством религиозных организаций. Также внутри самих конфессий появляются новые течения, наконец, проникновение новых религиозных движений из зарубежа.

Поликонфессиональность России, ее регионов факт заслуживающий отдельного внимания, потому что сейчас в одном регионе, области или республике в связи с миграционными процессами компактно проживает «как минимум 50–60 национальностей, последователи 20-30 конфессий или религиозных направлений»².

¹ Материалы Международной конференции «Россия: тенденции и перспективы развития». (9-10 декабря 2004 г., Москва), 2004; Религиозные объединения Российской Федерации. М. 1996

² Поканинова Е. Б. Межрелигиозная толерантность как основа гармонизации государственно-конфессиональных отношений в современной России // Государство. Религия. Церковь в России и за рубежом. М.: РАГС. 2011. Т. 29. № 3-4. С. 137.

◆—————◆

Получается, что на данный момент в регионах осуществляют деятельность религиозные организации, которые ранее там традиционно не были распространены. Что также является конфликтогенным фактором.

В самих религиозных организациях происходят внутренние дезинтеграционные процессы, влияющие на религиозные отношения. Естественно, что они отражают происходящие в обществе социально-экономические, политические, культурные и иные изменения. Зачастую историческое прошлое отношений между конфессиями может стать поводом для межконфессионального конфликта. Современные тенденции модернизации привели к тому, что во всех религиозных течениях наблюдаем возникновение модернистских течений, требующих перемен, в соответствии со временем, конечно же радикалов и консерваторов.

С другой стороны, в современных конфликтах нет только религиозного контекста, к нему примешиваются и политические, экономические, этнические причины. Тем более, сегодня процесс глобализации приводит к необходимости задуматься о традиционных ценностях, сохранении этнокультурного и конфессионального своеобразия. Поэтому глобализация наводит общество к межрелигиозному диалогу. Ведь взаимодействия, в том числе религиозные, дают возможность решить политические и экономические проблемы. Тем более, что сегодня очевидно влияние религии на российскую политическую жизнь. Особенно, это касается российского общества, в частности, Русской Православной Церкви.

Таким образом, мы видим противоречия между государством и конфессиями, между конфессиями, между традиционными и нетрадиционными, внутри самих конфессий, между православием как имеющую «особую роль» и другими менее важными конфессиями.

Поэтому перед российским обществом и государством стоит очень важная задача консолидации на всех уровнях, и, прежде всего, религиозном. Поскольку, как указано ранее, пестрая этноконфессиональная обстановка в нашем обществе, с одной стороны особенность государства, но, с другой стороны, угроза национальной безопасности. Конечно, это сложный путь и достигается он не

сразу. Здесь играет большую роль воспитание, образование, формирование толерантного отношения.

Со стороны государства, нельзя отрицать, сделаны крупные шаги по укреплению межконфессиональных связей. Такие шаги были предприняты начиная с 1990-го года в федеральном законе «О свободе вероисповедания», затем в 1997 году в законе «О свободе совести и религиозных объединениях», ряде других законодательных актах, благодаря которым изменилось правовое положение церквей, произошла реабилитация религиозных деятелей, передача культурных памятников и ценностей религиозного назначения. Федеральный закон о свободе совести перевел в правовую плоскость отношения между религиозными организациями и гражданином, дал возможность индивиду реализовывать свое право на свободу совести. Данный закон хоть и имеет свои недостатки, тем не менее, позволяет избегать недопустимых ситуаций. По существу, как отмечает А. Е. Себенцов «к закону, в целом, все приспособились, и никто ничего лучше предложить не может. Закон держится устойчиво, он более или менее удовлетворяет всех»¹. Возможно, многие противоречия в законе и приводят к разного рода недопонимания между конфессиями. Чего только стоит фраза об особой роли православия в истории России, также утверждение о традиционным и нетрадиционных религиях. Что вполне вероятно приводит к ущемлению прав некоторых верующих. Поэтому, вопрос благоприятных межконфессиональных отношений, представляющих собой диалог религий или даже полилог, в первую очередь, должен лежать в правовой плоскости. Таким образом, межконфессиональные отношения должны регулироваться государством, которое выстраивает грамотную конфессиональную политику. Необходимы, мы считаем, преобразования старого закона о свободе вероисповеданий, это объективное требование общественного развития России.

Сегодня мы отмечаем, что назрела необходимость межконфессионального диалога. Основу межконфессионального диалога со-

¹ Круг П. Дух закона и правда жизни // НГ-религии. 2007. 19 сентября. [Электронный ресурс]. URL: (http://www.ng.ru/ng_religii/2007-09-19/6_duh.html) (дата обращения: 20.05.2018).

ставляет желание религиозных организаций сотрудничать и взаимодействовать, находя общие ценностные принципы. Что это за принципы, каковы они? К примеру, если между православием, исламом и иудаизмом есть объединяющее их начало — монотеизм, то идея единого Бога будет единым ценностным основанием. Однако возникает вопрос с буддизмом, активно заявляющий о себе шаманизм. Здесь не ведется речь о создании новых принципов, а скорее, имеется в виду отстаивание своих сложившихся ценностей, их сохранение, продолжение.

Для преодоления религиозных конфликтов необходимо обратиться к созданию атмосферы толерантности. Толерантность должна быть частью нашей повседневности, а не от случая к случаю. Межконфессиональный диалог должен реализовываться не только через административную вертикаль, но и горизонтально, между самими индивидами. Но государство должно гарантировать одинаковое внимание и равное отношение ко всем религиозным организациям. Заметим, что в данном случае сами церкви вступают в отношения, далее отдельные граждане также взаимодействуют в разных областях по религиозным вопросам. Сегодня наблюдается ситуация когда представители разных конфессий живут на одной лестничной площадке, учатся в школе и университете, работают в одном трудовом коллективе. Межконфессиональные отношения переходят на межличностный уровень, когда взаимодействуют разные религиозные идентичности, который не может регулироваться государством. Но межконфессиональный диалог влияет на людей разных религиозных убеждений. Потому что обеспечивает задачу разработки единых правил для соблюдения всеми без исключения. Возможность идти на взаимные уступки, учет интересов, рассмотрения и обсуждение спорных моментов — это и есть толерантное отношение. Нельзя отрицать, что есть группы, которые имеют отрицательный заряд, порождающий нетерпимость. Диалог должен помочь выявить такие опасные элементы. Возможно, в рамках нашей страны общим основанием может стать общегражданская российская идентичность, которую невозможно создать без социально-экономического развития России. Конечно, сами конфессии должны встать на путь перемен, путь приспособления к изменившимся социокультурным услови-

ям. Хотя отметить, что конфессии активно изменяются — невозможно. Поскольку религия — это традиционный феномен, по этому поводу М. Ю. Зеленков высказывает такое мнение: «среди священников среднего и тем более низового звена настроения неприятия и противодействия многим изменениям, произошедшим и происходящим в России, распространены весьма широко. Подобная ситуация и настроения имеют место и среди мусульман. Напомним, что именно православно-мусульманский блок во многом определяет общий вектор развития религиозной ситуации в России, и ее влияние на процесс модернизации страны»¹. Соответственно, межконфессиональные отношения должны быть государственной политикой, но в рамках принципа светскости, с учетом положительного исторического опыта религиозных организаций и имея в виду общественное развитие.

Межконфессиональные отношения должны регулироваться со стороны государства, что подразумевает наличие определенной правовой основы. Исторически в России заложена поликонфессиональность, которая, с одной стороны, украшает и показывает толерантность. В реальности же, поликонфессиональность, с другой стороны — это по существу «разностатусность религиозных организаций»². Именно этот факт, начиная со времени взятия Казани, является определяющим в государственной политике по отношению к другим конфессиям, вне зависимости от того как долго являются частью российского поликонфессионального пространства. Практически до 1991 года Русская Православная Церковь была в авангарде конфессиональной политики. И это вполне укладывалось в византийскую модель отношений, когда есть Церковь, стоящая на страже порядков государства, которое в свою очередь выполняет охранительные функции по отношению к первой. По су-

¹ Зеленков М. Ю. Религиозные конфликты: проблемы и пути их решения в начале XXI века (политико-правовой аспект). Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2007. С. 222.

² Градировский С. Поликонфессиональность как ресурс и как угроза процессу формирования гражданского общества в России // Гражданское общество в многонациональных и поликонфессиональных регионах: материалы конф.: Казань, 2–3 июня 2004 г. / под ред. А. Малашенко; Моск. Центр Карнеги. М.: Гендальф. 2005. С. 44.

шеству до времени перемен в 90-х годах межконфессиональные отношения и не были таковыми в полном смысле слова. Лишь только с процессом демократизации, когда было утверждено равенство религий, начались изменения. Благодаря этому в обществе появились ранее не известные конфессии самого разного толка. Однако, позднее, та же статусность вновь проявилась, только в более определенных чертах. Схема такова: православие по всей России— это официальная религия, в мусульманских регионах, соответственно, — ислам, в других — буддизм и православие. Далее расположены — иудаизм, лютеранство, католичество, протестантизм. Самые гонимые — это новые религиозные движения. По существу, раз эти конфессии находятся на разных уровнях — то и взаимодействия между ними практически никакого. Вернее, существует некая конкуренция между РПЦ и протестантскими организациями. Очень часто с ее стороны можно услышать непримиримое отношение. Это подтверждает религиовед Р. Лопаткин «позитивное утверждение православия, его идеалов и достоинств на практике часто подменяется борьбой с другими конфессиями, ожесточенной полемикой с ними, желанием во что бы то ни стало дискредитировать своих оппонентов— конкурентов. То есть позитивная идентификация православного христианина (чем его вера лучше других) подменяется идентификацией негативной (чем другие вероисповедания хуже). Из психологии известно, что негативная идентификация всегда ведет к росту напряженности и конфликтам».¹ Учитывая, что количество протестантских приходов и неопитов растет, то вполне понятна такая реакция со стороны РПЦ. Соответственно, со стороны других конфессий это и то, что православие имеет особое положение не осталось незамеченным, поэтому порождает конфликтные ситуации. Тем более, что так выступать и вести себя не может позволить ни одна другая традиционная, ни тем более не традиционная конфессия.

Таким образом, становится понятным, что со стороны государства внятной и адекватной государственной политики, регулирую-

¹ Лопаткин Р. Конфессиональный портрет России: к характеристике современной религиозной ситуации [Электронный ресурс]. URL: www.religare.ru. 2003 (дата обращения: 27.05.2018).

ющей межконфессиональные отношения не существует. Нельзя отрицать факт того, что есть официальные документы, соглашения между государственными органами и религиозными организациями, разного рода договора, публичные выступления и резолюции. Однако, как верно пишет Ж. Т. Тощенко: «история свидетельствует, что в процессе взаимодействия с религией чиновники не только были истинно верующими: среди них было немало тех, кто приспособлялся, мимикрировал, фальшивил, использовал религию в своекорыстных целях. В странах, которые именовали себя ранее социалистическими, определенная часть чиновников нередко скрывало свое поведение, использовало тайные контакты приобщения к религии, что приводило к серьезным конфликтам, ибо это рассматривалось как отказ от социалистической идеологии. Но то, что стало происходить с бюрократами всех уровней в их отношениях с религией в большинстве постсоветских государств, превзошло самые изощренные фантазии и возможности уникального приспособленчества».¹ В этом случае религия становится в руках определенных кругов инструментом достижения своих целей. Именно это является особенностью российской религиозной ситуации, которая приводит к тому, что внутренние противоречия приводят к тому, что межконфессиональные отношения изнутри становятся опасными для России. Чиновничий аппарат очень далек от религии, такая ситуация, мы думаем, является наследием советского управления, который контролировал деятельность религиозных организаций. Тем более, что «от поведения бюрократии зависит межконфессиональный мир, возможность возбуждения или угасания религиозного недоверия. И то, что православная иерархия выдвигается на первый план во взаимоотношениях с государственной властью, не осталось без внимания для представителей других конфессий и связанного с ними чиновничества. Ситуация выпячивания многими чиновниками православия в ущерб другим религиям существенно осложняет социальное согласие»².

¹ Тощенко Ж. Т. Религиозная идентичность и бюрократия [Электронный ресурс] Перепечатка с сайта Института социологии РАН. URL: <http://www.isras.ru>; <http://www.civisbook.ru/files/File/Toshenko.pdf> (дата обращения: 16.06.2018 г.).

² Там же.

Однако мы все-таки предполагаем, что у российского общества есть возможность наладить межконфессиональный диалог как результат сохранения и трансляции тех ценностей, которые являются фундаментом религии, именно диалог и есть инструмент сохранения верности религиозным ценностям. Диалог, на наш взгляд, предполагает, несмотря на наличие вертикали администрации, горизонтальные связи между религиозными организациями и другими субъектами. Возможно, а скорее даже необходимо, чтобы в диалоге принимали участие религиозные образовательные организации и образовательные учреждения, касательно вопроса учебной дисциплины «Основы религиозных культур и светской этики». Чтобы административная вертикаль гарантировала равное внимание ко всем конфессиям, которые могли бы принимать участие в разработке образовательных программ. Диалог — это связи и отношения между отдельными гражданами на работе, службе, учебе и т. д.

Межконфессиональный диалог должен привести определенные общие для всех конфессий правила поведения. Нахождение общих принципов путем обсуждения, возможности идти на уступки друг другу. Выявление и работа с разного рода распространителями ксенофобии и неприязни в обществе. Поэтому со стороны руководителей конфессий должна исходить активная позиция по отношению к таким личностям или группам. Для всех конфессий, духовные ценности являются первоначальными, что особенно актуально в мире современного рационализма, гедонизма и потребительской этики. Такие институциональные ценности как семья, образование также и для мусульман, и буддистов, и христиан важны и могут использоваться для достижения межконфессионального взаимодействия.

Конечно, со стороны государства также необходимы особые действия. Ведь межконфессиональные отношения — это не только взаимоотношения между конфессиями, это и непосредственное участие государства. Тем более, что государство уже понимает, что религиозные организации — это важный социальный институт, часть российского общества, который вносит культурный вклад, имеет свою общественную позицию. Сегодня достаточно эффективно работает созданный в 1995 г. Совет по взаимодей-

ствию с религиозными объединениями при Президенте Российской Федерации, также Совет по международным отношениям взаимодействуют с религиозными объединениями при Совете Федерации. Эти органы призваны законодательно регулировать межрелигиозные отношения, решать конфликты, либо минимизировать их, рассматривать внутриконфессиональные проблемы, учитывая мнения всех сторон. Социальная сфера и право, политическая система должны быть поострены так, чтобы учитывались мнения представителей разных конфессий.

Итак, межконфессиональные отношения могут быть как угрозой национальной безопасности России, порождая конфликты. Также могут быть и основой национальной безопасности в рамках межконфессионального диалога. В межконфессиональных отношениях важно соблюдение баланса, который обусловлен политическими, правовыми, административными, экономическими, культурными факторами. Они являются внешними по отношению к конфессиям и оказывают воздействие на внутриконфессиональные и межконфессиональные отношения. Чтобы экстремистки настроенные религиозные группы не активизировали свою деятельность, тем самым превратив межконфессиональные отношения в угрозу, необходима инициатива власти, которая находила бы поддержку у общественно активных граждан, интеллигенции, верующих, духовенства.

Межконфессиональные отношения только тогда станут гарантом национальной безопасности, когда придет понимание их как неотъемлемой части социальных отношений, но без клерикализации.

Раздел 5

Коррупция как угроза государственной безопасности

Потребность в безопасности является одним из базисных источников человеческой жизнедеятельности, а потому деятельность государства в сфере безопасности чрезвычайно важна как ключевое средство обеспечения безопасности человека, противодействия природным и социальным угрозам. Глобализирующийся мир, в котором непрерывно происходят те или иные преобразования, порождает возникновение и распространение все новых угроз, при этом характер и степень опасности угроз постоянно меняются.

В этих условиях обеспечение национальной безопасности становится одним из приоритетных направлений деятельности государства. При этом само понимание национальной безопасности на сегодняшний день неоднозначно. Так, в научной литературе используется множество схожих понятий, таких как «безопасность», «национальная безопасность», «общественная безопасность», «государственная безопасность» и т. д. Установление терминологической ясности должно разграничить данные понятия, определив их смысловое содержание.

На современном этапе развития российской государственности понятие «национальная безопасность» стало практически общепотребительным. Как действующая нормативная база, так и многочисленные философские, правовые, политологические источники формируют набор различных дефиниций, связанных с общей теорией безопасности. Вместе с тем, частота употребления термина отнюдь не позволяет говорить о разработанности данного вопроса. В первую очередь, законодателем не разработаны как единообразный понятийный нормативный материал, так и соотношения базовых понятий теории безопасности между собой. Нехватка четко соотносимых понятий и единых научных категорий в указанной сфере может сделать процесс ее практической реализации противоречивым и затруднительным.

Как указывает М. Ю. Зеленков, «традиционно под безопасностью понимаются, прежде всего, физическое выживание государства, защита и сохранение его суверенитета и территориальной

целостности, способность адекватно реагировать на любые реальные и потенциальные угрозы»¹. Обыденное понимание категории «безопасность» практически всегда исходит из противопоставления: безопасность есть отсутствие опасности. Недостаточность такого упрощенного понимания безопасности отмечает профессор А. А. Прохожев, поскольку «под отсутствием опасности подразумевается возможность достижения подобной идеальной ситуации. Но в реальной жизни всегда существовали, существуют и будут существовать опасности самого различного характера. Поэтому категория «безопасность» — не абсолютна, а относительна, и смысловое значение приобретает только в связи с конкретными объектами или сферой человеческой деятельности и окружающего мира»².

В научной литературе термин «безопасность» более многозначен: это не только состояние, но и направление деятельности государства, и концепция (общая теория безопасности), и научная дисциплина. Например, В. А. Назаренко рассматривает безопасность как сложное и многостороннее явление, как «состояния, тенденции развития (в том числе латентные) и условия жизнедеятельности социума, его структур, институтов и установлений, при которых обеспечивается сохранение их качественной определенности и свободное, соответствующее собственной природе и ею определяемое функционирование»³.

В правовом аспекте определенную ясность в трактовку понятийного аппарата внес Закон Российской Федерации «О безопасности», принятый в 1992 г. В данном законе безопасность рассматривается как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Если же анализировать слагаемые безопасности, то Закон в качестве основных объектов безопасности выделяет лич-

¹ Зеленков М. Ю. Теоретико-методологические проблемы теории национальной безопасности Российской Федерации: монография. М.: Юридический институт МИИТа, 2013. С. 5.

² Общая теория национальной безопасности: учебник / под ред. А. А. Прохожева. М.: Изд-во РАГС, 2005. С. 9.

³ Назаренко В. А. Национальная безопасность России (современная парадигма). М.: Изд-во НИЦ, 2012. С. 26.

ность — ее права и свободы; общество — его материальные и духовные ценности; государство — его конституционный строй, суверенитет и территориальную целостность. Декларируемое положение является достаточно объемным по содержанию, однако представляется несколько противоречивым. Законодатель стремился в формулировку объектов безопасности внести как можно больший их состав, исходя из современного подхода к приоритету интересов личности и общества в системе общегосударственных ценностей. Однако следует отметить, что нередко государственные интересы входят в противоречие с интересами личности, а также общества. Например, ст. 242 Гражданского кодекса РФ предусматривает реквизицию — возможность изъятия у собственника имущества в интересах общества в случаях стихийных бедствий, аварий, эпидемий, эпизоотий и при иных обстоятельствах, носящих чрезвычайный характер. Естественно, что в данной ситуации имеется противоречие интересов личности (собственника имущества) и государства, где в целях соблюдения безопасности при чрезвычайных ситуациях приоритет отдается интересам последнего. Подобные примеры подтверждают, что модель обеспечения безопасности личности, общества и государства нуждается в существенном уточнении, дальнейшей разработке и правовом регулировании.

Что касается категории «национальная безопасность», то она используется в отечественной науке сравнительно недавно и ранее разрабатывалась преимущественно наукой стран Запада. Появление данного термина обычно связывается с обращением президента США Теодора Рузвельта к Конгрессу США, где он «...оправдывал военную акцию по захвату зоны тогда еще планируемого к постройке Панамского канала интересами «национальной безопасности» США»¹. Впоследствии данная категория стала широко применяться во многих странах мирового сообщества.

Вместе с тем, в СССР термин «национальная безопасность» не получил широкого распространения. Для характеристики безопасности страны использовался термин «государственная безопас-

¹ Проскурин С. А. Национальная безопасность страны: сущность, структура, пути укрепления. М., 1991. С. 4.

ность». Использование же термина «национальная безопасность», понимаемого как безопасность отдельно взятой нации, не соответствовало развитию СССР как многонационального государства, в котором подчеркивались особенности и индивидуальность каждой нации, проживающей на его территории.

Понятие «национальная безопасность» стало активно использоваться в политико-правовой литературе России в середине 90-х гг. XX столетия. Сам термин «национальная безопасность» впервые на законодательном уровне был использован в Федеральном законе «Об информации, информатизации и защите информации» от 20 февраля 1995 г. № 24-ФЗ (утратил силу), а его определение закреплено в июле 1996 г. в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию «О национальной безопасности», где понятие «национальная безопасность» было сформулировано как «состояние защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее прогрессивное развитие личности, общества и государства». Нетрудно увидеть, что такое понимание национальной безопасности фактически совпадает и с родовым понятием «безопасность».

Как отмечают Н. П. Грибин и А. В. Диденко, «характерной чертой последнего десятилетия в исследовании проблем безопасности стало то, что в российской научной литературе понятие «национальная безопасность» фактически вытеснило понятие «государственная безопасность». Во многом это было связано, как отмечалось выше, с прежним пониманием государственной безопасности, которая рассматривалась, прежде всего, как защита коренных устоев социалистического общества. Вследствие этого сам термин «государственная безопасность» в определенной степени «попал в опалу». Вопрос терминологического характера перерос в вопрос политико-правового содержания. Вместе с тем, если отказаться от понятия «государственная безопасность» или растворить его в понятии национальной безопасности, размывается сфера действия специальных служб государства, появляется соблазн наделить их несвойственными им функциями. При этом теряется или отходит

на второй план основная направленность их деятельности — защита государственных интересов»¹.

Обратимся к положениям Конституции Российской Федерации. В нормах Конституции говорится о «безопасности государства» (ч. 5 ст. 13, ч. 3 ст. 55), «безопасности и целостности государства» (ч. 1 ст. 82), «государственной безопасности» (п. «д» ч. 1 ст. 114), «обеспечении обороны страны и безопасности государства» (п. «м» ст. 71). Иных видов безопасности, за исключением «экологической» (п. «д» ч. 1 ст. 72), в тексте Конституции Российской Федерации не предусмотрено. Таким образом, Конституцией РФ предусмотрен приоритет безопасности государства, в которую, в свою очередь, входят все остальные виды и структурные элементы, в том числе государственная безопасность. Такой подход свидетельствует о том, что безопасность государства и государственная безопасность — неравнозначные понятия. Это подтверждают и мнения некоторых ученых, которые отмечают, что «в целях более точного понимания содержания термина «государственная безопасность» его следует отличать от понятия «безопасность государства», которое находится в одном ряду с такими понятиями, как безопасность личности и общества, защита суверенитета, территориальной целостности Российской Федерации, законных прав и свобод ее граждан и т. д.»².

Как отмечал А. Н. Кокотов, современный термин «национальная безопасность» не отвечает никаким критериям и признакам, а если рассматривать термин «нация» как государство, то получается, что «национальная безопасность» тождественна «государственной безопасности». В то же время, исходя из понятия национальной безопасности в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (далее — Стратегия), состояние защищенности должно быть не только у государства, но и у личности и общества. Указанные три элемента безопасности встречаются не только в Стратегии, но и во многих других право-

¹ Грибин Н. П., Диденко А. В. Концептуальные основы национальной безопасности Российской Федерации: монография. М., 2010. С. 109.

² Правовая основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: монография / под ред. А. В. Опалева. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. С. 17.

вых актах, например, в Федеральном законе от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» и др.

Однако терминологический дуализм, сложившийся в употреблении понятий «государственная безопасность» и «национальная безопасность», требует установления единого понимания указанных терминов. Если безопасность рассматривается как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, то противодействие угрозам безопасности может осуществляться на различных уровнях. Субъектом и гарантом обеспечения безопасности является государство. При этом использование термина «национальная безопасность», в том числе на основе концепции «государствонация», не совсем корректно, поскольку субъектом обеспечения безопасности является не нация, а государство, к тому же Российская Федерация развивается как многонациональное государство, а не как государство-нация. Государственная безопасность не исключает из себя такие составляющие, как безопасность личности и общества, поскольку является гарантом ее обеспечения. Это соотносится с положениями ст. 2 Конституции Российской Федерации: «Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства».

Между прочим, большинство определений терминов «национальная безопасность» и «государственная безопасность» не противоречат друг другу, что связано лишь с неправильным выбором родового понятия. Например, А. А. Куковский пишет, что «под национальной безопасностью следует понимать основные направления деятельности государства, обеспечивающие защищенность жизненно важных интересов личности, общества и государства, а также национальных ценностей и образа жизни от широкого спектра внешних и внутренних угроз, различных по своей природе, в которых находит свое отражение его сущность и социальное назначение»¹. С. В. Гунич указывает, что «национальная безопасность подразумевает триединую составляющую, каждый компо-

¹ Куковский А. А. Некоторые вопросы классификации видов безопасности // Актуальные проблемы права России и стран СНГ-2010: материалы междунар. науч.-практ. конф. Челябинск, 2010. С. 81.

мент которой одинаково значим — безопасность личности, безопасность общества и безопасность государства»¹. Не соглашаясь с употреблением термина «национальная безопасность» отметим, что в данных определениях понятия «национальная безопасность» и «государственная безопасность» можно рассматривать как равнозначные.

В отдельных научных источниках встречается понятие государственной безопасности в широком и узком смыслах. «В широком смысле государственная безопасность — это, в первую очередь, защищенность основ существования страны»². «Под государственной безопасностью в узком смысле можно представить состояние защищенности основ конституционного строя, политического, экономического, оборонного, научно технического и иного формационного потенциала страны от внешних и внутренних угроз, исходящих от иностранных спецслужб и организаций, а также преступных сообществ, групп и отдельных лиц»³.

Обеспечение государственной безопасности предполагает защищенность конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности и характеризуется внутренней и внешней безопасностью. Первая предполагает такое состояние внутри государства, нарушение которого ставит под угрозу конституционный строй и территориальную целостность страны. Внешняя безопасность свидетельствует о неприкосновенности извне, со стороны других государств, их представителей, а также оказывающих им содействие российских граждан; в этом случае может быть причинен вред суверенитету и территориальной неприкосновенности.

Наконец, следует признать, что в определении государственной (национальной) безопасности сложился дуализм подходов — негативного и позитивного. В отечественной научной литературе предпочтение отдается первому подходу: государственную (наци-

¹ Гунич С. В. Конституционно-правовые аспекты определения сил обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 6. С. 15.

² Правовая основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: монография / под ред. А. В. Опалева. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 2012. С. 18.

³ Грибин Н. П., Диденко А. В. Концептуальные основы национальной безопасности Российской Федерации: монография. М. 2010. С. 110.

ональную) безопасность определяют как отсутствие или устранение угроз для жизнедеятельности личности, общества и государства и реализации их ключевых интересов. К примеру, в понимании И. Л. Прохоренко «национальная безопасность — это такое сочетание внутренних и внешних обстоятельств, воздействующих на жизнь государства, при котором отсутствуют угрозы критического характера и в то же время сохраняется полноценная способность государства адекватно реагировать на эти угрозы, коль скоро они возникнут»¹.

По мнению В. А. Каламанова, под рассматриваемым термином необходимо понимать следующее: «Национальная безопасность Российской Федерации — такое качественное и количественное состояние российского общества, государства, его граждан, российских народов и всего многонационального народа России, которое характеризуется закрепленной на законодательном уровне согласованностью их интересов, их защищенностью от существующих или ожидаемых внешних и внутренних угроз, возможностью их совместного прогрессивного и устойчивого развития, соблюдением конституционного строя, конституционных прав и свобод граждан»². По мнению данного автора, уровень национальной безопасности «определяется составом и отклонением от пороговых значений основных экономических, правовых, социальных, внутривнутриполитических, этнополитических, внешнеполитических, демографических, экологических и иных индикаторов (количественных показателей), характеризующих жизненно важные области и сферы деятельности, и устойчивого прогрессивного развития российского общества, государства, его граждан, российских народов, всего многонационального народа России»³.

Указанный подход ранее имел нормативное закрепление в Законе Российской Федерации от 05.03.1992 г. № 2446-1 «О безопасности» (утратил силу), в котором безопасность определялась как

¹ Прохоренко И. Л. Национальная безопасность и баланс сил // Баланс сил в мировой политике: теория и практика. М.: ИМЭМО РАН, 1993. С. 70.

² Каламанов В.А. Национальная безопасность Российской Федерации и межнациональные конфликты (теоретико-правовой анализ): дис. ... д-ра юр. наук. СПб. 1999. С. 96.

³ Там же. С. 103.

состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз.

Однако следует признать, что негативное определение национальной безопасности ошибочно с точки зрения диалектического закона единства и борьбы противоположностей. Ведь наличие противоречий (в данном случае — между национальной безопасностью и возникающими угрозами) как раз и обуславливает развитие всей системы (государства), является его движущей силой. В этом смысле отсутствие внутренних и внешних угроз иногда может быть не менее опасным для жизнедеятельности государства, чем их действительное существование. Отсюда же следует, что национальная безопасность не может быть статичным состоянием, это постоянное и непрерывное столкновение противоположных интересов. Иными словами, национальная безопасность — это не отсутствие угроз для государства, а деятельность по их устранению.

Это приводит нас ко второму — позитивному — подходу, при котором национальная безопасность — не просто борьба государства и общества с внутренними и внешними угрозами, но и условие для дальнейшего развития общества. К примеру, М. П. Хрипковым национальная безопасность определяется как «функциональная деятельность, обеспечивающая не только жизнедеятельность общества и государства, но и их дальнейшее развитие»¹. Р. А. Александров понимает под национальной безопасностью «состояние нормального функционирования и развития национальной политико-правовой системы, определяемое объективными и субъективными факторами. Исходя из этимологии слова «безопасность», состояние национальной безопасности определяется: а) объективным, не зависящим от человеческого волеизъявления отсутствием угроз национальным интересам (объективный фактор); б) целенаправленной защищенностью национальных интересов от угроз (субъективный фактор)»².

¹ Хрипков М. П. Внутренние угрозы национальной безопасности России: сущность, структура, социальные последствия: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М. 2004. С. 9.

² Александров Р. А. Государственно-правовое противодействие наркобизнесу в контексте генезиса и эволюции системы национальной безопасности России

В п. 6 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной Указом Президента РФ от 12.05.2009 № 537 (далее — Стратегия национальной безопасности), категория «национальная безопасность» определена как «состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства»¹.

Согласимся с выводом М. Ю. Зеленковым, что «национальная безопасность представляет собой трансформирующее сложное, полиаспектное, многоуровневое явление. Она может рассматриваться как общественное явление, как теория и процесс, как показатель состояния России в мировом сообществе»².

Формирование научного понятия национальной безопасности является принципиально важным, так как, во-первых, это понятие должно отразить сущность данного явления, во-вторых, корректно его сформулировать, выделить наиболее важные содержательные элементы. Учитывая вышеизложенное, сформулируем следующее понятие национальной безопасности — это есть деятельность, направленная на противостояние внутренним и внешним деструктивным воздействиям и обеспечивающая нормальное функционирование общества и государства, а также их дальнейшее развитие³.

Согласно Стратегии национальной безопасности основными направлениями обеспечения национальной безопасности Российской Федерации являются «стратегические национальные приоритеты, которыми определяются задачи важнейших социальных, по-

(опыт ретроспективного анализа и теоретико-правового моделирования: автореф. дис. ... д-ра юр. наук. СПб. 2007. С. 17.

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утв. Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537)

² Зеленков М. Ю. Теоретико-методологические проблемы теории национальной безопасности Российской Федерации: монография. М.: Юридический институт МИИТа. 2013. С. 32.

³ Лугавцов К. В. Коррупционная культура как угроза национальной безопасности России // Вестник Бурятского государственного университета. Серия «Философия, социология, политология, культурология». Улан-Удэ. 2015. Вып. 6А. С. 74.

литических и экономических преобразований для создания безопасных условий реализации конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, осуществления устойчивого развития страны, сохранения территориальной целостности и суверенитета государства»¹. Однако полноценная реализация указанных направлений, защита интересов личности, общества и государства невозможны без целенаправленной борьбы с коррупцией.

Как известно, коррупция выступает одним из наиболее опасных факторов, деструктивно влияющих на состояние национальной безопасности государства. Она подрывает всю систему управления, подменяет формальные отношения неформальными и выстраивает стену недоверия между обществом и властью. Разрушительному воздействию подвергаются основы правового регулирования жизни общества. Как феномен общественной и государственной жизни коррупция обладает повышенной степенью общественной опасности в сравнении с другими схожими элементами социальной действительности.

Указанная позиция нашла отражение в п. 37 Стратегии национальной безопасности. Коррупция в нем отнесена к основным источникам угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности. Сохранение условий для коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений названо одним из главных стратегических рисков и угроз национальной безопасности в экономической сфере. Явным недостатком здесь выступает придание статуса угрозы лишь преступным посягательствам, связанным с коррупцией, без учета иных коррупционных проявлений. Безусловно, в сравнении с иными правонарушениями преступление (в том числе коррупционное) обладает таким признаком, как общественная опасность. Общественная опасность есть основополагающий, материальный признак преступного деяния; она носит объективный характер и реально существует в действительности. Но сведение коррупции как угрозы национальной безопасности исключительно к таким ее проявлениям, как коррупционные преступления, является неверным.

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утв. Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537)

Во-первых, действующий Уголовный кодекс РФ просто не охватывает многих форм и видов социально опасной коррупции, таких как коррупционные лоббизм, фаворитизм, непотизм, переход государственных должностных лиц (сразу после отставки) на должности президентов подкормленных банков и корпораций и др.

Во-вторых, весь комплекс нормативных правовых актов, направленных на противодействие коррупционной преступности, до сих пор не содержит самого понятия «коррупционное преступление».

В-третьих, масштабное проникновение коррупции во все сферы общественной жизни наряду с недостаточно эффективным подходом к противодействию ей требует признания всех форм ее проявления в качестве угроз национальной безопасности страны.

Также необходимо отметить, что коррупционные взаимодействия типизируются в своем развитии, формируют сложную систему присущих им ценностей и нормативов (например, пренебрежение законами, неверие в право как основной социальный регулятор, клановый характер взаимодействий). Длительная хронологическая и культурная история таких взаимодействий служит опорой их существованию, определяет их устойчивость и воспроизводимость. Это связано с формированием в России особой «коррупционной культуры», которая понимается нами как «сформированная в ходе исторического развития, устойчивая и воспроизводимая совокупность нормативных установок ценностно-регулятивного характера, обуславливающая как проявления коррупционной деятельности, так и принятие коррупционных практик как допустимой формы поведения»¹.

При этом хронологическая устойчивость коррупции как формы социального взаимодействия и ее ретрансляция в сложную коррупционную сеть невозможна без такой социально-психологической характеристики, как правовой менталитет населения. По мнению А. Л. Журавлева и А. В. Юревича, можно выде-

¹ Цырендоржиева Д. Ш., Лугавцов К. В. Российская коррупционная культура: концептуальный анализ // Актуальные проблемы социальной философии: сб. науч. ст. / науч. ред. Д. Ш. Цырендоржиева; отв. ред. М. В. Бадмаева. Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета. 2015. Вып. 4. С. 48.

К тому же коррупция обеспечивает высокий уровень защищенности от любых контрольных механизмов»¹.

При этом порождению и развитию коррупции способствует особый комплекс детерминантов, тесно связанный с различными сферами жизнедеятельности общества. Перечень данных детерминантов, как правило, является схожим в различных исследованиях. К примеру, в работе О. А. Кузнецовой акцентируется внимание на следующих детерминантах распространения коррупции в России на современном этапе²:

- низкий уровень заработной платы государственных служащих;
- непомерное разрастание бюрократического аппарата чиновников;
- криминализация властных отношений;
- несовместимость законодательства, регулирующего отношения власти и капитала;
- отсутствие общественного контроля деятельности органов государственной власти;
- национальный менталитет российского общества;
- усиленное пропагандирование СМИ уголовной субкультуры;
- отсутствие системности в борьбе с коррупцией;
- огромное количество пробелов в действующем законодательстве;
- нежелание использования зарубежного опыта в данной сфере.

При всем многообразии факторов (детерминант) распространения коррупции, выделяемых различными исследователями, считаем возможным их объединение в шесть основных групп (таблица 1).

¹ Дубовиченко С. В. Коррупция как форма социального паразитизма // Организованная преступность и коррупция: результаты криминологического-социологического исследований. Саратов: Сателлит. 2010. Вып. 5. С. 213.

² Кузнецова О. А. Некоторые особенности детерминации коррупции в России на современном этапе // Вестник Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина. Тамбов. 2013. Вып. 12 (128). С. 534.

Таблица 1

Группы факторов	Факторы
Фундаментальные	Несовершенство экономических институтов и экономической политики, несовершенство системы принятия политических решений, неразвитость конкуренции, чрезмерное государственное вмешательство в экономику, монополизация отдельных секторов экономики, контроль государства над ресурсной базой, низкий уровень развития гражданского общества, неэффективность судебной системы.
Правовые	Слабость закона, отсутствие ясной законодательной базы и слишком частое изменение экономического законодательства, несоблюдение норм международного права, неадекватные меры наказания за коррупционные сделки, возможность влияния на судебные решения, наличие норм, позволяющих субъективную трактовку нормативных актов.
Организационно-экономические	Слабость системы контроля над распределением государственными (в особенности — природными) ресурсами, трудности управления большой территорией, громоздкий и неэффективный бюрократический аппарат, относительно низкая оплата труда служащих, наличие оффшорных зон, дискриминация в доступе к инфраструктурным сетям, жесткий торговый протекционизм (тарифные и нетарифные барьеры), прочие формы дискриминации.
Социальные	Клановые структуры, традиции nepoтизма, эксплуатация «дружеских связей», блат, традиция «дарения» подарков-взяток, низкий уровень грамотности и образования.
Информационные	Непрозрачность государственного механизма, информационная асимметрия, отсутствие реальной свободы слова и печати, отсутствие исследований проблемы коррупции.

Культурно-исторические (ментальные)	Сложившаяся система норм бюрократического поведения; массовая культура, формирующая снисходительное отношение к коррупции; особенности исторического развития; придание малого значения понятиям честности и чести.
-------------------------------------	---

Кроме того, как отмечает О. А. Кузнецова, «благоприятной для коррупции является общая негативная социальная ситуация в стране, которая характеризуется экономическим кризисом, социальной и политической нестабильностью, социальной незащищенностью большей части российского населения, неуклонным падением его жизненного уровня»¹. Подобное утверждение соотносится с теорией С. Хантингтона, который тесно связывал расцвет коррупции с переходными периодами в развитии общества: расцвет коррупции стимулируется переходными этапами общественного развития, но в то же время и сама коррупция оказывает на развитие общества как положительный, так и отрицательный эффект.

Как указывает Е. Г. Каменский, «в России коррупция гораздо шире понятия организационной культуры или временной дисфункции — это традиция, аккумулирующая ценностно-нормативный потенциал практически всего спектра субъектов институционального взаимодействия»². На основе изменения общественных ценностей и принятия в массовом сознании асоциальных установок это приводит к замещению легальных социальных взаимодействий неформальными практиками, обеспечивающими узкогрупповые притязания.

В подобных условиях возможен коллапс всей системы управления, экономики, права, государственности. Как справедливо отмечает В. В. Колесников, именно глубина проникновения коррупционных явлений в ткань общественных отношений, мораль и психологию людей позволяет отнести коррупцию к категории

¹ Кузнецова О. А. Некоторые особенности детерминации коррупции в России на современном этапе // Вестник Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина. Тамбов. 2013. Вып. 12 (128). С. 535.

² Каменский Е. Г. Коррупционная культура: теоретико-концептуальный конструкт // Вестник Института социологии. 2014. № 4 (11). С. 81.

главной угрозы национальной безопасности¹. А потому сегодня ситуация такова: или российское общество и государство способны переломить негативную коррупционную тенденцию, сведя коррупционные риски до социально терпимого уровня, или дальнейшее государственное развитие попросту невозможно.

Коррупция негативно сказывается на всех сферах общественной жизни. Она способствует развитию теневой экономики, нарушению конкурентных рыночных механизмов, уменьшению налоговых поступлений в бюджет. В результате снижается эффективность и работоспособность государственного аппарата управления, уменьшается доверие населения к представителям власти, падает престиж страны на международной арене. Из-за развития коррупционных практик происходит увеличение имущественного неравенства и бедности основной части населения. Коррупция прямо содействует криминализации общества, укреплению организованной преступности и дискредитации права как основного инструмента регуляции жизни государства и общества. Современная Россия из-за широкого распространения и институционального оформления коррупционных отношений терпит все возможные негативные последствия от распространения этого феномена. Поэтому коррупция превратилась в угрозу национальной безопасности российского государства и указывает на объективную необходимость комплексной антикоррупционной политики, способной решить эту проблему и обеспечить нормальные условия для развития российского общества.

Коррупция как транснациональное явление представляет собой серьезную системную проблему практически для всех государств. В Конвенции ООН против коррупции 2003 г. отмечается, что коррупция порождает проблемы и угрозы для стабильности и безопасности общества, что подрывает демократические институты и ценности, этические ценности и справедливость и наносит ущерб устойчивому развитию и правопорядку. Глобальные масштабы распространения и системность коррупции разрушают эффектив-

¹ Колесников В. В., Быков В. Н., Борисов О. А. Коррупция как угроза национальной безопасности: о специфике криминологического подхода // Криминологический журнал БГУЭП. 2007. № 3–4. С. 51.

ность государственной политики в любой сфере. Очевидно, что выработка эффективной антикоррупционной политики в ближайшее время должна стать одной из основных функций российского государства.

Как отмечает Г. Ф. Барковский, «антикоррупционная политика есть научно обоснованная, последовательная и системная деятельность институтов государства и гражданского общества, связанная с профилактикой и сокращением негативного влияния коррупции, а также устранением причин и условий, способствующих ее возникновению»¹. Антикоррупционная политика всегда обусловлена культурой и типом управления, цивилизационной спецификой политической власти, особенностями политической элиты, психологическим восприятием общества предлагаемого антикоррупционного образа жизни.

Следовательно, необходимым условием создания российской модели антикоррупционной политики является постоянная деятельность государства по изучению и устранению причин коррупционных действий, проведение профилактических мер, создание эффективной социальной, экономической политики, динамичное и гибкое политическое развитие.

Многие факторы успешного противодействия коррупции и эффективной борьбы с ней известны и давно апробированы. Это, прежде всего, открытость органов государственной власти, прозрачность и понятность процедур принятия государственных решений, деперсонализация взаимодействия граждан и чиновников, действенные механизмы общественного контроля, независимость средств массовой информации и судебной системы, неотвратимость наказания за коррупционные деяния, снижение административных барьеров и т. д.

Т. Я. Хабриева выделяет три основные группы технологий противодействия коррупции: общесистемные, специальные и координационные. Как указывает автор, «общесистемные технологии противодействия коррупции включают юридическую технику,

¹ Барковский Г. Ф. Антикоррупционная правовая политика: концептуальные основания // Российская антикоррупционная политика: сб. докладов пленарного заседания междунар. науч.-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 4–5 июня 2009 г.). Ростов н/Д, 2009. С. 6.

правовой мониторинг; юридическое прогнозирование; правовую экспертизу; нейролингвистические юридические технологии. Они обеспечивают, прежде всего, содержательное и техническое качество законодательства, тем самым устраняя либо нивелируя возможные издержки правоприменительной практики. Непосредственно на пресечение и профилактику проявлений коррупции направлены специальные технологии противодействия коррупции: антикоррупционный мониторинг; антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов; выявление административных барьеров предпринимательской деятельности; оценка коррупционных рисков и управления ими. К координационным технологиям противодействия коррупции можно отнести оценку регулирующего воздействия; информационно-правовые технологии систематизации законодательства и обработки правовых данных и т.д.¹. Вместе с тем, данный подход фактически касается исключительно сферы правового регулирования и не связан с устранением социально-экономических предпосылок для развития коррупции либо с формированием антикоррупционной культуры у населения.

По мнению М. Б. Горного, «для эффективного противодействия коррупции необходимо использовать смешанную стратегию осознания-предупреждения-пресечения»². Автор выделяет три стратегии противодействия коррупции:

- общественное осознание опасности коррупции и ее последствий (осознание);
- предупреждение и предотвращение коррупции (хорошее управление);
- верховенство закона и защита прав граждан (пресечение).

Как указывает М. Б. Горный, в контексте данных трех стратегий деятельность, причем согласованная деятельность всех трех секторов, осуществляется по следующим направлениям:

¹ Хабриева Т. Я. Научные подходы к освоению современных стандартов и технологий противодействия коррупции // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014. № 3. С. 411.

² Горный М. Б. Стратегии противодействия коррупции: роль институтов гражданского общества // Технологии противодействия коррупции: методическое пособие / под ред. М. Б. Горного. СПб.: Норма, 2014. С. 6.

«В рамках первой стратегии (осознание) — это: общий анализ ситуации выработка антикоррупционной стратегии; антикоррупционное гражданское образование; построение антикоррупционных коалиций; свободный доступ к информации и независимые СМИ.

В рамках второй стратегии (предупреждение — хорошее управление) — это: прозрачная власть, прозрачные процедуры (в первую очередь в бюджетном и избирательном процессе); реформирование системы государственной и муниципальной службы, системы правоохранительных органов, создание специальных органов по противодействию коррупции; общественное участие в процессах предотвращения коррупции; уменьшение вмешательства государства в дела общества; кодексы этики для политиков, чиновников, предпринимателей; снижение административных барьеров для предпринимателей и внедрение конкурсности (система государственных и муниципальных заказов, грантов и другие конкурсные механизмы).

В рамках третьей стратегии (пресечение — верховенство закона) — это: сильная и независимая судебная власть; разработка законов, не допускающих появления коррупции, и неукоснительное их исполнение; законодательство, не допускающее возможность появления коррупции, и общественная экспертиза; правовая помощь и защита, внедрение института омбудсмана и других правовых институтов.

Работа органов власти и структур гражданского общества должна вестись в соответствии с этими стратегиями по двум главным направлениям:

— принимать такие законодательные акты, чтобы возможность возникновения коррупции при их исполнении была бы минимальной, и неукоснительно исполнять их.

— создавать условия, как для противодействия коррупции, так и для возникновения общественного участия в данном процессе, развивать это участие и повышать его эффективность»¹.

¹ Горный М. Б. Стратегии противодействия коррупции: роль институтов гражданского общества // Технологии противодействия коррупции: методическое пособие / под ред. М. Б. Горного. СПб.: Норма. 2014. С. 6–7.

Рассматривая предложенные стратегии противодействия коррупции и обозначенные автором направления их реализации необходимо отметить, что они зачастую носят декларативный характер, частично совпадают с общими принципами демократического и правового государства и не несут в себе конкретные меры по борьбе с коррупцией. Вместе с тем, согласимся с М. Б. Горным о необходимости выделения стратегии осознания коррупции, направленной на общий анализ ситуации и выработку антикоррупционной стратегии. Данную мысль также подтверждает американский исследователь Вирна Ди Палма в работе «The role of academia in anti-corruption collective action». Как отмечает данный автор, «мы все еще не полностью понимаем коррупцию и тем самым ограничены в нашей способности эффективно бороться с ней. Для оценки эффективности антикоррупционных стратегий необходимо совершенствовать научные исследования мирового уровня в отношении коррупции и мер по ее сокращению, улучшать наше понимание того, как коррупция действует в разных контекстах и формировать рекомендации для публичного и частного сектора»¹.

Выработка антикоррупционной стратегии на основе глубоких научных исследований в указанной сфере — единственно возможное комплексное решение коррупционной проблемы. Стратегия должна быть сформирована с учетом изучения существующих видов и форм коррупции, их различных проявлений, опасных последствий для развития общества и государства, возможности замены неформальных практик легальными социальными взаимодействиями (например, путем правового регулирования), исследования асоциальных установок в массовом сознании и всего ценностно-нормативного потенциала общества. Как пишет Давид Торселло, «успешные стратегии борьбы с коррупцией сегодня должны противостоять реальности, в которой культурные различия влияют на восприятие людьми ущерба от коррупции. Сохранение некоторых форм коррупции может быть связано с местными культурными практиками и потребностями, а не со стандартными

¹ Di Palma V. J. The role of academia in anti-corruption collective action [Электронный ресурс]. URL: <http://corruptionresearchnetwork.org/acrn-news/blog/the-role-of-academia-in-anti-corruption-collective-action> (дата обращения : 17.04.2018 г.).

объяснениями на разных уровнях экономического и институционального развития»¹.

Как указывает В. В. Астанин, «законодательные основы против коррупции на современном этапе в России сложились, и говорить об их дополнении приходится только в связи с небольшими корректировками. Теперь на первый план выступают задачи обеспечения правоприменения, особенно мер профилактики коррупции»².

А. П. Абрамов, Е. Г. Каменский и А. В. Месропян полагают, что борьба с коррупцией — это реформирование социальных институтов. Реформа социальных институтов, по мнению авторов, должна проводиться «при соблюдении следующих принципов:

– принцип комплементарности институтов, утверждающий, что институты дополняют друг друга, желательный социально-экономический эффект достигается только на основе взаимосвязанных институциональных изменений;

– принцип взаимодополняемости институтов. Помимо правил поведения, регламентирующих действия участников рынка, существует группа правил, определяющих механизмы их поддержания и понуждения к их исполнению. Правила игры дополняются правилами контроля. Таким образом, полное определение институтов включает единую совокупность правил игры и правил контроля;

– принцип различных уровней институциональной системы. Основные уровни институциональной системы — это формальные и неформальные правила. Формальные фиксируются в правовых актах, а на уровне отдельных субъектов — в заключенных ими деловых контрактах. Неформальные правила представлены социальными нормами, на уровне отдельных участников социального взаимодействия. Соблюдение таких правил в большей степени опирается на социальный капитал, имеющий в основе доверие и репутацию участников взаимодействия, на уверенности в том, что

¹ Torsello D. The premium chocolate box, or why culture matters for understanding corruption [Электронный ресурс]. URL: <http://corruptionresearchnetwork.org/acrn-news/blog/blog-the-premium-chocolate-box-or-why-culture-matters-for-understanding-corruption> (дата обращения: 17.04.2018 г.).

² Астанин В. В. Имплементация норм против коррупции в частноправовой сфере в современной России // Российская юстиция. 2014. № 3. С. 47.

возможны, прежде всего, за счет преодоления институционального разрыва между формальными правилами и неформальными практиками, устранения факторов, детерминирующих возникновение и распространение коррупции, а также формирования антикоррупционных нормативных установок ценностно-регулятивного характера в противовес существующим коррупционным установкам.

Мы полагаем, что технологии противодействия коррупции должны вырабатываться исходя из факторов, детерминирующих возникновение и распространение коррупции. В настоящем исследовании мы обозначили шесть групп таких факторов: фундаментальные, правовые, организационно-экономические, социальные, информационные, культурно-исторические (ментальные). Соответственно, комплекс мер по борьбе с коррупцией должен включать в себя шесть направлений.

На фундаментальном уровне противодействие коррупции реализуется при уменьшении роли государственного вмешательства в экономику, демонополизации отдельных секторов экономики, прозрачности государственной системы, высоком уровне развития гражданского общества.

На правовом уровне противодействие коррупции реализуется путем формирования развитой нормативной базы в сфере борьбы с коррупцией, в том числе путем имплементации норм международного права, устранения в законодательстве норм, допускающих правовую неопределенность либо субъективную трактовку правоприменителем, стабильности правовой системы, единообразия практики в сфере ответственности за коррупционную деятельность.

На организационно-экономическом уровне противодействие коррупции возможно при развитии конкуренции и демонополизации экономики, ужесточении системы контроля над распределением государственных ресурсов, устранении тарифных и нетарифных барьеров, прочих форм ограничений экономической деятельности.

На социальном уровне противодействию коррупции способствует уменьшение социального неравенства населения по уровню доходов, качеству жизни, стандарту предоставления услуг в сфере образования, здравоохранения, освоение новых механизмов госу-

дарственной кадровой политики, введение в действие кодекса этики государственных служащих.

На информационном уровне необходимо глубокое исследование проблемы коррупции, развертывание системы правового просвещения граждан, доступность информации о порядке предоставления и содержании государственных и муниципальных услуг, всяческая поддержка общественных неправительственных организаций антикоррупционной направленности, создание «горячих линий» и «телефонов доверия» с хорошей защитой информаторов.

На ментальном уровне противодействию коррупции могут способствовать меры по формированию нетерпимого отношения коррупции в обществе, пропаганда законопослушного поведения, соответствующая образовательная и воспитательная политика.

Практическое осуществление подобной комплексной антикоррупционной политики государства может способствовать снижению отрицательных последствий от коррупции до уровня, не препятствующего нормальному развитию современного российского общества.

Однако следует отметить, что феномен коррупции способен изменяться и приспосабливаться к любым неблагоприятным для своего существования условиям. Наблюдающиеся в системе государственной службы формы коррупционных практик могут видоизменяться и приспосабливаться к проводимым против них мероприятиям. Возможно даже появление новых разновидностей коррупционного поведения должностных лиц, которые ранее не встречались. Поэтому необходимо продолжать исследование динамики развития коррупционной деятельности, выделять ее существенные черты и условия, способствующие ее воспроизводству. Результаты подобных исследований необходимо использовать для внесения корректировок в проводимый государством курс антикоррупционной политики, что должно способствовать достижению положительного результата в сфере борьбы с коррупцией.

Раздел 6

Межкультурное взаимодействие и проявления ксенофобии в современной России на примере Байкальского региона

Основные теоретические и практические проблемы в области межкультурного взаимодействия всегда, так или иначе, касаются диады «толерантность — нетерпимость», крайний случай нетерпимости — ксенофобия. Благодаря усилиям ЮНЭСКО в последнее время понятие «толерантность» стало важнейшим термином в риторике планетарного единства. В Декларации принципов толерантности ЮНЕСКО (1995) говорится: «Мир невозможен без толерантности, а развитие и демократия невозможны без мира»¹. Естественно толерантность изначально не присуща природе человека, не дается от рождения, а формируется в результате соприкосновения языков и культур, преодоления конфликтов, через компромисс, через межкультурное взаимодействие и сотрудничество.

Е. И. Касьянова в своей работе «Социально-философские основания толерантности»², правомерно рассматривает возникновение и развитие идей толерантности, общее и особенное в понимании толерантности в западной и восточной цивилизациях, а также российскую модель толерантности. Автор справедливо отмечает, что европейская идея толерантности базируется на рациональном видении договорного характера общества, она восходит к представлениям о веротерпимости, впервые детально обоснованным Дж. Локком. В буддизме же на первый план выдвигается саморазвитие, самосовершенствование индивида. Истоки толерантности в российской философии и культуре, она видит в славяно-русской цивилизации. По мнению Е. И. Касьяновой, специфика возникновения толерантности в российской культуре связана с христианским принятием страдания, долготерпения, любви к ближнему, с такими нравственными качествами как доброта, милосердие, сострадание

¹ Декларация принципов толерантности. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tolerance.ru/toler-deklaraciya.php> (дата обращения: 18.06.2018).

² Касьянова Е. И. Социально-философские основания толерантности: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Чита, 2009.

и самопожертвование. По ее мнению российская модель толерантности основана на сотрудничестве культур, этносов, религий, социальных общностей, групп.

Уникальность России состоит и в том, что ее населяют свыше ста народностей и наций. У нашей страны есть границы по суше с 14 странами, с востока на запад: КНДР, Китай, Монголия, Казахстан, Азербайджан, Грузия, Украина, Белоруссия, Польша, Литва, Латвия, Эстония, Финляндия и Норвегия. Именно поэтому проблема межкультурной коммуникации особенно значима для российского общества.

Межкультурная коммуникация это особый процесс общения, при котором каждый человек одновременно решает две важнейшие задачи — стремится сохранить свою культурную идентичность и включиться в чужую культуру, полагает Н. А. Мартынова.

¹ В процессе межкультурной коммуникации происходит обмен не информацией особого рода, а именно знаний о мировоззрении, ценностях, религии, моральных нормах, обычаях и традициях. Таким образом, в процессе межкультурной коммуникации происходит диалог культур. Средством межкультурной коммуникации может быть не только язык, но и самые различные феномены материальной и духовной культуры, например музейные экспонаты или даже интернет-мемы могут стать такими средствами.

Значительную тенденцию в процессе межкультурного взаимодействия составляет стремление к сохранению национальной культуры, самобытности, языка, традиций, обычаев. По мнению многих авторов, подобные всплески этнической и культурной идентичности вызваны вызовами современной ситуации расширения процесса глобализации.

Важную роль в современном культурном пространстве играют устойчивые группы национально-культурных меньшинств, пребывающие в инонациональном окружении, вне своей исторической родины и материнского этноса — диаспоры.

Авторы учебного пособия «Этносоциология», И. В. Арутюнян, Л. М. Дробижина, А. А. Сусоколов под диаспорой понимают

¹ Мартынова Н. А. Межкультурная коммуникация как особый вид общения // Омский научный вестник. 2007. № 2 (50). С. 148.

«меньшинства (этнические группы), являющиеся частью этнонации, живущие за пределами территории ее самоопределения, которым гарантируется защита от политической и культурной дискриминации»¹. Ж. Т. Тощенко и Т. И. Чаптыкова понимают под диаспорой устойчивую совокупность людей единого этнического происхождения, живущую в иноэтническом окружении за пределами своей исторической родины (вне ареала расселения своего народа) и имеющую социальные институты для развития и функционирования данной общности². С точки зрения системного и социокультурного подходов анализирует понимание диаспоры З. И. Левин. По его мнению, диаспора — это этнос или часть этноса проживающие вне своей исторической родины или территории обитания этнического массива, сохраняющие представление о единстве происхождения и не желающие потерять стабильные групповые характеристики, заметно отличающие их от остального населения страны пребывания, вынужденно (осознанно или неосознанно) подчиняясь принятому в ней порядку³.

Основными признаками диаспоры являются:

- пребывание этнической общности вне страны ее происхождения вследствие политических или экономических причин.
- природные катаклизмы и проблемы демографического характера (изменение климата, эпидемия, голод, землетрясения), демографическая ситуация (высокая плотность, низкая рождаемость).
- стремление этнической общности к сохранению своей национальной культуры, самобытности, языка, традиций, обычаев. Особую роль здесь играет религиозная традиция, которая в трудные моменты обладает цементирующим действием.
- диаспора имеет организационные формы своего функционирования в виде землячеств, наличие общественных национально-культурных и политических движений, которые выполняют функцию защиты интересов и самосохранения этнической общности.

На сегодняшний день в республике Бурятия действует 46 национально-культурных общественных объединений: в т.ч. культур-

¹ Арутюнян И. В., Дробижина Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М., 1998. С. 39.

² Тощенко Ж. Т. Политическая социология. М., 2002.

³ Левин З. И. Менталитет диаспоры. М., 2001. С. 5.

ных центров — 14 (русских — 2, латвийский, азербайджанский, еврейский, литовцев, старообрядческий, семейских — 2, сойотов, китайцев, коренных малочисленных народов, кыргызский, армянский), землячеств — 9 (узбекское, тибетское, агинское, тункинское, шэнэхэнское, баргузинское, Боханского и Осинского районов, азербайджанское, мирнинское), автономий — 12 (татарских (4), эвенков (3), поляков (1), корейцев (1), немцев (1), евреев — (2)), общин — 2 (Александро-Невская старообрядческая казачья, Бичурская старообрядческая), движений — 2 (Всебурятская ассоциация развития культуры, Конгресс бурятского народа), ассоциаций общественных объединений — 1 (Межрегиональная общественная ассоциация землячеств этнической Бурятии), диаспора — 2 (Местная общественная организация «Таджикская диаспора г. Северобайкальск и Северобайкальского района», Городская общественная организация «Афганская диаспора г. Улан-Удэ «Майхан»), иные — 4 (Региональная общественная организация «Ассоциация народов Бурятии «Дом Дружбы», Региональная общественная организация «Союз женщин — мусульманок» Республики Бурятия, Региональная общественная организация центр содействия развитию эвенкийской культуры «Хэглэн», Региональная общественная организация «Буряад соёл» (Бурятская культура). Кроме того, в настоящий момент на территории Республики Бурятия зарегистрировано и действует 36 казачьих обществ, 19 из них входит в структуру ОКО РБ «Верхнеудинское» ЗВКО и на сегодня объединяет порядка четырех тысяч человек. Конечно далеко не все из них отвечают признакам диаспоры, но они выполняют функции сохранения самобытности, развития языка, образования, национальной культуры, укрепления единства, гармонизации межэтнических отношений, содействия межрелигиозному диалогу и т. д. Пропагандируя культуру и историю своего народа, они вносят вклад в дело сохранения исторической памяти народов и взаимно обогащают, развивают многонациональную, многоконфессиональную культуру Бурятии и России в целом.¹

¹ Национально-культурные объединения Республики Бурятия [Электронный ресурс] // Официальный портал органов государственной власти Республики Бурятия. URL: <http://old.egov-buryatia.ru/index.php?id=378> (дата обращения: 03.09.2018).

Трансграничный Байкальский регион, имея многовековую историю взаимодействия с приграничными областями Монголии и Китая, а также с другими государствами Восточной Азии, демонстрирует тенденции к сохранению самобытной культуры народов Забайкалья, сохраняя готовность к диалогу культур и осмыслению своей роли и места как ресурса соразвития.

Автор диссертации «Межкультурное взаимодействие этносов Байкальского региона: XVII — начало XX в.» О. В. Бураева пишет, что сближение коренного и русского населения в области материального производства явилось основой для их взаимного сближения в сфере социальной жизни, домашнего быта, духовной культуры. Так, буряты и эвенки перенимали у русского населения навыки земледелия, а старожилое русское население многое почерпнуло из богатой скотоводческой практики бурят. Но и животноводство у бурят претерпевает значительные изменения под влиянием русских. Формы культурного взаимодействия народов были многообразными. Хозяйственные, административные, торговые, бытовые, семейные связи способствовали тому, что русские крестьяне овладевали бурятским и эвенкийским языком, а буряты и эвенки — русским. Смешанное население почти одинаково владело русским и бурятским, русским и эвенкийским языками и воспринимало хозяйственные и социально-бытовые черты обоих народов. Таким образом, сформировалась особая группа населения (карымов) — посредник общения культур, занимающая промежуточное положение между культурами и являющаяся носителем билингвизма и бикультурализма. Благодаря деятельности группы-посредника знание об иной культуре становилось массовым. Основными каналами межкультурного взаимодействия в Байкальском регионе стали определенные социальные, профессиональные и иные группы и лица, переносящие заимствования, которые относились как к этносу-донору, так и этносу-реципиенту. В Байкальском регионе ими были торговцы, казаки, ремесленники, зажиточные слои общества, карымы, батраки, отходники.¹

¹ Бураева О. В. Межкультурное взаимодействие этносов Байкальского региона: XVII — начало XX в.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2005.

Очень один интересный опыт межкультурного взаимодействия и социокультурной адаптации представляет большая группа, так называемые шэнэхэнские буряты.

Первая четверть XX в. в истории характеризовалась борьбой Китая, России и Японии за сферы влияния на спорных территориях Маньчжурии и Монголии. В такой трудный и наполненный событиями исторический период большие группы бурят в различное время с 1918 по 1933 г. перекочевали во Внутреннюю Монголию и поселились в местности под названием Шэнэхэн. Местные жители в этих местах не селились, считая их проклятыми. По свидетельству старожилов-бурят там была распространена опасная инфекционная болезнь, известная в народе как «тарбаган халуунхалдабаритай». (Эта болезнь не обошла стороной и первых переселенцев из Забайкалья, но благодаря эффективному лечению, принятому Ешимарамбой из Цугольского дацана, со временем перестала свирепствовать). Таким образом, вера помогла выжить переселенцам, они обрели новую родину. Проживающая там бурятская община сумела сохранить язык и традиционный уклад жизни. Д. Ц. Боронова свидетельствует, что основным занятием шэнэхэнских бурят и по сей день, остается животноводство, и скотоводы составляют большую часть социальной структуры бурятского населения Хулун-Буира¹. Также она утверждает, что «Буряты Автономного района Внутренней Монголии КНР, сохраняя свою прежнюю этническую идентичность... считают себя традиционными бурятами, в отличие от обрусевшего с их точки зрения, бурятского населения России»². Процессу консолидации переселенцев бурят в территориально-этническую группу «шэнэхэнские буряты» способствовали следующие моменты: во-первых, компактное проживание в пределах отведенной территории; во-вторых, ограничение, а затем и запрет на свободное передвижение через границу, вследствие которого складывались условия для оседания на постоянное место жительства; в-третьих, в условиях проживания в отрыве от основной массы этноса вне его террито-

¹ Боронова Д. Ц. Специфика образа этнической самоидентификации бурят Внутренней Монголии КНР // Феноменология традиционности и современности. Улан-Удэ, 2001. С. 96.

² Там же. С. 111.

рии в иноэтничной среде актуализировалась дихотомия «мы-они», выдвинувшая на первый план этноинтегрирующие признаки¹. По свидетельству, Жимингуа преподавательницы японского языка на Восточном факультете БГУ, ее мать бурятка вышла замуж за монгола, за что ее осуждали соплеменники, так как не приняты были браки между бурятами и монголами, а особенно между бурятами и китайцами.

В начале 90-х гг. стало возможным возвращение шэнэхэнских бурят в Россию. Так люди приезжали в надежде встретиться с родственниками, многие из них мечтали найти лучшее применение своим талантам. Так в 1992 г. в Цугольский дацан вернулся Дашин Арлаа лама (род.в 1933 г. в АРВМ, специалист по тибетской медицине). Знаменитой стала исполнительница старинных бурятских народных песен Бадма-Ханда Аюшеева, приехавшая в Улан-Удэ в 1993 году вместе с родителями. В настоящее время она дает сольные концерты на сцене театра оперы и балета, выступает и в Москве. Но она признает, что очень многим из них было очень трудно приспособиться к новым условиям. Перед ними встала проблема языкового и культурного барьера. Бадма-Ханда Аюшеева в статье «Забутые песни возвращают историю бурят», посвященной ее первому сольному концерту признается что «много было для них совершенно новым: люди европейской внешности, современная одежда, совершенно иные отношения...»².

Но новая рыночная ситуация в конце XX в. дала им небольшое преимущество, а именно знание китайского языка с помощью которого многие смогли найти свое место в развивающейся системе обмена между Китаем и Россией. С развитием рыночных отношений поток китайских бизнесменов в Россию увеличился. Многие буряты и монголы предоставляют им услуги переводчиков, а некоторые и сами открывают свой небольшой бизнес (преимущественно в сфере общественного питания). Молодежь едет за возможностью получить образование.

¹ Бороноева Д. Ц. Опыт этнокультурного исследования структур повседневности бурят Внутренней Монголии КНР // Феноменология традиционности и современности: сборник статей. Улан-Удэ, 2001. С. 103-104.

² Содномпилов Д. Забутые песни бурят возвращают историю бурят // Информ-Полис. 2001. 7 дек. С. 3.

Таким образом, шэнэхэнские буряты прошли сложный исторический путь, приобрели бесценный опыт пребывания в различных социальных, политических и экономических условиях, смен идеологий. Они сумели сохранить целостность и специфичность социального и культурного фондов.

В целом специфика Байкальского региона проявляется в том, что он граничит с Монголией и Китаем, находясь в особом положении на стыке востока и запада. Это территория, где происходят процессы не только диалога, но и синтеза восточной и западной культур. Основными факторами стабильности общества в трансграничном регионе являются условия, способствующие межнациональному и межконфессиональному согласию, развитию международных экономических и культурных связей.

Однако, нестабильное в последние годы экономическое положение региона, России в целом, социальное неравенство, социальная напряженность, как показывает практика, провоцируют межэтнические конфликты, вызывают недоверие, и как следствие — различные проявления ксенофобии.

Ксенофобия в современной России приобретает все более устрашающие формы и, несмотря на постоянное обсуждение проблемы формирования толерантности, принятие законов, противодействующих ксенофобии, расизму и экстремизму, особых сдвигов в настроениях общества не происходит.

Термин ксенофобия происходит от греческих слов «чужой» и «страх». В современном обществе используется для обозначения чувства страха или ненависти к чужому, восприятие чужого, как опасного и враждебного. Возведённая в ранг мировоззрения, может стать причиной вражды по принципу национального, религиозного или социального деления людей¹. В нашем исследовании термин «ксенофобия» мы, прежде всего, понимаем, как «враждебность к «другим», в первую очередь определяемым в расовых, этнических и религиозных терминах (хотя толкование ксенофобии может быть значительно шире)».

На рубеже XIX–XX веков в европейском культурном пространстве, изменившемся вследствие великих географических открытий

¹ Ксенофобия // Большая российская энциклопедия. М., 2010. Т. 16.

предыдущих столетий, получили распространение идеи расизма, призванные оправдать ведущуюся европейскими государствами жесточайшую колониционную политику. «Научный» вид расизму придал известный историк Жозеф де Гобино, опубликовавший в 1853-1855 гг. свой нашумевший труд «Опыт о неравенстве человеческих рас», в котором утверждал о зависимости уровня цивилизационного развития от антропологических показателей. Провозглашенный им тезис о превосходстве белой расы и ее элиты — арийской расы — получил дальнейшее развитие в трудах Отто Аммона, Жоржа Ваше де Ляпужа и Людвиг Вольтмана, которые связали уровень культурного развития народов с «головным» показателем (соотношением длины и ширины мозга), цветом кожи, глаз и волос и т. д. При Гитлере в Германии расизм был единственной официально разрешенной идеологией, оправдывающей геноцид в отношении «неполноценных» народов, осуществление над людьми опытов и экспериментов в созданных для содержания пленных концентрационных лагерях. Представителей неарийских народов в ходе Второй мировой войны безжалостно умерщвляли в газовых камерах, сжигали затем в крематориях, золой из которых удобряли поля. После поражения гитлеровской Германии, на Нюрнбергском процессе расизм был осужден и объявлен ненаучной теорией¹. Однако даже на этом уникальном процессе звучали речи, оправдывающие преступления нацизма имманентно присущей человеку ксенофобией.

Россия, как страна многонациональная от самых своих истоков, не знала присущего моноэтническим народам ксенофобского высокомерия. Великий князь Василий III писал ненцам, хантам, манси: «А мы вас жаловати и за вас стояти и от сторон беречи хотим»². Царь Федор Иоаннович наказывает посадским земским людям не обижать местных людей «чтоб их ништо, никаков человек не оби-

¹ Нюрнбергский процесс: протоколы допросов главных военных преступников / пер. с англ. — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2017. — (Первопубликация) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://militera.lib.ru/docs/da/np_doprosy/index.html (Дата обращения: 18.06.2018).

² Жалованная Грамота Великому Князю Василию III ненцам, живущим по реке Обь, О принятии их в подданство России 1525 года, апреля 2 — ЦГАДА, ф. 159. Приказные дела новой разборки, оп. 2. № 2338. л. 6–8 (список 1682 г.)

дел и насилия без лепишнова и продаж им не чинили некоторыми делы»¹. Князь Алексей Михайлович приказывал Ерофею Хабарову, посланному в Сибирь, призывать под руку Государеву не боем, а ласкою².

В результате можно констатировать, что к XVII веку в России сложились вполне грамотные взаимоотношения власти с народами, недавно вошедшими в состав государства. Учитывались особенности местной системы власти и подчинения, традиционные способы ведения хозяйства, религиозные взгляды и этнические ценности. Коренным народам оказывалось содействие в социально-экономическом развитии и осуществлялось уникальное для тех веков инкорпорирование в правящую элиту России элиты присоединенных к России народов. Вырабатывались правовые нормы и традиции взаимодействия, сотрудничества и взаимосвязи различных народов в составе единого государства.

Реальная история изобилует фактами о том, что, оказавшись во враждебном окружении, угрожающем независимому существованию, многие народы искали защиты у России. Именно этим объясняется разнообразное прирастание русских земель в XVII–XIX веках. Зачастую вошедшие в состав Российской империи народы обретали более высокую степень свободы, чем коренное русское население³.

В XX веке Россия стала центром нового государства — Союза Советских Социалистических Республик, в котором также провозглашалось на уровне Конституции СССР равенство и братство народов. Государственная политика в межнациональных отношениях велась с позиции «дружбы народов», проявляющейся в поли-

¹ 1597 г. января 27 — Грамота царя Федора Ивановича в Пустозеро посадским земским людям Сухану Леонтьеву, Сергею Дубровину и Сидору Иванову о челобитной ненцев Хубея Сахина с братом и детьми об обережении их от насилий, чинимых данными сборщиками — ЦГАДА, ф. 159. Приказные дела новой разборки, оп. 2, № 2338, л. 9—15 (список 1682 г.)

² Отписка воеводы Дмитрия Андреевича Францбекова и дьяка Осипа Степанова об отправке Хабарова в Дауры — ЦГАДА, ф. 159. Приказные дела новой разборки, оп. 2, № 2338, л. 16—18 (список 1682 г.)

³ Клеандрова В. М. О некоторых особенностях положения народов в дореволюционной России // Федеративное устройство России: история и современность. Москва. 1995. С. 8.

тических, социальных, духовных, культурных связях между советскими людьми разных национальностей. Эти связи были наполнены содержанием и определялись состоянием устойчивого сотрудничества и взаимопомощью между народами великой советской страны¹.

Народы, пришедшие в состав нового государства, разительно отличались друг от друга по множеству параметров, начиная от хозяйственно-экономических и заканчивая культурно-религиозными укладами, традициями, обычаями, и, конечно же, менталитетом. Большевикам удалось прийти к власти и удержать ее во многом тем, что они выдвинули абсолютно новую форму взаимоотношений между различными этническими и религиозными группами и государством, создав в соответствии с ними национально-территориальные образования. Право наций на самоопределение, провозглашенное в Конституции страны, давало народам свободу в развитии национальных элит и в решении различных вопросов самоорганизации и саморазвития в едином государственном пространстве. Все этнические группы получили возможность реализации в государственной власти.

Таким образом, этнические различия в СССР стали общественными институтами, были закреплены в законодательстве и отражены в системе государственного управления. Принцип этнофедерализма, который был реализован в СССР, предполагал, что каждой нации полагалось иметь свою отдельную территорию со своими государственными учреждениями — свою республику. При этом в зависимости от размеров нации и расположения ее территории республика могла быть либо союзной, либо автономной. Союзные республики имели больше прав, включая право выхода из состава СССР (правда, законом процедура такого выхода не предусматривалась). Автономные республики входили в состав той или иной союзной республики. Менее крупные национальные образования имели статус автономных округов и областей. В СССР было 15 союзных республик. Самой крупной из них была

¹ Козьменко В. М., Цай В. И. Эволюция межнациональных отношений и национальной политики в СССР в 1920-х — 1991 г. // Вестник РУДН. История России. 2012. № 2. С.121.

РСФСР (Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика). В ее состав входили 16 автономных республик: Башкирская, Бурятская, Дагестанская, Калмыцкая, Кабардино-Балкарская, Карельская, Коми, Марийская, Мордовская, Северо-Осетинская, Татарская, Тувинская, Удмуртская, Чечено-Ингушская, Чувашская и Якутская¹.

На всех уровнях — от автономного до союзного — республики обладали собственными органами государственной власти, выполнявшими законодательные, исполнительные и судебные функции: Верховные Советы, правительства, а также милиция и суд. Именно наличие данной властной системы способствовало появлению требований о независимости республик от Союза, что, несмотря на отсутствие собственных армий (вооруженные силы оставались всегда в ведении единого государства), благоприятствовало распаду СССР. Кроме того, территории Прибалтики, входившие в состав Российской империи, после ее падения получили самостоятельность и их включение в СССР, произошедшее в 1939-1940-е годы, было воспринято большей частью населения негативно. Краткий период национального возрождения сохранился в памяти народов Латвии, Литвы, Эстонии, что мешало их полноценному принятию советской идеологии и образа жизни.

Национальная политика советской власти основывалась на принципах «дружбы народов» и «пролетарском интернационализме». Согласно идеологии марксизма-ленинизма, интересы рабочих всех стран являются идентичными, и рабочие гораздо более заинтересованы в реализации классовых интересов, нежели этнических. Именно пролетарский интернационализм при поддержке социалистического строя способен привести к подлинному расцвету наций и этносов, формированию равных, братских, дружеских отношений. Национализм же призван отвлекать пролетариат от борьбы за свои права, поэтому он является выразителем интересов угнетателей.

¹ Этапы движения народов Советских республик к государственному единству. Образование СССР и принципы его национальной политики [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ronl.ru/lektsii/istoriya/919412/> (дата обращения: 23.06.2018).

Именно из этих взглядов исходила национальная политика в Советском Союзе, причем эти принципы стали не только краеугольными для внутренней политики многонационального государства, но и основным ориентиром во внешней политике, которая во времена СССР активно поддерживала всяческие национально-освободительные и народные движения во всем мире.

Идеологическая работа, направленная на формирование интернационализма и советского патриотизма, пронизывала общество снизу доверху. Детские сады, октябрятская, пионерская организации в младшей и средней школе, комсомольская организация под контролем КПСС обращали внимание на то, как шел данный процесс по стране в целом и избежать контроля не мог ни один человек в обществе. Ответственность за формирование братских чувств между народами страны лежала на каждом человеке, как члене своей ячейки общества, на комсомольской, партийной, профсоюзной организациях, на школе, армии, вузе, государстве.

Результатом этой огромной работы стало провозглашение в 70-е годы XX века руководством страны достижения стадии развитого социалистического общества и возникновения новой исторической общности — советский народ. Эта общность, как утверждалось, закономерно пришла на смену прежним историческим общностям, сформировавшимся в досоциалистических формациях, таким как этнос, народ и нация. И только в рамках новой общности социалистическому строю удалось разрешить сложнейшие межнациональные противоречия, решение которых было невозможно при капитализме.

В экономическое, социальное и культурное развитие регионов вкладывались огромные средства, в исторически сжатые сроки были осуществлены электрификация, индустриализация всей страны, строились города, вводилось обязательное сначала начальное, а затем среднее и среднее специальное образование. Для ускорения процессов модернизации проводилась большая агитационная работа по переселению больших масс специалистов, высококвалифицированных рабочих в отдаленные регионы страны, создавались интернациональные поселки и города, стройки и промышленные предприятия. Так, в Бурятии за исторически короткие сроки были созданы топливно-энергетический комплекс,

машиностроение и металлообработка, лесная и деревообрабатывающая промышленность, цветная металлургия, а также пищевая и легкая промышленность. Здесь изготавливались вертолеты, суда, металлические мостовые конструкции, стекло, ткани, тепловые электроприборы, мебель, продукция лесохимии, строительные материалы, ремонтировались тепловозы и вагоны, добывались различные виды драгоценных, полудрагоценных и промышленных металлов и минералов.

Не менее быстрыми темпами шло развитие промышленности в Иркутской и Читинской областях. Реконструировались старые производства, открывались новые, треть всего занятого в народном хозяйстве населения, трудилась в промышленности¹. Для развития нетрадиционных для коренного населения регионов областей хозяйственной деятельности по призыву КПСС и Советского государства в регионы выезжали представители русского рабочего класса из центральных областей страны. Непосредственно в процессе совместного труда вырабатывались новые отношения взаимопомощи и сотрудничества, формировались национальные рабочие кадры.

Именно рабочий класс, пролетариат провозглашался главной опорой социалистических и коммунистических преобразований, поэтому его количественному и качественному росту уделялось советской властью особенное внимание. Система созданных в СССР социальных лифтов позволяла выдающимся представителям коренных народов национальных окраин реализовывать свои способности, идя в науку, в образование, во властные структуры.

Огромное внимание уделялось советским государством развитию культур народов СССР, социалистических по содержанию и национальных по форме. Данная формула использовалась для поощрения традиционных ремесел, библиотечного дела, проведения этнических фольклорных мероприятий. Повсеместно создавались

¹ Винокуров М. А., Суходолов В. П. Промышленный потенциал Иркутской области // «Экономика Иркутской области» (1999) [Электронный ресурс]. URL: http://irkipedia.ru/content/promyshlennyy_potencial_irkutskoy_oblasti_vinokurov_ma_suhodolov_ap_ekonomika_irkutskoy (дата обращения: 25.06.2018); Энциклопедия Забайкалья. [Электронный ресурс]. URL: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=2112> (дата обращения: 25.06.2018).

краеведческие музеи, открывались художественные галереи, пополняемые шедеврами из фондов государственных музеев страны.

Конечно, эти процессы, при всей своей прогрессивности, не могли не породить различные противоречия и злоупотребления властью. Модернизация экономики, урбанизация способствовали развитию образования, социальной мобильности населения, однако зачастую властью не учитывались многие факторы, породившие ряд современных экологических проблем и поставивших под угрозу само существование традиционной культуры многих малочисленных этносов.

Кроме того, на межнациональные отношения в стране повлияло представление о великой исторической миссии русского народа, культуры и языка в обеспечении единства и братства страны, унаследованное от времен Российской империи, выпестованное поколениями философов, формировавших «русскую идею». Свое воплощение данная мысль нашла в самой структуре власти, при которой секретарем по идеологии в союзной или автономной республике должен был быть избран представитель русского этноса, а первым секретарем избирался представитель «титulyного». В республиках активно распространялся русский язык, как язык межнационального общения, и русская культура, вокруг которой должны были формироваться национальные культуры. Сокращалось количество школ, в которых обучение велось на языках народов СССР, в высших учебных заведениях преподавание велось на русском языке. Эта проблема была чрезвычайно болезненной для националистически настроенных исследователей, которые упускали из виду тот факт, что в первые годы советской власти большая часть образованных людей, пополнивших ряды учителей и преподавателей вузов, были представителями русского народа — на каком же языке должно было вестись обучение? В любом случае эти проблемы вызвали желание реформировать сложившуюся систему с учетом интересов национальных регионов.

Переселение представителей русского рабочего класса (надо заметить, что в регионы по призыву комсомольских, партийных организаций ехали не только русские, немало было выходцев из союзных и автономных республик СССР, что отразилось в названиях многих улиц растущих городов Сибири), имевшее государ-

прекрасно осознавала сложность осуществления равного, дружеского взаимодействия в условиях многонационального государства. На пути решения поставленной задачи, конечно же, допускались перегибы, встречались недочеты, но не допускается ошибок лишь тогда, когда ничего не делается. Сближение уровня развития многих входивших в состав СССР народов, их взаимное ознакомление с культурой и традициями друг друга были вполне реальными результатами развития страны в 80-е годы. Русский язык, на котором говорило подавляющее большинство граждан СССР, стал общепринятым языком межнационального общения. У большинства граждан страны чувство советского патриотизма было никак не менее сильным, чем чувство местного (русского, бурятского, татарского и т. д.) патриотизма. Они не видели противоречия между этими чувствами, за исключением сравнительно узких кругов националистически настроенных граждан и нескольких областей, где эти круги пользовались влиянием на общественное мнение (как, например, на Западной Украине).

Но не менее реальными были проблемы в национальных отношениях, порожденные насильственным включением ряда республик (как, например, Прибалтики) в состав СССР, политикой насильственной русификации и сохраняющимися элементами неравноправия людей разных национальностей.

Важное место занимали проблемы, оставшиеся со сталинских времен. Границы между республиками и областями были проведены во многих случаях произвольно, что создало основу для будущих конфликтов. Особенно тяжелыми были последствия насильственных переселений — депортаций — целых народов, которые были репрессированы при Сталине. Правда, большинство из них уже в 50-е годы были реабилитированы, но не все они смогли вернуться на свои земли, уже переданные другим народам. Это создавало почву для многочисленных этно-национальных конфликтов (особенно на Кавказе и в Средней Азии).

В нашем регионе в 30-е годы XX века был создан Восточно-Сибирский край со столицей в г.Иркутск. Вскоре это образование было разделено на Бурят-Монгольскую АССР и Восточно-Сибирскую область. После организованной «зачистки» территорий, близлежащих к границам оккупированного Японией Китая,

подверглись репрессиям лидеры бурятского народа, обвиненные в панмонголизме. 26 сентября 1937 года Восточно-Сибирскую область разделили на Иркутскую и Читинскую. Постановлением ЦИК СССР Бурят-Монгольская АССР была разделена на несколько частей. К Читинской области отошли Агинский и Улан-Ононский аймаки БМАССР, образовав Агинский Бурят-Монгольский национальный округ с центром в поселке Агинское. К Иркутской области отошли Аларский, Боханский, Эхирит-Булагатский, Ольхонский аймаки, образовав Усть-Ордынский Бурят-Монгольский национальный округ с центром в поселке Усть-Орда¹.

Подобные решения правительства в отношении целых народов, безусловно, не только подрывали идею о советском народе как о новой исторической общности, но и являлись основной для этнонациональных конфликтов, которые вышли на поверхность при первых же признаках ослабления центральной власти в годы перестройки.

Так, в 1990 году 60 ветеранов из Бурятии обратились в Кремль с письмом о реабилитации репрессированного бурятского народа: «Сколько обид и несправедливости допущено по отношению к бурятскому народу! Вопреки Конституции БМАССР и РСФСР, вопреки воле и желанию народа была разрушена его единая национальная государственность. Стремление народа сохранить свое богатейшее наследие и духовные ценности, самобытность и традиции жизни объявлялись буржуазным национализмом, панмонголизмом. Пострадали интеллигенция, лучшие сыны бурят. Подавлялась уникальная бурятская культура, созданная на стыке буддийской культуры и западной русской культуры»². Проводимая в 90-2000-е годы работа по воссоединению бурятского этноса в рамках исконных территорий потерпела сокрушительное поражение. Пообещав пойти навстречу пожеланиям бурятского населе-

¹ Елаев А. А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М., 2000. 352 с.

² Как Бурятия оказалась разделенной на несколько частей. Что стоит за 80-летним юбилеем Агинского и Усть-Ордынского округов — Азия. — 6 сентября 2017г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.infpol.ru/news/asia/134169-kak-buryatiya-okazalas-razdelennoy-na-neskolko-chastey/> (дата обращения: 15.05.2018).

ния, власти провели референдум и ничего не выполнили по условиям объединительного договора.

По совершенно необъяснимым причинам в богатой ресурсами и электроэнергией Иркутской области Усть-Ордынский округ становится все беднее и резко теряет свое благополучие после присоединения к Читинской области Агинский округ. В результате сегодня мы наблюдаем отток бурятского населения из Усть-Ордынского и Агинского автономных округов в Бурятию, где представители бурятского этноса ищут возможности для достижения социально-экономического благополучия в более комфортных для собственной этничности условиях.

Сегодня, в конце второго десятилетия нового века, мы наблюдаем усиление ксенофобии на всей территории бывшего недавно единым государства и особенно трагично воспринимается распространение подобных настроений в России, бывшей оплотом интернационализма, братства и дружбы народов. «Преступления на почве ненависти как наиболее яркие проявления ксенофобии стали обыденной частью криминальной хроники. С появлением Федерального закона (ФЗ) № 114 «О противодействии экстремистской деятельности» и особенно после внесения в него поправок в 2006—2007 годах такие преступления все чаще стали называть «экстремистскими», а деятельность по предотвращению преступлений ненависти — «профилактикой экстремизма»¹. Современная ксенофобия в России проявляется по-разному: как внешне безобидно — формируются некие стереотипные представления о представителях различных этнических, социальных или религиозных групп, сочиняются и распространяются о них некие анекдотические истории, так и в виде открытой агрессии и насилия, приводящих к преступлениям, которые получили название «преступления ненависти» (hatecrimes)².

¹ Ксенофобия в молодежной среде: Доклад по результатам мониторинга / [А. Козлов и др.]. М.: Московская Хельсинкская группа, 2009. 114 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.evartist.narod.ru/text26/0001.htm> (дата обращения: 24.08.2018).

² Ксенофобия в молодежной среде: Доклад по результатам мониторинга / [А. Козлов и др.]. М.: Московская Хельсинкская группа, 2009. 114 с. [Электрон-

В нашем регионе этот период прошел намного спокойнее, здесь не было крупных вооруженных столкновений, не было так называемых «горячих точек», какие возникали на Кавказе, в Грузии, не готовились и не проводились «оранжевые революции». Ряд исследователей находит причину особой толерантности жителей региона в суровой природе Сибири, огромных расстояниях и холодном климате, которые формирует специфический менталитет, уверенно направляющий на оказание немедленной безвозмездной помощи каждому, кто в ней нуждается¹, без оглядки на его этническую, религиозную, либо социальную принадлежность. «Географические факторы, особенности исторического развития, культурно-исторические традиции коренного населения края, представителей многонационального переселения, русских старожилов не могли не определить специфику освоения края, что привело в конечном итоге к появлению здесь этнотипа сибиряка как человека с ментальностью и характером, адаптированным в социоэкосистему Азиатской России»². В тайге необходимо заботиться о тех, кто идет следом, запасти для них сухие дрова, чистую воду, спички и еду, точно на такую же заботу в ответ может рассчитывать каждый.

Кроме того, немалую роль в снятии проблем межнационального общения в регионе играют традиционные верования — православное христианство в виде РПЦ и старообрядческой церкви, буддизм и шаманизм. Буддизм — религия, лишенная этнической привязки и обладающая огромным миролюбивым потенциалом,

ный ресурс]. URL: <http://www.eartist.narod.ru/text26/0001.htm> (дата обращения: 24.08.2018).

¹ Например: Сибирский характер как ценность: Коллективная монография / Под общ. ред. доктора педагогических наук, профессора, члена-корреспондента РАО М. И. Шиловой. Красноярск : РИО КГПУ, 2004. 264 с.; Андюсов Б. Е. К вопросу о предмете и аспектах методологии *научного исследования* сибирского характера // Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность. — Красноярск. 2011. [Электронный ресурс]. URL: <http://sib-subethnos.narod.ru/index.html> (дата обращения: 24.08.2018).

² Сибирский субэтнос: традиции, культура, ментальность: материалы V Всерос. науч.-практ. Интернет-конференции на сайте sib-subethnos.narod.ru 15 января — 15 мая 2009 года КРАСНОЯРСК 2009. Электронный ресурс. URL: <http://konferenciya.seluk.ru/9istoriya/785826-1-sibirskiy-subetnos-kultura-tradicii-mentalnost-materiali-vserossiyskoy-nauchno-prakticheskoy-internet-konferencii.php> (дата обращения: 23.07.2018).

призывающая всех своих последователей к активной деятельности на благо всех живых существ. Христианство — религия, адресованная не конкретным этносам, а всему человечеству. Шаманизм — религия, направленная на природосберегающую деятельность, вступившая в тесные взаимосвязи с христианством и буддизмом. В Бурятии, например, можно наблюдать примеры, когда бурят является православным христианином, или протестантом, русский является убежденным буддистом, и тот и другой не гнушаются обращаться за помощью к шаманам¹.

Тем не менее, данные исследований показывают, что процесс распространения ксенофобии коснулся и Сибири. Так, в средствах массовой информации, в сети Интернет можно найти множество публикаций о вспыхивающих конфликтах и внутреннем межэтническом напряжении, относящиеся к последнему десятилетию. Все отмеченные или подспудно ощущаемые явления можно условно классифицировать следующим образом:

1. Конфликты с достаточно представительным числом участников, принадлежащим к разным этническим группам, с предъявлением друг другу претензий, выливающиеся в массовые столкновения с последующим преследованием инициаторов по закону.

2. Призывы к объединению и принятию решительных мер по борьбе с представителями «иных» народов, приехавших в регион на постоянное место жительства, либо на заработки.

3. Высокомерие и пренебрежительное отношение к представителям «иных» народов.

Первый тип конфликтов, на наш взгляд, также может быть разделен на две группы, первая из которых представлена конфликтами, обусловленными сложным экономическим положением, сложившимся на территории исследуемых нами регионов.

Разрушение промышленных, добывающих и перерабатывающих предприятий, обеспечивавших достойную жизнь населению, произошедшее в результате перестройки и реформирования социалистической экономики, поставило его на грань нищеты, лишив работы, заработной платы, стабильности и уверенности в завтраш-

¹ Чагдурова Э. Д. Обыденное религиозное сознание современных россиян (на примере Республики Бурятия) // Символ науки. 2016. № 11-4. С. 210-212.

нем дне. Единственной возможностью как-то обеспечить себя и своих близких, дать образование детям стала добыча леса. За счет лесозаготовок живет сегодня население Сибири, прекрасно осознавая гибельность этого пути для тайги, водных ресурсов, Байкала.

Проблемы выживания местного населения многократно увеличиваются благодаря трудовой миграции, происходящей по всей территории бывшего СССР. Мигранты из Средней Азии, Кавказа, также желая почерпнуть богатств тайги, которые с их точки зрения, бездонны, внедряются в лесной бизнес гораздо более активно и агрессивно, нежели местные жители, которых сдерживает чувство вины перед своей природой. Кроме того, если местные жители, находясь под жестким контролем власти, вынуждены законным путем оформлять свои лесозаготовки, то мигранты действуют под прикрытием этнических криминальных группировок, которые, смыкаясь с государственными органами, прикрывают незаконную добычу леса.

В качестве примера первой группы можно привести нашумевшие истории в Читинской, Иркутской областях и в Республике Бурятия. Так, широко обсуждалась в Интернет-ресурсах ситуация, сложившаяся в селе Харагун, в Читинской области. В постперестроечное время все предприятия, где работало местное население (русские и буряты), развалились и закрылись. Единственным источником существования стали лесозаготовки. Прибыльное дело привлекло в Харагун выходцев из Азербайджана. Вскоре здесь поселилось около пятидесяти азербайджанских семей, включающих всех их близких и дальних родственников. Большинство из них не оформляли регистрацию и занималось незаконной вырубкой леса, говоря, что будут этим заниматься до тех пор, пока «не срубят последнее дерево». Из соседних сел привозились наемные рабочие, у которых отбирались документы, и они оказывались на положении рабов, работающих за еду и спиртное. Очень часто происходили столкновения между жителями поселка и азербайджанцами из-за высокомерного и пренебрежительного поведения последних. Харагунцы пытались решить проблему, обращаясь в

самые разные структуры¹, но помощи не получили. 16 мая 2006 года произошел вооруженный конфликт, в результате которого азербайджанцы спешно покинули село. Под арестом оказалось около 25 человек местных жителей, которым вменяются в вину хулиганские действия, массовые беспорядки, грабежи².

В маленьком городке Зима Иркутской области в октябре 2011 года состоялось вооруженное противостояние таджикских предпринимателей, хозяев пилорамы и представителей местных ОПГ (организованная преступная группировка). По итогам перестрелки четыре человека погибло и двое получили тяжелые ранения. Конечно же, здесь звучали Причиной конфликта стало расширение таджиками лесного бизнеса без согласования с криминальными структурами³.

В селе Бильчир Иркутской области, в котором проживают около 600 человек, произошла массовая драка между местными жителями (бурятами) и китайскими бизнесменами. Граждане КНР установили здесь пилораму и стали заниматься лесозаготовками, скупая древесину у населения. Поводом к конфликту послужило падение закупочной цены на лес, за счет продажи которого жило большинство сельчан. Причиной же послужило предъявленное китайским бизнесменам обвинение в том, что они стирают свое белье прямо в водах Братского моря и бросают в него мусор, что является недопустимым в бурятской культурной традиции. В процессе развития конфликта в стиле 90-х годов, к разгоревшейся потасовке присоединилось около 40 иностранцев и стольких же местных, пострадали техника и люди⁴. На сельском сходе едино-

¹ Забайкальский рабочий. 15 сентября 2005 г.

² Сергей Спиридонов. Восстание в Харагуне // Сегодня.Ру. информационно-аналитическое сетевое издание. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.segodnia.ru/content/23803> (дата обращения: 15.06.2018).

³ Как четыре таджика сибирскую братву расстреляли // Комсомольская правда — Иркутск. 21.10.2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.irk.kp.ru/daily/25774/2758307/> (дата обращения: 03.05.2018).

⁴ Массовая драка в Иркутской области: почему жители Бильчира выгоняют китайцев-бизнесменов из поселка // Комсомольская правда. — 29.06.12. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.irk.kp.ru/daily/25907/2863688/> (дата обращения: 15.06.2018).

гласно было решено, что граждане КНР должны покинуть земли Бильчир.

Большой конфликт разгорелся в Бурятии в «связи с китайским инвестиционным лесным проектом ООО "МТК-Дженькей"... проект включен в перечень приоритетных инвестиционных проектов в области освоения лесов приказом Минпромторга России от 7 марта 2018 года № 708, предусматривает создание деревообрабатывающего и лесозаготовительных предприятий с ежегодным объемом заготовки древесины 236,7 тысяч кубометров»¹. 11 мая жители Закаменского района республики приняли решение не сдавать леса в аренду, а 14 мая состоялся стихийный митинг на площади Советов в г. Улан-Удэ, в ходе которого звучали нелицеприятные лозунги в отношении китайских бизнесменов. Участники митинга вышли к зданию Народного хурала (Парламента Республики Бурятия) с плакатами в защиту леса. Для прекращения митинга, который был несанкционированным, были вызваны силы полиции, задержавшие организаторов. В результате митинг перерос в потасовку с полицией и были задержаны несколько человек.

Необходимо согласиться с тем, что данная проблема выходит за рамки проблемы межнациональных отношений и является государственной проблемой экономического развития региона, бережного отношения к природным ресурсам, развития криминальных структур, коррупции органов власти на всех уровнях, использования труда мигрантов в рамках Закона и в соответствии с природоохранной деятельностью. Если все вышеназванные проблемы являются темой отдельного исследования, то проблема миграции напрямую касается межнациональных отношений. Очевидно, что трудовая миграция в России сегодня — явление бесконтрольное, порождающее массу непредсказуемых последствий.

«По подсчетам экспертов, в Иркутской области находится не менее 80 тысяч нелегальных трудовых мигрантов. В год депорти-

¹ Лесной форум Гринпис России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forestforum.ru/viewtopic.php?f=9&t=22274> (Дата обращения: 19.06.2018).

руется лишь 1,5 тысячи»¹. Этнические преступные группировки, которые в регионе имеют достаточно большую силу, свободно распоряжаются колоссальным людским ресурсом. Государственные органы современной России не в силах навести порядок в этих процессах, не в силах справиться с криминальными структурами, так как крепко спаяны с ними коррупционными связями.

Вторая группа первого типа конфликтов представлена столкновениями, обусловленными низким уровнем культуры участников, слабой осведомленностью о культурных, религиозных, этнических традициях и ценностях друг друга, забвением исторически общего героического прошлого.

Данную группу ярко иллюстрирует ситуация, сложившаяся 15 марта 2017 года в г. Улан-Удэ, где произошло столкновение между жителями Бурятии и представителями киргизской диаспоры. Свыше 200 человек, среди которых были представители разных национальностей республики, ветераны локальных войн и военных конфликтов, члены общества «Боевое братство», собралось у Дома дружбы народов для того, чтобы призвать к ответу гражданина Киргизии, оскорбившего женщину-бурятку и бурятский народ на рынке. На встречу к ним вышел представитель киргизской диаспоры, которого призывали к публичным извинениям. К зданию прибыли несколько автомобилей с полицией, которые пытались удержать ситуацию под контролем. В толпе собравшихся звучали призывы к представителю «встать на колени и просить прощения». По итогам мероприятия нескольких наиболее ярких представителей конфликтующих сторон задержала полиция².

Призывы к объединению и принятию решительных мер по борьбе с представителями «иных» народов, приехавших в регион на постоянное место жительства, либо на заработки, встречаются чаще всего на форумах, обсуждающих провокационные публика-

¹ Межэтнические конфликты: проблемы миграции в Иркутской области // Lifejournal [Электронный ресурс]. URL: <https://kprf-irkutsk.livejournal.com/564747.html> (дата обращения: 23.07.2018).

² Болот Батожаргалов — Новости: Оскорбление бурятки на рынке иногородним продавцом вылилось в публичный скандал [Электронный ресурс]. URL: <http://gazeta-n1.ru/news/49397/>. (дата обращения: 23.07.2018).

ции в СМИ, либо на улицах городов в виде надписей или граффити.

Высокомерное и пренебрежительное отношение к представителям других народов на бытовом уровне встречается довольно часто в Иркутской области и в Забайкальском крае. Здесь русское население демонстрирует подобное по отношению к бурятам. Часто можно услышать высказывания типа: «Она — бурятка, но умная и интеллигентная бурятка». То есть, в целом буряты не умны и не интеллигентны, но данная представительница этноса обладает такими похвальными качествами. Причем люди, допускающие подобные высказывания, сами не воспринимают свое поведение и отношение как оскорбительное и пренебрежительное, а искренне полагают, что они хорошо относятся к представителям всех национальностей России.

Отдельно можно выделить события, являющиеся резонансом на гибель в других регионах России, в частности, в Москве от рук скинхедов наших земляков. Каждый раз, при получении подобных ужасных известий, происходит сплочение народа — представителей всех этнических групп против фашизма, нацизма и экстремизма.

Сегодня усиленно распространяются две позиции в отношении межэтнических конфликтов. Первую позицию поддерживает власть: в конфликтах обвиняются националисты, устраивающие митинги, погромы и якобы игнорирующие нормы закона. Другую позицию высказывает общественное мнение: во всем виноваты «понаехавшие» мигранты, отбирающие у соотечественников рабочие места, места в детских садах, не платящие налоги и прочее. Однако ни та, ни другая позиция не отражает реального положения дел в области межэтнических противоречий. Это очередная попытка увести от истины народ путем уже проверенного метода: даются два противоположных (и ложных) посыла, а граждан заставляют выбирать между ними.

В 2012 году Иркутским государственным университетом было проведено социально-психологическое исследование «Взаимоот-

ношения местного населения и мигрантов в городе Иркутске»¹. Респондентами выступили граждане России и иностранцы, среди которых 15,8% составили выходцы из кавказских республик (не только из стран СНГ — Грузии, Азербайджана, Армении, но и из кавказских республик РФ — в частности, Чечни и Осетии), 26,3% из Средней Азии (из Киргизии, Узбекистана, Казахстана, Таджикистана) и 57,9% из стран Азиатско-Тихоокеанского региона (Китай, Вьетнам, Северная и Южная Корея). Большинство мигрантов, принявших участие в исследовании, являются студентами (57,9%), при этом 52,6% имеют неполное высшее образование. Местные жители представлены студентами (58,8%) и наемными рабочими — 43,1%.

«Проблемы взаимоотношений мигрантов и принимающего общества отразились в следующих результатах. Положительно или нейтрально относятся к проживающим здесь иностранным гражданам 77 %. Отрицательно относятся к мигрантам — 23 % опрошенных. По этнической принадлежности хуже относятся к «кавказцам», чем к «европейцам» и «афроамериканцам». О «среднеазиатах» можно сказать, что большинство местных жителей относятся к ним положительно, но присутствуют и отрицательные оценки»².

Причину подобного отношения к выходцам с Кавказа исследователи находят в следующем. Число трудовых мигрантов из этого региона регулярно увеличивается — по данным 2010 года их в Иркутской области проживало 15,928³ и «для защиты своих экономических интересов данная группа создает и финансирует соответствующую криминальную группировку, призванную оградить её от посягательств на свою сферу деятельности и усилить свое соци-

¹ Нтакийича Н., Бархатова А. Современные отношения между мигрантами и местным населением в Иркутской области // Научное сообщество студентов XXI столетия. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ: сб. ст. по мат. VI Междунар. студ. науч.-практ. конф. № 6. [Электронный ресурс]. URL: sibac.info/archive/social/6.pdf (дата обращения: 26.05.2018).

² Там же.

³ Калугина Г. Иркутская область: Реакция на изменения в миграционном законодательстве. [Электронный ресурс] // ИА «Фергана.Ру». URL: <http://subscribe.ru/archive/news.world.turkestan/200702/26092652.html> (дата обращения: 15.08.2018).

ально-экономическое влияние через включение в нее криминального бизнеса. Эти процессы происходят на глазах общества, рождая этническую нетерпимость и этнические конфликты»¹.

Мигрантов из Китая воспринимают в основном, как конкурентов на рынке труда, занимающих множество мест в строительстве, сельском хозяйстве, торговле, создающих свои предприятия, приобретающих недвижимость и оседающих на новой территории. Именно этот факт тревожит местное население, которое видит в данной миграции угрозу этнополитической стабильности в регионе («Иркутск станет Китай-городом»)»².

Процессы миграции нарастают, если в 2010 году по официальным данным мигрантов в Иркутской области насчитывалось 15,928 человек, то в 2017 году их стало уже 66000³. Следовательно, ситуация становится еще более сложной и требующей особого внимания со стороны государственных органов и местного населения.

Вместе с тем стоит отметить тот факт, что со стороны иностранных граждан отношение к местному населению наблюдается довольно положительное. Так, около 80% опрошенных с любопытством и радостью общаются с россиянами, около 70% воспринимают их как друзей, хороших знакомых, с которыми они имеют позитивный опыт общения. И всего 10,5% опрошенных мигрантов чувствуют себя неуютно в чуждом окружении⁴.

¹ Воронин О. Л., Воронина А. В. Иммиграционная ситуация в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке: данные социально-психологического исследования // «Мост через Амур». Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке. Сборник материалов международного исследовательского семинара / под ред. В. И. Дятлова, англ. пер. О. А. Бакшеевой. М.; Иркутск: Наталис, 2004. С. 213–224.

² Дацышен В. Г. Гастарбайтеры на востоке России: масштабы явления, перспективы и проблемы // «Мост через Амур». Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке: сборник материалов междунар. исслед. семинара / под ред. В.И. Дятлова, англ. пер. О.А. Бакшеевой. М.; Иркутск: Наталис. 2004. С. 52.

³ Lifejournal.БГ Иркутск. [Электронный ресурс]. URL: <https://bg-irkutsk.livejournal.com/5794367.html> [дата обращения: 15.08.2018].

⁴ Нтакийича Н., Бархатова А. Современные отношения между мигрантами и местным населением в Иркутской области // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: сб. ст. по материалам VI Междунар. студ. науч.-

Проблема межэтнических отношений в Бурятии также вызывает пристальное внимание исследователей, которые считают их вполне спокойными. Так, исследователи В. В. Гончаров и И. З. Чимитова пишут: «Одной из особенностей Бурятии является поликонфессиональность... Буддизм особенно акцентирует принцип толерантности не только по отношению к людям, но и ко всем живым существам, демонстрируя терпимость к иным воззрениям, учениям, конфессиям и т. д. Современный буддизм призывает расширять границы любви и сострадания». Социолог Ц. Б. Будаева утверждает, что «Репрезентативные социологические опросы, проведенные в 2005, 2007 и 2009 годах, показали быструю изменчивость общественного мнения, его податливость различным факторам. Так, в 2007 году на фоне кадровой перестройки в высшем эшелоне власти республики почти в два раза выросла доля людей, давших отрицательную оценку межнациональным отношениям народов Бурятии. Это было обусловлено многими причинами, в том числе боязнью элиты утратить свои должности и полномочия. К 2009 году «температура» межнациональных отношений вернулась к состоянию 2005 года, то есть к состоянию устойчивости¹.

В 2016 году группой социологов ИМБТ СО РАН также было проведено исследование с целью выявления существующих проблем, факторов, способных разрушить существующую стабильность межнациональных отношений в республике². Одним из подобных факторов были выделены «стереотипы, предрассудки, ми-

практ. конф. № 6. [Электронный ресурс]. URL: sibac.info/archive/social/6.pdf (дата обращения: 26.05.2018).

¹ Гончаров В. В. Межэтническое согласие основных этносов Республики Бурятия / В. В. Гончаров, И. З. Чимитова // Журнал «Социодинамика», ООО NB-Медиа. М. 2018. № 7. С. 9-16. [Электронный ресурс]. URL: https://author.nbpublish.com/pr/article_25388.html (Дата обращения: 08.08.2018) ; Будаева Ц. Судьба бурятской нации будет зависеть от трех факторов // Информационное агентство БМК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.baikal-media.ru/news/interview/79873/> (дата обращения: 08.08.2018).

² Бильтрикова А. В., Жалсанова В. Г., Бреславский А. С. Социально-экономическая ситуация и межнациональные отношения в Республике Бурятия // Журнал «Социодинамика», ООО NB-Медиа. М., 2017. № 9. С.38-45. [Электронный ресурс]. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_24180.html (дата обращения: 08.08.2018).

фы» (53,2%)¹, существующие у представителей разных национальностей друг о друге, их гипертрофированное искажение, трансляция СМИ. Однако, гораздо более важным фактором респонденты назвали экономические интересы, что подтверждает сделанные нами выше выводы. Опрашиваемым был задан вопрос: «Какие факторы, кроме этнического, могут способствовать вероятным конфликтам на национальной и религиозной основе в нашей республике?». Ответы ясно видны из приведенной таблицы:

Таблица 1².

экономический	<u>60.55%</u>
политический	59.63%
личный	55.05%
религиозный	33.94%
внешние	15.60%
культурный	9.17%

Исследователи отмечают, что, несмотря на лидирующее положение экономического фактора, его отметила немногим большая часть респондентов. Ими делается вывод, что влияние социально-экономических факторов на межнациональные отношения важны, но не они являются решающими.

В следующей таблице приводятся ответы респондентов на вопрос: «Какие факторы в первую очередь влияют на ухудшение межнациональных отношений и могут способствовать появлению конфликтных ситуаций на национальной и религиозной почве в Республике Бурятия?».

¹ Бильтрикова А. В., Жалсанова В. Г., Бреславский А. С. Социально-экономическая ситуация и межнациональные отношения в Республике Бурятия // Журнал «Социодинамика», ООО NB-Медиа. М., 2017. № 9. С. 38–45 [Электронный ресурс]. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_24180.html (дата обращения: 08.08.2018).

² Там же. В источнике — Таблица 3.

Таблица 2¹

распределение должностей по этническому, земляческому, родственному признакам	63.64%
социальное расслоение общества	<u>52.73%</u>
социально-экономический кризис в стране	<u>47.27%</u>
ухудшение социально-экономической ситуации в республике	<u>47.27%</u>
отсутствие равных условий при приеме на работу и продвижении по службе	42.73%
создание негативных образов социальными сетями и СМИ	38.18%
вызывающие формы бытового повседневного поведения отдельных представителей этнических групп	28.18%
неуважение к обычаям, традициям и языку другой национальности	26.36%
неуважение к религиозным традициям и верованиям других народов	25.45%
недружественные высказывания по отношению к представителям других национальностей	20.91%
ущемление прав из-за национальной принадлежности на бытовой почве	19.09%
доминирование этнических групп в определенных сферах занятости	18.18%
Недостаточная урегулированность миграционных процессов	17.27%
требование этнических групп предоставления особых прав и льгот	16.36%
угроза захвата экономических ресурсов представителями других национальностей	11.82%
увеличение числа трудовых мигрантов, в т. ч. иностранных	11.82%
проблемы с доступностью высшего образования	10.91%
усиление криминогенной обстановки в отдельных этниче-	8.18%

¹ Бильтрикова А. В., Жалсанова В. Г., Бреславский А. С. Социально-экономическая ситуация и межнациональные отношения в Республике Бурятия // Журнал «Социодинамика», ООО NB-Медиа. М., 2017. № 9. С. 38-45. [Электронный ресурс]. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_24180.html (дата обращения: 08.08.2018). В источнике — Таблица 4.

ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

ских группах	
конфликты на религиозной почве	8.18%
угроза безопасности жизни со стороны представителей других национальностей	6.36%
нежелание местного населения относиться к мигрантам как к равным	6.36%
этническое распределение сфер занятости	5.45%

И эти данные показывают, что, несмотря на то, что около половины респондентов выбрали факторы, говорящие о статусных конфликтах, свидетельствующих о характерной для Бурятии клановости, о значимости социально-экономической группы, не эти факторы являются определяющими в межнациональных отношениях. Иначе эти цифры были бы намного большими, чем те, что представлены в исследовании.

Мнения экспертов, подвергшихся опросу, приведенные в исследовании разделились. Одни уверены в том, что пока не стабилизируется социально-экономическая ситуация в стране, в межнациональных отношениях будет существовать напряжение, так как будет культивироваться «образ врага», виновного в ухудшении качества жизни населения конкретного региона. Другие же респонденты считают, что межэтнические отношения никак не связаны с социально-экономической ситуацией, а зависят от уровня культуры народов¹.

Забайкальский край также заинтересован в исследовании межэтнических отношений на его территории. Е. А. Маркова пишет о данных, полученных ею в 2009 г. в ходе социологического исследования в 16 муниципальных образованиях края. При ответе на вопрос: «Если существуют проблемы, связанные с взаимоотношением национальностей, то с какими национальностями они связаны?», респонденты выделили несколько конфликтных групп. В частности, ими были названы уроженцы Кавказа (30,4%), Китая

¹ Бильтрикова А. В., Жалсанова В. Г., Бреславский А. С. Социально-экономическая ситуация и межнациональные отношения в Республике Бурятия // Журнал «Социодинамика», ООО NB-Медиа. М., 2017. № 9. С. 38-45. [Электронный ресурс]. URL: http://e-notabene.ru/pr/article_24180.html (Дата обращения: 08.08.2018).

(39,3%), буряты (11,2%)¹. Если напряженные отношения с выходцами из Кавказских республик или из Китая мы можем объяснить миграцией и возникающими отсюда проблемами с конкуренцией за рабочие места, за места в детских садах и школах, угрозой этнополитической стабильности пр., то проблемы, возникающие с бурятами — коренными обитателями Забайкалья вызывают недоумение и настороженность.

Социологический опрос на тему «Межэтнические отношения в Забайкальском крае», проведенный А. Янковым спустя несколько лет, на которое ссылается в своей статье А. Будько, показывает еще более сложную картину. На вопрос: «Как вы считаете, тот факт, что в России живут люди многих национальностей, приносит ей в целом больше пользы или больше вреда?» В пользу этого тезиса уверены только 22,5% забайкальцев. Вредным подобное положение вещей считают 38,1% забайкальцев². Такое же количество с ответом затруднились, что может позволить сделать вывод о негативном в целом отношении забайкальцев к российской многонациональности. Настороженное отношение к трудовым мигрантам продемонстрировали 43,8% опрошенных. Более 60% высказались о том, что межнациональных конфликтов в регионе нет³.

В результате проведенного нами исследования можно выделить ряд факторов, сохраняющих и усиливающих ксенофобские настроения, в целом ухудшающие межэтнические отношения в регионе.

1) Сложная социально-экономическая ситуация в регионе, отражаясь на социальном самочувствии людей, порождает поиск виноватых в существующем положении вещей, что может приводить к обострению, в той или иной форме, указанных отношений.

2) Настроения ксенофобии усиливаются в периодах, предшествующих выборам, что явно демонстрирует использование по-

¹ Маркова Е. А. Межэтническая ситуация в Забайкальском крае // Современные наукоемкие технологии. 2010. № 2. С. 125-125. [Электронный ресурс]. URL: <http://top-technologies.ru/ru/article/view?id=24521>. (дата обращения: 13.08.2018).

² Будько А. Наши наци / Эффект // Газета о жизни Забайкалья. №17, 30.04.2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://gazetaeffekt.ru/?pageid=news&idnews=1527> (дата обращения: 13.08.2018).

³ Там же.

литтехнологий различными партиями, общественными объединениями и отдельными лидерами. Следовательно, теме межэтнических отношений придается намеренно политический характер, оттягивающий внимание населения от более насущных задач региона и страны в целом.

3) СМИ используют тематику межэтнических отношений, ксенофобию, присущую человеку, как средство привлечения внимания аудитории. В результате ими уделяется чрезмерно большое внимание различным конфликтам, имеющим бытовую, криминальную или коррупционную подоплеку, причем усиливается именно факт этнической принадлежности участников.

4) Пропаганда насилия и агрессии со стороны СМИ, формирующая негативные стереотипы, предрассудки, мифы о различных этнических общностях, как враждебных россиянам. Обратите внимание: «Как четыре таджика сибирскую братву расстреляли»; «Вырубят всю Бурятию к чертям»: жители района не пустили китайцев в лес¹) и пр. В комментариях к подобным публикациям мы и встречаем полные ксенофобской и расовой нетерпимости высказывания: «Сегодня все Русские патриоты должны дать отпор кавказцам и продажным антинародным властям... Мы должны показать наше единство и готовность бороться везде и всегда за каждого Русского²». Подобные публикации можно отнести к призывам к объединению и принятию решительных мер по борьбе с представителями «иных» народов, приехавших в регион на постоянное место жительства, либо на заработки.

5) Несовершенство правоприменительной практики в части реагирования и адекватной оценки проявлений ксенофобии, межэтнической вражды, что мы наблюдали в ходе развития конфликта в

¹ «Вырубят всю Бурятию к чертям»: жители района не пустили китайцев в лес. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/accidents/2414216.html> (дата обращения: 17.07.2018).

² Юрий Попов. Погром азербайджанцев в Харагуне: как и почему это было//Русская народная линия — информационно-аналитическая служба. Православие. Самодержавие. Народность. [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2006/07/07/pogrom_azerbajdzhancev_v_haragune_kak_i_pochemu_e_to_bylo/ (дата обращения: 12.07.2018).

Харагуне. Зачастую и сами представители правоохранительных органов оказываются подверженными ксенофобии.

6) Использование дешевого труда незаконных мигрантов, влекущее нездоровую конкуренцию на рынке труда, лишаящее мигрантов возможности адаптации и полноценного внедрения в местное сообщество.

7) Отсутствие систематической воспитательной работы с молодежью по формированию патриотизма, интернационализма, нравственного и толерантного отношения к людям вне зависимости от их этнической, религиозной, социальной принадлежности. Мы должны согласиться с тем фактом, что современная система образования оказалась чрезмерно загружена работой по составлению документации, отчетности, лишена четких ориентиров в приоритетах своей деятельности. Вынужденное зарабатывание средств к собственному существованию ввиду недостаточного финансирования, стресс государственных аккредитаций и проверок вытесняют воспитательную работу на периферию деятельности образовательных учреждений.

8) Отсутствие на современном этапе четко выраженной государственной идеологии, нацеленной на формирование единой нации — россияне, скорректированной с учетом ошибок прошлого.

Именно эти факторы приводят к появлению угроз, дестабилизирующих жизнь региона. Растет неоднородность общества в этнокультурном плане (для создания чувства национального единства всех этносов, проживающих на единой территории, должно пройти немало лет при усиленном внимании со стороны государства), по уровню образования (зачастую переселенцы из других регионов обладают минимальным уровнем образования, что затрудняет полноценное общение с местными жителями), по материальному достатку (мигранты, попавшие в полную зависимость от этнического криминалитета, способствуют резкому обогащению его верхушки), ведет к возникновению неприязни к мигрантам, как внутренним, так и внешним. Дешевый труд мигрантов лишает стимулов к интенсивному развитию региона, увеличению заработной платы, улучшению качества жизни. Происходит перенапряжение системы социального обеспечения, медицины и образования, коммунального хозяйства. Возникает угроза безопасности

Раздел 7

Международная безопасность в условиях глобализации

В XX веке после двух мировых войн человечество искало пути сохранения безопасности стран. Была создана ООН, принят ее Устав, который на протяжении многих лет был наиболее авторитетным источником международного права, регулирующего проблему безопасности. После принятия Устава ООН документами, раскрывающими содержание принципов современного международного права, являются Декларации о принципах международного права и Декларация о принципах, которых придерживаются участники¹ в регламентации и регулировании международных отношений. При толковании и применении принципов международного права важно помнить, что все они взаимосвязаны, и каждый из них должен рассматриваться в контексте других принципов.

Ранее исследования безопасности проводились в рамках отдельных научных дисциплин: личная безопасность, экологическая безопасность, продовольственная безопасность и др. Мы постараемся провести культурно — исторический, логический и социально-философский анализ основных дефиниций, раскрывающих существенные признаки понятий «безопасность», «международная безопасность» и др. Слово «безопасность» на сегодняшний день широко используемо, однако из-за многоаспектности проблемы трудно сформулировать его общую всестороннюю дефиницию. На сегодня нет обобщенной формулировки понятия «безопасность», которое должно отразить его сущность. Кто-то определяет ее через отрицание, как отсутствие опасности, кто-то как «состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз».

Что касается международной безопасности, то в общем виде она определяется В. С. Хомяковой как система экономических, политических, социальных, экологических, юридических, техно-

¹ Декларация о принципах международного права; Декларация и Программа действий, принятых на Всемирной конференции против расизма и ксенофобии, состоявшейся в Дурбане в 2001 г.

В Конституции Российской Федерации проблемы государственной безопасности относятся к исключительному ведению Российской Федерации. Важнейшие направления государственной политики Российской Федерации сформулированы в Концепции международной безопасности Российской Федерации.

Закон РФ «О безопасности» 1992 года дает следующее определение: «безопасность — это состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз». Жизненно важные интересы определяются как совокупность потребностей, удовлетворение которых надежно обеспечивает существование и возможности прогрессивного развития личности, общества и государства¹.

К основным объектам безопасности относятся личность, общество и государство: личность — ее права и свободы; общество — его материальные и духовные ценности; государство — его конституционный строй, суверенитет и территориальная целостность. Основным объектом безопасности и субъектом обеспечения международной безопасности является государство. Его главной функцией является обеспечение международной безопасности, именно с этой целью и создавались первые государства. Юридические и социальные науки исследуют различные аспекты личной и международной безопасности и разрабатывают эффективные механизмы управления и координации деятельности политических сил и общественных групп, а также других политических институтов.

Изучая безопасность в рамках социальных наук, многие исследователи значительное внимание уделяют международной безопасности, считая ее составной частью национальной безопасности, включающую политическую, экономическую, финансовую, продовольственную, информационную, этнокультурную безопасность. Социально содержательная составляющая международной безопасности достаточно широка, и предстает в трех формах: социальная цель, социальная норма и социальное состояние.

¹ Закон РФ «О безопасности». Москва, 1992. [Электронный ресурс]. URL: <http://kpfu.ru> (дата обращения 21.10.2018 г.).

В условиях глобализации геополитика, обсуждая вопросы империализма, фиксирует переход от «национальных» империй к сверхнациональным, пространственно связанным, политическим и хозяйственно-экономическим целостностям. Она планировала и создавала такие большие пространства на макроэкономических, макрогеографических, стратегических и цивилизационных основаниях. История показывает, что геополитики были правы, предполагая в «больших пространствах», «больших формах жизни», «большой игре» основные величины мировой политики.

В связи с этим получает развитие философия безопасности (Н. Н. Рыбалкин, В. С. Поликарпов¹ и др.), изучающая проблемы безопасности современной цивилизации, процесс развития которой происходит в условиях создания больших пространств. Зарождение нового направления философского знания и активность исследований в данной области обусловлены поиском путей и способов выживания человечества. М. С. Алешенков предлагает рассматривать секьюритологию как междисциплинарную науку, созданную в Московской академии Комплексной Безопасности Предпринимательства².

Международная безопасность — это система международных отношений, основанная на соблюдении всеми государствами общепризнанных принципов и норм международного права, исключающая решение спорных вопросов и разногласий между ними с помощью силы или угрозы. Принципы международной безопасности предусматривают: утверждение мирного сосуществования в качестве универсального принципа межгосударственных отношений; обеспечение равной безопасности для всех государств; создание действенных гарантий в военной, политической, экономической и гуманитарной областях — недопущение гонки вооружений в космосе, прекращение всех испытаний ядерного оружия и полная его ликвидация; роспуск военных группировок; безусловное

¹ Рыбалкин Н. Н. Философия безопасности: монография. [2 изд., испр. и доп.]. М.: ОЛМА-Пресс, 2002. 252 с.; Поликарпов В. С. Збигнев Бжезинский: Сделать Россию пешкой. М., 2005. 237 с.

² Алешенков М. С. Комплексные угрозы российскому обществу XXI века: онтологические и методологические основы прогнозирования: дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д., 2004. 310 с.

уважение суверенных прав каждого народа; справедливое политическое урегулирование международных кризисов и региональных конфликтов; укрепление доверия между государствами; выработка эффективных методов предотвращения международного терроризма; искоренение геноцида, апартеида, проповеди фашизма; исключение из международной практики всех форм дискриминации, отказ от экономических блокад и санкций (без рекомендаций мирового сообщества); установление нового экономического порядка, обеспечивающего равную экономическую безопасность всех государств. Неотъемлемая часть международной безопасности — действенное функционирование закрепленного Уставом ООН механизма коллективной безопасности.

Возрастающая экономическая, политическая и социокультурная взаимозависимость государств является общепризнанным проявлением глобализации. Как рассмотрено нами в работе¹ с точки зрения международной безопасности России весьма важным представляется как внутренние, так и внешние международные отношения: внутренние — с точки зрения целостности страны, благополучия народов, проживающих в данном регионе, внешние — с точки зрения конструктивного сотрудничества и добрососедства. В условиях глобализации, транснационализации экономики, а также религиозных и общественных организаций, коммерциализации всех сфер жизнедеятельности общества становится реальной угрозой экономической, финансовой и экологической безопасности стран.

В условиях глобализации и транснационализации усиливается конфликт интересов гроссраумов и проблемы международной безопасности стран. Важным представляется решение исследуемой проблемы с точки зрения синергетического подхода и принципа зависимости стран как субъектов геополитического взаимодействия.

С точки зрения международной безопасности России весьма важным представляются как внутренние, так и внешние международ-

¹ Сандакова Л. Г., Дарибазарон Э. Ч. Конфликт интересов гроссраумов и проблемы международной безопасности Байкальского региона в условиях глобализации и транснационализации // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. М., 2017. Т. 6. № 4. С. 205-213.

ные отношения: внутренние — с точки зрения целостности страны, благополучия народов, проживающих в данном регионе, внешние — с точки зрения конструктивного сотрудничества и добрососедства. В условиях глобализации, транснационализации экономики, а также религиозных и общественных организаций, коммерциализации всех сфер жизнедеятельности общества становится реальной угрозой экономической, финансовой и экологической безопасности. В условиях глобализации геополитика, обсуждая вопросы империализма, постулирует переход от «международных» империй к сверхнациональным, пространственно связанным, политическим и хозяйственно-экономическим целостностям. Именно эти транснациональные гроссраумы выступают опорными структурами миропорядка в менее структурированных пространствах. В основе построения большого пространства лежит противоречие между интересами государства как географического пространства с его населением и территорией и идеей проникнутого единым политическим заданием гроссраума, в котором государства и народы должны жертвовать своим суверенитетом в пользу коллективного суверенитета.

Очевидно, что в решении данного противоречия, принцип золотой середины может позволить найти тот оптимальный баланс, когда страна, не утрачивая своего суверенитета, может чувствовать себя вполне уверено и безопасно в «большом пространстве». В перспективе мы хотим разработать ряд сбалансированных, сдерживающих деструктивные процессы глобализации и транснационализации, моделей, механизмов и рекомендаций. Комплексный характер геополитических процессов требует многофакторного и комплексного анализа и некоторого синтеза. Тренд синтеза гроссраумов предсказывался многими философами (ноосферное общество, общество Коллективного Разума, сетевое общество и пр.), поэтому задача выявления трендов эпохи глобализации является социально-философской проблемой, требующей своего внимания. Прежде всего, в контексте международной безопасности и целостности нашей страны.

Международная безопасность предстает одним из значимых факторов развития и сохранения порядка в мире, поскольку, так как составляет его необходимое условие и повышает его устойчи-

В заключении, хотелось бы отметить, что исследовательская проблема, освещенная нами, будет разрабатываться и дальше. В перспективе мы хотим разработать ряд сбалансированных, сдерживающих деструктивные процессы глобализации и транснационализации, моделей, механизмов и рекомендаций, основанные на идее взаимосвязанности и взаимозависимости. Комплексный характер геополитических процессов требует многофакторного и комплексного анализа и некоторого синтеза. Тренд синтеза гроссраумов предсказывался многими философами (ноосферное общество, общество Коллективного Разума, сетевое общество и пр.), поэтому задача выявления квинтэссенции эпохи глобализации является социально-философской проблемой, требующей своего внимания.

Заключение

В начале XXI века проблема национальной безопасности для нашей страны — одна из самых сложных и имеющая определяющее значение. Совершенно другими стали условия жизни и развития в стране и мире, соответственно другими стали и угрозы, под которыми находимся мы, поэтому изменяются и задачи по их быстрому и своевременному выявлению, профилактике и предупреждению. Формирование отношения к данным задачам и их решение и составляет суть настоящего коллективного труда. Для авторов имело важнейшее значение изучить, осмыслить и понять феномен безопасности, выявить его структурные элементы, наметить оптимальный путь обеспечения безопасности. Перед авторами стояла задача социально-философского осмысления проблемы информационной безопасности, информационной реальности, межконфессиональных межкультурных отношений, коррупции, гражданского общества, международной безопасности. Именно эти аспекты на взгляд авторов монографии имеют большое значение для национальной безопасности и наименее всего исследованы учеными.

В итоге исследователи пришли к выводу, что необходимо заострить внимание общественности на существующих проблемах. Ведь обеспечение безопасности — это важнейшая составляющая любого общества. Тем более для российского общества, которое переживает как модернизацию, так и системный кризис.

Сегодня мы становимся свидетелями возникновения совершенно новых угроз национальной безопасности. В условиях развития сферы информации, информационного общества и информационной реальности весьма актуальна проблема информационной безопасности. Данный вид безопасности призван обеспечить защиту информационного пространства, что включает в себя доступность всех к информационным ресурсам и технологиям. Одним из важ-

ных условий информационной безопасности составляет необходимость обязательного учета общечеловеческих ценностей, интересов каждого субъекта, поскольку несоблюдение может привести к информационным войнам, возникновению элементов информационного терроризма, отчуждению человека, напряженности в мире.

Еще одной новой угрозой сегодня на рубеже веков становится религиозный фактор, а точнее межконфессиональные отношения, которые при небольшом толчке могут привести к межконфессиональным конфликтам, длительным и кровопролитным. Ведь целостность государства во многом зависит от духовно-религиозной составляющей. Российское государство на протяжении своего культурно-исторического существования выработало фундаментальные принципы, закрепленные в традициях, обычаях, религиозных верованиях, моральных нормах. Тем более когда, процессы глобализации, религиозного экстремизма создают новые угрозы самобытности и целостности российского поликонфессионального общества. Для России межконфессиональные отношения могут быть и как фактором стабилизирующим, так и фактором дестабилизирующим, поэтому чтобы межконфессиональные отношения не приобрели негативный, разрушающий характер национального самосознания следует усиливать государственную регуляцию данных отношений.

К проблеме межконфессиональных отношений очень близка тема межкультурного взаимодействия. Проблема взаимодействия культур достаточно пристально и подробно изучается исследователями. Глобализация дала новые возможности для встреч и взаимодействия культур, расширение горизонта межкультурного дискурса. Без учета особенностей проявления, формирования культур в местах локального проживания трудно, на наш взгляд, проблематично создать культурное единство. Авторы считают, что говоря словами Нобелевского лауреата К. Гэлбрейта, каждая культура «должна быть услышана», очевидно, что положительное взаимодействие невозможно без социокультурного общения. Это означает воспитание культурной восприимчивости, верной и адекватной интерпретации знаков и символов другой культуры.

Межконфессиональные и межкультурные взаимодействия составляют единый фронт рисков для духовной безопасности, кото-

рые возникли в результате утраты идеологии, критике традиционных ценностей, что привело к появлению в России нетрадиционных религиозных движений, религиозных экстремистских организаций, росту межэтнической напряженности.

Если в начале 90-х годов прошлого века указанные процессы были спонтанными, то уже в начале 2000-х увеличивающиеся угрозы в информационной и духовной сфере осознаются государством и обществом. Это показывает и увеличение количества исследований данной проблематики, и данная работа тому подтверждение.

Реальной угрозой обществу сегодня стала коррупция, масштаб и размеры которой поистине поражают. Эта угроза актуальна потому, что коррупция сигнализирует о разложении власти, что может привести к необратимым социальным последствиям. По существу коррупция — это результат падения уровня нравственности, поэтому ужесточение закона одна из мер, наряду с этим нужно менять и моральную атмосферу. Ведь коррупция — это уже сложившаяся система, поэтому авторы видят необходимость изучения этого феномена, ее сущностных черт и условий, которые способствуют ее возникновению.

Возможно, именно формирование гражданского общества и его институтов может стать инструментом борьбы с коррупцией, условием цивилизованной жизни для людей самых разных социальных слоев, культуры, вероисповеданий. Свободное существование институтов гражданского общества — это важное условие правового государства, коим и стремится стать Российская Федерация. Тем более, что сегодня усиливается актуальность темы международной безопасности, которая испытывает трансформацию: происходит изменение соотношения сил, меняется характер, возникают новые типы поведения. В условиях, когда государство в одиночку не может обеспечить свою безопасность, когда в нем присутствуют очаги напряженности межкультурной или межконфессиональной, коррупционной составляющей международная безопасность становится всеобщей. Международная безопасность — это не только совместные международные действия, но и действия субъектов в соответствии с разумом.

Литература

1. Абдеев Р. Ф. *Философия информационной цивилизации* / Р. Ф. Абдеев. — Москва : ВЛАДОС. 1994.
2. Абрамов А. П. Коррупция в контексте российских реформ: основные подходы к изучению / А. П. Абрамов, Е. Г. Каменский, А. В. Месропян // *Вестник Одесского национального университета*. Одесса. 2011. Т. 16. Вып. 10. Социология и политические науки. С. 135.
3. Александров Р. А. Государственно-правовое противодействие наркобизнесу в контексте генезиса и эволюции системы национальной безопасности России (опыт ретроспективного анализа и теоретико-правового моделирования : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук / Р. А. Александров. Санкт-Петербург. 2007.
4. Алексенцев А. И. Сущность и соотношение понятий «защита информации», «безопасность информации», «информационная безопасность» / А. И. Алексенцев // *Безопасность информационных технологий*. 1999. № 1. С. 16 -20.
5. Андюсев Б. Е. К вопросу о предмете и аспектах методологии *научного исследования* сибирского характера / Б. Е. Андюсев // *Сибирский субэтнос: культура, традиции, ментальность*. — Красноярск. 2011. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sib-subethnos.narod.ru/index.html> (Дата обращения: 24.08.2018).
6. Аристотель. *Политика* / Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4. Москва : Мысль. 1983.
7. Арнольд А. И. *Цивилизация грядущего столетия (Культурологические размышления)* / А. И. Арнольд. — Москва : Грааль. 1997. 328 с.
8. Артамонова Я. С. Информационная безопасность и информационные коммуникации / Я. С. Артамонова, П. А. Артамонов // *T-Comm — Телекоммуникации и Транспорт*. 2012. № 4. С. 69-70.
9. Арто А. *Театр жестокости* / А. Арто // *Театр и его двойник*. — Москва. 1993. 256 с.
10. Арутюнян И. В. *Этносоциология* / И. В. Арутюнян, Л. М. Дробижева, А. А. Сусоколов. Москва. 1998.
11. Асаул А. Н. *Организация предпринимательской деятельности* / А. Н. Асаул. Санкт-Петербург : АНО ИПЭВ. 2009.
12. Асмус В. Ф. Диалектика необходимости и свободы в философии истории Гегеля / В. Ф. Асмус // *Вопросы философии*. — 1995. № 1.
13. Астанин В. В. Имплементация норм против коррупции в частноправовой сфере в современной России / В. В. Астанин // *Российская юстиция*. 2014. № 3.
14. Астахова Л. В. *Информационная безопасность: герменевтический подход: монография* / Л. В. Астахова. Москва : РАН, 2010. С. 22-86.
15. Атаманов Г. А. *Информационная безопасность в современном Российском обществе (социально-философский аспект): автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук*. Волгоград, 2006.

16. Атаманов Г. А. Информационная безопасность: сущность и содержание / Г. А. Атаманов // Бизнес и безопасность в России. 2007. № 47. С. 106-109.
17. Багаева К. А. Государственно-религиозные отношения в российском обществе : монография / К. А. Багаева. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета. 2018. 150 с.
18. Багаева К. А. Динамика государственно-исламских отношений в условиях трансформации российского общества К. А. Багаева // Евразийство и мир. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета. 2017. № 2. С. 66-75.
19. Багаева К. А. Концептуальные основы десекуляризации в России / К. А. Багаева // Вестник Бурятского государственного университета. Улан-Удэ. 2017. Вып. 2. С. 29-36.
20. Багдасарьян Н. Г. Виртуальная реальность: попытка типологизации / Н. Г. Багдасарьян, В. Л. Силаева // Философские науки. 2005. № 6. С. 39–58.
21. Барковский Г. Ф. Антикоррупционная правовая политика : концептуальные основания / Г. Ф. Барковский // Российская антикоррупционная политика : Сборник докладов пленарного заседания Международной научно-практической конференции. (Ростов-на-Дону, 4–5 июня 2009 г.). Ростов-на-Дону. 2009.
22. Батай Ж. Внутренний Опыт / Ж. Батай. — Санкт-Петербург : Аxiоma / Мифрил. 1997. 336 с.
23. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования / Д. Белл: пер. с англ. ред. и вступ. статья В. Л. Иноземцева. Москва : Academia. 1999. 956с.
24. Бергсон А. Творческая эволюция / А. Бергсон. Москва : Terra-Книжный клуб. 2001. 384 с.
25. Бердяев Н. А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии / Н. А. Бердяев. Берлин: Обелиск, 1923. 246 с.
26. Бильтрикова А. В. Социально-экономическая ситуация и межнациональные отношения в Республике Бурятия / А. В. Бильтрикова, В. Г. Жалсанова, А. С. Бреславский // Журнал «Социодинамика», ООО NB-Медиа. Москва. 2017. № 9. С.38-45. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://e-notabene.ru/pr/article_24180.html (Дата обращения: 08.08.2018).
27. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры [Электронный ресурс] / Ж. Бодрийяр. — Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/obshchestvo-obshchestvo-potrebleniya-read-88332-1.html> (дата обращения: 11.09.2017).
28. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция [Электронный ресурс] / Ж. Бодрийяр. — Режим доступа: http://lit.lib.ru/k/kachalow_a/simulacres_et_simulation.shtml (дата обращения 21.03.2016).
29. Болот Батожаргалов — Новости: Оскорбление бурятки на рынке иногородним продавцом вылилось в публичный скандал [Электронный ресурс] Режим доступа <http://gazeta-n1.ru/news/49397/>. (Дата обращения: 23.07.2018).
30. Бородакий Ю. В. Кибербезопасность как основной фактор национальной и международной безопасности XXI века / Ю. В. Бородакий, А. Ю. Добродеев, И. В. Бутусов // Вопросы кибербезопасности. 2013. № 1. [Электронный

- ресурс]. Режим доступа: URL: http://s3r.ru/2013/12/voprosy-i-berbezopasnosti/sybersecurity_issues_2013_1 (дата обращения: 16.04.2014).
31. Бороноева Д. Ц. Опыт этнокультурного исследования структур повседневности бурят Внутренней Монголии КНР / Д. Ц. Бороноева // Феноменология традиционности и современности: сборник статей. Улан-Удэ. 2001.
 32. Бороноева Д. Ц. Специфика образа этнической самоидентификации бурят Внутренней Монголии КНР / Д. Ц. Бороноева // Феноменология традиционности и современности. Улан-Удэ. 2001. С. 96-111.
 33. Будаева Ц. Судьба бурятской нации будет зависеть от трех факторов / Ц. Будаева // Информационное агентство БМК [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.baikal-media.ru/news/interview/79873/> (Дата обращения: 08.08.2018).
 34. Будько А. Наши наци / Эффект // Газета о жизни Забайкалья. №17, 30.04.2014. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gazetaeffekt.ru/?pageid=news&idnews=1527> (Дата обращения: 13.08.2018).
 35. Бураева О. В. Межкультурное взаимодействие этносов Байкальского региона: XVII– начало XX в.: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук / О. В. Бураева. Улан-Удэ, 2005.
 36. Бурдуковская М. М, Бадмаева М. В. Гражданин и общество: новые условия диалога // Вестник Бурятского государственного университета. Серия Философия, социология, политология, культурология. Выпуск 14/1. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета. 2014. С. 91-95
 37. Бухарин С. Н. Методы и технологии информационных войн / С. Н. Бухарин. Москва : Академический проект, 2007. 384 с.
 38. Валла Л. Об истинном и ложном благе. О свободе воли / Л. Валла. Москва : Наука, 1989.
 39. Васенин В. А. Информационная безопасность и компьютерный терроризм / В. А. Васенин // Научные и методологические проблемы информационной безопасности. Москва : МЦНМО, 2004.
 40. Василенко И. А. Геополитика современного мира / И. А. Василенко. Москва : Гардарики. 2006.
 41. Ващекин Н. П. Цивилизация и Россия на пути к устойчивому развитию: проблемы и перспективы / Н. П. Ващекин, В. А. Лось, А. Д. Урсул. Москва : МГУК, 1999.
 42. Вернадский В. И. Несколько слов о ноосфере / В. И. Вернадский // Ноосферные исследования. 2013. Вып. 1(3). С. 6-17.
 43. Ветров К. В. Информационная политика и информационная реальность / К. В. Ветров // Информационное общество. 2002. Вып. 1. С. 43–49.
 44. Винокуров М. А. Промышленный потенциал Иркутской области / М. А. Винокуров, А. П. Суходолов // «Экономика Иркутской области» (1999) [Электронный ресурс]. URL: http://irkipedia.ru/content/promyshlennyy_potencial_irkutskoy_oblasti_vinokurov_v_ma_suhodolov_ap_ekonomika_irkutskoy (дата обращения: 25.06.2018).

45. Возжеников А. В. Основные концептуальные положения национальной безопасности России в XXI веке / А. В. Возжеников, И. Н. Глебов, В. А. Золотарев. Москва : Эдаспак, 2000. 48 с.
46. Возжеников А. В. Государственное управление и национальная безопасность России / А. В. Возжеников, А. А. Прохожее. Москва: РАГС, 2001.
47. Войскунский А. Е. Информационная безопасность: психологические аспекты / А. Е. Войскунский // Национальный психологический журнал. 2010. № 1(3).
48. Воронин О. Л. Иммиграционная ситуация в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке: данные социально-психологического исследования / О. Л. Воронин, А. В. Воронина // «Мост через Амур». Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке. Сборник материалов международного исследовательского семинара / Под ред. В. И. Дятлова, англ. пер. О. А. Бакшеевой. Москва, Иркутск: Наталис, 2004. С. 213-224.
49. Воронов А. М. Институты гражданского общества в не государственной системе обеспечения национальной безопасности современной России / А. М. Воронов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып.35.
50. Восприятие гражданами своих социальных и политических прав, условий и реализации, роли гражданского общества в их обеспечении, а также мер по поддержке гражданского общества // Социологический атлас. Сер. 1. Вып. 1. ФОМ, 2007. [Электронный ресурс]. Режим доступа <http://fom.ru> (дата обращения: 15.09.18)
51. Вудвортс Р. Contemporary schools of psychology, L. 1964. Экспериментальная психология. Москва : Изд-во иностранной литературы. 1950. 798 с.
52. «Вырубят всю Бурятию к чертям»: жители района не пустили китайцев в лес. [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/news/accidents/2414216.html> (Дата обращения: 17.07.2018).
53. Гаджиев К. С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования / К. С. Гаджиев // Вопросы философии. 1991. №7. С. 30-45.
54. Гайкович В. Ю. Основы безопасности информационных технологий [Электронный ресурс] / В. Ю. Гайкович, Д. В. Ершов. URL: www.twirpx.com (дата обращения: 26.05.2010).
55. Гоббс Т. Левиафан / Т. Гоббс. Москва : Мысль, 2001. С. 396.
56. Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. / Т. Гоббс. Москва : Мысль, 1991. Т.2. 736 с.
57. Гончаров В. В. Межэтническое согласие основных этносов Республики Бурятия / В. В. Гончаров, И. З. Чимитова // Журнал «Социодинамика», ООО NB-Медиа. Москва. 2018. № 7. С. 9-16. [Электронный ресурс]. URL: https://author.nbpublish.com/pr/article_25388.html (Дата обращения: 08.08.2018).
58. Горев А. И. Информационный терроризм: современное состояние [электронный ресурс] / А. И. Горев // Вопросы комплексной безопасности и противодействия терроризму. URL: http://zhenilo.narod.ru/main/ips/2005_safety_and_terrorism_counteraction.pdf (дата обращения: 07.02.2018).

59. Горный М. Б. Стратегии противодействия коррупции : роль институтов гражданского общества / М. Б. Горный // Технологии противодействия коррупции. Методическое пособие / под ред. М. Б. Горного. Санкт-Петербург : Норма, 2014.
60. Гостищев А. К. К вопросу о перманентности отчуждения / А. К. Гостищев // Отчуждение как социокультурный феномен: тезисы докладов Всесоюзной научно-практической конференции, 16-18 апреля 1991 г. Симферополь; Киев. С. 35–41.
61. Градировский С. Поликонфессиональность как ресурс и как угроза процессу формирования гражданского общества в России / С. Градировский // Гражданское общество в многонациональных и поликонфессиональных регионах: материалы конференции: Казань, 2–3 июня 2004 г. / под ред. А. Малащенко; Моск. Центр Карнеги. Москва : Гендальф. 2005.
62. Градосельская Г. Российское гражданское общество: реконструкция по результатам крупномасштабных опросов / Г. Градосельская, Е. Петренко // Гражданское общество современной России. Социологические зарисовки с натуры. Москва. 2008.
63. Гражданское общество, правовое государство и право («Круглый стол» журналов «Государство и право» и «Вопросы философии») // Вопросы философии. 2002. № 1.
64. Грачев Г. В. Информационно-психологическая безопасность личности: состояние и возможности психологической защиты / Г. В. Грачев. Москва : РАГС, 1998. 125 с.
65. Грибин Н. П. Концептуальные основы национальной безопасности Российской Федерации : монография / Н. П. Грибин, А. В. Диденко. Москва. 2010.
66. Григоренко Д. Е. Адекватность концепции управления обществом его культуре и цивилизации: монография / Д. Е. Григоренко. — Красноярск: Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т. 2007. 160 с.
67. Григоренко Д. Е. Естествоповелительность и автономная свобода / Д. Е. Григоренко // Теория и история. — 2014. № 1.
68. Гриняев С. Н. Информационное противоборство в современную эпоху [Электронный ресурс] / С. Н. Гриняев. Режим доступа: URL: <http://psyfactor.org> (дата обращения: 19.06.2014).
69. Гриняев С. Н. Поле битвы — киберпространство: теория, приемы, средства, методы и системы ведения информационной войны / С. Н. Гриняев. Минск: Харвест, 2004. 448 с.
70. Гришина К. В. Вопросы социально-психологического обеспечения деятельности комплексных систем защиты информации / К. В. Гришина, Е. В. Морозова // Безопасность информационных технологий. 1997. № 1. С. 12-17.
71. Гроций Г. О праве войны и мира/ Г. Гроций. Москва : Ладомир. 1994.
72. Грязнова Е. В. Виртуальная реальность: анализ смысловых элементов понятия / Е. В. Грязнова // Философские науки. — 2005. № 2. С. 125–143
73. Гунич С. В. Конституционно-правовые аспекты определения сил обеспечения национальной безопасности Российской Федерации / С. В. Гунич // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 6.

74. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая. Общее введение в чистую феноменологию / Э. Гуссерль. Москва : Академический Проект. 2009. 489 с.
75. Давыдов Ю. Бегство от свободы. Философское мифотворчество и литературный авангард / Ю. Давыдов. — Москва. 1996. 365 с.
76. Дацышен В. Г. Гастарбайтеры на востоке России: масштабы явления, перспективы и проблемы / В. Г. Дацышен // «Мост через Амур». Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке. Сборник материалов международного исследовательского семинара / Под ред. В.И. Дятлова, англ. пер. О.А. Бакшеевой. Москва, Иркутск: Наталис. 2004.
77. Дебор Г. Общество спектакля / Г. Дебор. Москва : Логос. 2000. 184 с.
78. Декларация принципов толерантности. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tolerance.ru/toler-deklaraciya.php> (Дата обращения: 18.06.2018).
79. Делез Ж. Различие и повторение» / Ж. Делез. Санкт-Петербург : ТОО ТК Петрополис, 1998. 384 с.
80. Дементьев В. Е. Роль гражданского общества и его институтов в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. Москва. 2011. С.17-20.
81. Денисова А. Б. Влияние информационной реальности на человека [Электронный ресурс] / А. Б. Денисова, В. Г. Сенюшина // Современные проблемы науки и образования. — 2012. № 6. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7792> (дата обращения: 23.02.2016).
82. Дзлиев М. И. Проблемы безопасности: теоретико-методологические аспекты / М. И. Дзлиев, А. Л. Романович, А. Д. Урсул. Москва : МГУК. 2001. 192 с.
83. Дзлиев М. И. Общество и насилие: от «традиционного» терроризма к информационному / М. И. Дзлиев // Информационные ресурсы России. 2002. № 1/2. С. 29–33.
84. Дмитрук М. А. Информационный терроризм / М. А. Дмитрук // Русский дом. 2003. № 3. С. 48–49.
85. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год // Российская газета. 2016. 24 марта.
86. Доктрина информационной безопасности РФ // Российская газета 2000. 28 сент.
87. Доктрина информационной безопасности РФ [Электронный ресурс] / Совет безопасности РФ. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/5.html> (дата обращения: 25.10.2013)
88. Дубовиченко С. В. Коррупция как форма социального паразитизма / С. В. Дубовиченко // Организованная преступность и коррупция: результаты криминологического-социологических исследований. Саратов: Сателлит. 2010. Вып. 5.
89. Елаев А. А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение / А. А. Елаев. Москва. 2000. 352 с.

90. Ершов Д. А. Информационная безопасность личности как цель социально-педагогической деятельности [Электронный ресурс] / Д. А. Ершов. URL: <http://scireople.ru/group/125/topic/196> (дата обращения: 19.08.2014).
91. Жалованная Грамота Великого Князя Василия III немцам, живущим по реке Обь, о принятии их в подданство России 1525 года, апреля 2 — ЦГАДА, ф. 159. Приказные дела новой разборки, оп. 2. № 2338. л. 6—8 (список 1682 г.)
92. Журавлев А. Л. Психологические факторы коррупции / А. Л. Журавлев, А. В. Юревич // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1. С. 11.
93. Забайкальский рабочий. 15 сентября 2005 г.
94. Заплатинский В. М. Терминология науки о безопасности. Zbornik prispevkov z mednarodnej vedeckej konferencie «Bezpečnostna veda a bezpečnostne vzdelanie» / В. М. Заплатинский. — Liptovskij Mikulas : AOS v Liptovskom Mikulasi. 2006. 16 с.
95. Зеленков М. Ю. Религиозные конфликты: проблемы и пути их решения в начале XXI века (политико-правовой аспект) / М. Ю. Зеленков. Воронеж : Воронежский государственный университет. 2007. С. 156-222.
96. Зеленков М. Ю. Теоретико-методологические проблемы теории национальной безопасности Российской Федерации : монография / М. Ю. Зеленков. Москва : Юридический институт МИИТа. 2013. С. 5-32.
97. Зеленков М. Ю. Религиозные конфликты: проблемы и пути их решения в начале XXI века (политико-правовой аспект) / М. Ю. Зеленков. Воронеж : Воронежский государственный университет. 2007. С. 85-86.
98. Иванов Д. В. Виртуализация общества / Д. В. Иванов. Санкт-Петербург : Петербургское востоковеденье, 2002. С. 7-20.
99. Информационная безопасность. Актуальные проблемы безопасности социума. Москва : Оружие и технологии. 2009. 256 с.
100. Иншаков М. В. Обеспечение информационной безопасности России в условиях становления глобального информационного общества: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. Москва, 2007. 12 с.
101. Исаков А. Информационный терроризм / А. Исаков // Обозреватель-Observer. 2002. № 5/6. С. 79–84.
102. Кайберг Г. Вероятность и индуктивная логика / Г. Кайберг. Москва : Прогресс, 1978. 376 с.
103. Как Бурятия оказалась разделенной на несколько частей. Что стоит за 80-летним юбилеем Агинского и Усть-Ордынского округов — Азия. — 6 сентября 2017г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.infpol.ru/news/asia/134169-kak-buryatiya-okazalas-razdelennoy-na-neskolko-chastey/> (Дата обращения: 15.05.2018).
104. Как четыре таджика сибирскую братву расстреляли // Комсомольская правда. Иркутск, 21.10.2011. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.irk.kp.ru/daily/25774/2758307/> (Дата обращения: 03.05.2018).
105. Каламанов В. А. Национальная безопасность Российской Федерации и межнациональные конфликты (теоретико-правовой анализ): диссертация на со-

- искание ученой степени доктора юридических наук. Санкт-Петербург. 1999. С. 96.
106. Калашников В. Д. Субъективные факторы и объективные условия устойчивого развития общества: теория и история / В. Д. Калашников. Красноярск : Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т, 2003. 226 с.
 107. Калугина Г. Иркутская область: Реакция на изменения в миграционном законодательстве. [Электронный ресурс] / Г. Калугина // ИА «Фергана.Ру». URL: <http://subscribe.ru/archive/news.world.turkestan/200702/26092652.html> (дата обращения: 15.08.2018).
 108. Каменский Е. Г. Коррупционная культура : теоретико-концептуальный конструкт / Е. Г. Каменский // Вестник Института социологии. 2014. № 4 (11).
 109. Кампанелла Т. Город Солнца / Т. Кампанелла. — М., Л.: АН СССР, 1947. 168 с.; Мор Т. Утопия / Т. Мор. Москва : АН СССР. 1953. 302 с.
 110. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане / И. Кант. Москва : Наука, 1978. С. 340-379.
 111. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс: пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. Москва : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
 112. Касьянова Е. И. Социально-философские основания толерантности: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук / Е. И. Касьянова. Чита, 2009.
 113. Кашанина Т. В. Основы российского права: учебник / А. В. Кашанин, Т. В. Кашанина. Москва : ИНФРА-М-НОРМА, 1997.
 114. Клеандрова В. М. О некоторых особенностях положения народов в дореволюционной России / В. М. Клеандрова // Федеративное устройство России: история и современность. Москва, 1995.
 115. Клоссовски П. Симулякры Жоржа Батая / П. Клоссовски // Танатография Эроса: Жорж Батай и французская мысль XX века. Санкт-Петербург : Мифрил. 1994. С. 79–91.
 116. Козьменко В. М. Эволюция межнациональных отношений и национальной политики в СССР в 1920-х — 1991 г. / В. М. Козьменко, В. И. Цай // Вестник РУДН. История России. 2012. № 2.
 117. Колесников В. В. Коррупция как угроза национальной безопасности: о специфике криминологического подхода / В. В. Колесников, В. Н. Быков, О. А. Борисов // Криминологический журнал БГУЭП. 2007. № 3-4.
 118. Колин К. К. Информационная цивилизация / К. К. Колин. Москва : Институт проблем информатики РАН. 2001. С. 67-71.
 119. Концепция информационной безопасности Российской Федерации // Информационное общество. 1995. Вып. 6.
 120. Корягин В. В. Материальные и идеальные аспекты природы информации / В. В. Корягин // Вестник КемГУ. 2012. № 4 (52). Т.1. С. 246–249.
 121. Кочергин А. Н. Философия и глобальные проблемы / А. Н. Кочергин. Москва : РОУ. 1996.

122. Круг П. Дух закона и правда жизни // НГ-религии. 2007. 19 сентября. [Электронный ресурс] / П. Круг. Режим доступа (http://www.ng.ru/ng_religii/2007-09-19/6_duh.html) (дата обращения: 20.05.2018 г.).
123. Ксенофобия // Большая российская энциклопедия. Москва. 2010. Т.16.
124. Ксенофобия в молодежной среде: Доклад по результатам мониторинга / [А. Козлов и др.]. Москва : Московская Хельсинкская группа, 2009. 114 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.evartist.narod.ru/text26/0001.htm> (дата обращения: 24.08.2018).
125. «Круглый стол» «Гражданское общество в России» // Социологические исследования. 2007. № 1. С. 7–49.
126. Кузнецов В. Н. Российская идеология XXI века в обеспечении эффективности и безопасности динамично-устойчивого развития России [Электронный ресурс] / В. Н. Кузнецов. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/Kuznetsov25.htm> (дата обращения: 16.02.2014).
127. Кузнецова О. А. Некоторые особенности детерминации коррупции в России на современном этапе / О. А. Кузнецова // Вестник Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина. Тамбов. 2013. Вып. 12 (128). С. 534-535.
128. Куковский А. А. Некоторые вопросы классификации видов безопасности / А.А. Куковский // Актуальные проблемы права России и стран СНГ — 2010: материалы международной научно-практической конференции. Челябинск, 2010.
129. Кулибаба А. Н. Информационный терроризм [Электронный ресурс] / А. Н. Кудиба. — URL: <http://maxpark.com/community/NOMP.rus/content/1924961> (дата обращения: 21.03.2016).
130. Кутырев В. А. Любовь к мудрости на пороге Нового века / В. А. Кутырев // Вестник МГУ: Философия. — 1998. — № 3.
131. Кутырев В. А. Реконструкция человека (информационная реальность и философская антропология) [Электронный ресурс] / В. А. Кутырев. URL: <http://www.culturalnet.ru/files/kut/05.html> (дата обращения 20.09.17).
132. Лайнбарджер П. Психологическая война / П. Лайнбарджер. Москва : Воениздат, 1962. 351 с.
133. Лассуэл Г. Техника пропаганды в мировой войне: Библиотека иностранной военной литературы / Г. Лассуэл: сокр. пер. с англ. Н. М. Потапова. Москва, Ленинград : Государственное издательство. Отдел военной литературы. 1929. 200 с.
134. Левин В. К. Защита информации в информационно-вычислительных системах и сетях / В. К. Левин // Программирование. 2004. № 5. С. 5-16.
135. Левин З. И. Менталитет диаспоры / З. И. Левин. Москва. 2001.
136. Локк Дж. Два трактата о правлении / Дж. Локк Соч. в 3-х томах. Москва. 1988. Т.3.
137. Локк Дж. Сочинения. В 3-х томах. / Дж. Локк. Москва : Мысль. 1985. Т. 2. 634 с.
138. Лонин А. В. Роль авангарда в развитии социальной сферы жизнедеятельности общества / А. В. Лонин // Теория и история. 2013. № 2 (24). С. 32–41.

139. Лопатин В. Н. Информационная безопасность России: Человек, общество, государство / В. Н. Лопатин. Москва : Фонд «Университет». 2000. 428 с.
140. Лопаткин Р. Конфессиональный портрет России: к характеристике современной религиозной ситуации [Электронный ресурс] / Р. Лопаткин. Режим доступа: www.religare.ru. 2003 (дата обращения: 27.05.2018 г.).
141. Лугавцов К. В. Коррупционная культура как угроза национальной безопасности России / К. В. Лугавцов // Вестник Бурятского государственного университета. — Серия «Философия, социология, политология, культурология». Улан-Удэ. 2015. Вып. 6А.
142. Лукасевич Я. Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики / Я. Лукасевич. Москва : Иностран. лит. 1959. 312 с.
143. Луман Н. Реальность массмедиа / пер.с нем. А.Ю. Антоновского. Москва : Праксис, 2005.
144. Любищев А. А. О критериях реальности в таксономии / А. А. Любищев // Информационные вопросы систематики, лингвистики и автоматического перевода. — Москва : ВИНТИ. 1971. Вып. 1.
145. Ляшенко Ю. А. Отчуждение человека в виртуальной реальности / Ю. А. Ляшенко // Вестник НГУ. Серия: Философия. 2009. Т. 7. Вып. 3. С. 50–52.
146. Макеев А. В. Основы политики национальной безопасности: структурогенез и механизм реализации: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. Москва. 1999.
147. Малюк А. А. Введение в защиту информации в автоматизированных системах / А. А. Малюк, С. В. Пазизин, Н. С. Погожин. Москва : Горячая линия-Телеком. 2001.
148. Манжуева О. М. Философско-этические основания информационной безопасности / О. М. Манжуева. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета. 2010. 111 с.
149. Манжуева О. М. Парадигма информационной безопасности / О. М. Манжуева. Улан-Удэ : Изд-во Бурятского госуниверситета. 2013. 155 с.
150. Манойло А. В. Государственная информационная политика в особых условиях / А. В. Манойло. Москва : МИФИ, 2003. 388 с.
151. Манойло А. В. Информационно-психологическая безопасность / А. В. Манойло, А. И. Петренко, Д. Б. Фролов // Безопасность информационных технологий. 2004. № 1. С. 17-21.
152. Манойло А. В. Информационно-психологическая безопасность современного информационного общества / А. В. Манойло, А. И. Петренко // Стратегическая стабильность. 2003. № 3. С. 59-64.
153. Манойло А. В. Технологии не силового разрешения современных конфликтов / А. В. Манойло. Москва : Горячая линия-Телеком, 2008. 392 с.
154. Мантатов В. В. Стратегия разума: экологическая этика и устойчивое развитие. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во. 1998. 219 с.
155. Мантатов В. В. Этика устойчивого развития в информационную эпоху / В. В. Мантатов, Л. В. Мантатова. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во, 2002.

156. Мантатов В. В. Устойчивое развитие мира: от концептуальной революции к цивилизационной [электронный ресурс] / В.В. Мантатов. — Режим доступа: <http://vestnik.esstu.ru/arhives/Sustainable.pdf> (дата обращения: 11.02.2018).
157. Маньковская Н. Б. Эстетика постмодерна / Н. Б. Маньковская. Санкт-Петербург : Алетейа. 2000.
158. Маркова Е.А. Межэтническая ситуация в Забайкальском крае // Современные наукоемкие технологии. 2010. № 2. С. 125-125. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://top-technologies.ru/ru/article/view?id=24521>. (Дата обращения: 13.08.2018).
159. Мартынова Н. А. Межкультурная коммуникация как особый вид общения / Н. А. Мартынова // Омский научный вестник. 2007. №2 (50).
160. Маслоу А. Г. Мотивация и личность [Электронный ресурс] / А. Г. Маслоу. URL: http://www.bim-bad.ru/docs/maslow_motivation_and_personality.pdf (дата обращения: 21.08.2017).
161. Массовая драка в Иркутской области: почему жители Бильчира выгоняют китайцев-бизнесменов из поселка // Комсомольская правда. 29.06.12. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.irk.kp.ru/daily/25907/2863688/> (Дата обращения: 15.06.2018).
162. Материалы Международной конференции «Россия: тенденции и перспективы развития». (9-10 декабря 2004 г., Москва). Москва. 2004.
163. Межгосударственный стандарт. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Поиск и распространение информации [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://www.docload.ru/Basesdoc/6/6316/index.htm> (дата обращения: 20.08.2014).
164. Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем. Десятый пересмотр. Всемирная организация здравоохранения [Электронный ресурс]. Женева, 1995. Режим доступа: http://base.garant.ru/4100000/#block_5000 (дата обращения: 20.09.2017).
165. Межэтнические конфликты: проблемы миграции в Иркутской области // Lifejournal [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://kprf-irkutsk.livejournal.com/564747.html> (Дата обращения: 23.07.2018).
166. Модельный закон об информатизации, информации и защите информации. (Постановление от 18 ноября 2005 года № 26-7) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=63035 (дата обращения: 20.08.2014).
167. Модельный уголовный кодекс. Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств (с изменениями на 16 ноября 2006 года) [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://docs.cntd.ru> (дата обращения: 18.08.2014).
168. Мчедлова М. М. Религия и общество в России: межконфессиональные отношения и противодействие экстремизму / М. М. Мчедлова, Ю. А. Гаврилов, А. Г. Шевченко // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. Москва : Институт социологии РАН. 2009. Вып. 8.

169. Мыслители Греции. От мифа к логике. Москва : Эксмо-пресс, Харьков : Фолио. 1998.
170. Нагорная М. А. Гражданское общество в России. Понятие, признаки, пути становления [Электронные ресурсы] / М. А. Нагорная // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Режим доступа: <http://www.unn.ru/rus/books/vestnik1.htm> (дата обращения: 18 июня 2018 г.).
171. Назаренко В. А. Национальная безопасность России (современная парадигма) / В. А. Назаренко. Москва: Изд-во НИЦ. 2012.
172. Национально-культурные объединения Республики Бурятия [Электронный ресурс] // Официальный портал органов государственной власти Республики Бурятия. Режим доступа: URL: <http://old.egov-buryatia.ru/index.php?id=378> (Дата обращения: 03.09.2018).
173. Национальный план защиты инфраструктуры США. National Infrastructure Protection Plan — NIPP [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://net.educause.edu> (дата обращения: 18.08.2014).
174. Нерсесянц В. С. Правовое государство : история и современность / В. С. Нерсесянц // Вопросы философии. Москва : 1989. № 2.
175. Николо Макиавелли. Государь / Николо Макиавелли. Москва : Олма Медиа Групп, 2011. 512 с.
176. Носов Н. А. Виртуальная реальность / Н. А. Носов // Вопросы философии. — 2003. № 10. С. 152–164.
177. Носов Н. А. Словарь виртуальных терминов / Н. А. Носов // Труды лаборатории виртуалистики. Москва. 2000. Вып. 7. С. 174.
178. Нтакийича Н. Современные отношения между мигрантами и местным населением в Иркутской области // Научное сообщество студентов XXI столетия. ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ: сб. ст. по мат. VI междунар. студ. науч.-практ. конф. № 6. [Электронный ресурс] / Н. Нтакийича, А. Бархатова. Режим доступа: URL:sibac.info/archive/social/6.pdf (Дата обращения: 26.05.2018).
179. Нюрнбергский процесс: протоколы допросов главных военных преступников / Пер. с англ. — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2017. — (Первопубликация) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://militera.lib.ru/docs/da/np_doprosy/index.html (Дата обращения: 18.06.2018).
180. Общая теория национальной безопасности : учебник / под ред. А. А. Прохожева. Москва : Изд-во РАГС, 2005.
181. Общая теория национальной безопасности. Москва : РАГС, 2002.
182. Отписка воеводы Дмитрия Андреевича Францбекова и дьяка Осипа Степанова об отправке Хабарова в Дауры — ЦГАДА, ф. 159. Приказные дела новой разборки, оп. 2, № 2338, л. 16—18 (список 1682 г.)
183. Панарин И. Н. Информационная война и геополитика / И. Н. Панарин. Москва : Поколение, 2006. 560 с.
184. Парцвания В. В. Правильно ли мы понимаем сущность человека? / В. В. Парцвания.— Тверь. 1996. 144 с.

185. Пеньков И. А. Кибертерроризм и борьба с ним / И.А. Пеньков // Власть. — 2004. № 12. С. 23–28.
186. Петров В. П. Информационная безопасность России в условиях глобализации [Электронный ресурс] / В. П. Петров // Политическое образование. 2014. Режим доступа: URL: <http://www.lawinrussia.ru> (дата обращения: 15.08.2014).
187. Петухов В. Б. Интернет и «информационный терроризм» / В. Б. Петухов // Свободная мысль. — 2008. № 1. С. 169–180.
188. Поздняков А. И. Информационная безопасность / А.И. Поздняков // Безопасность. 1992. № 6. С. 14-23.
189. Поканинова Е. Б. Межрелигиозная толерантность как основа гармонизации государственно-конфессиональных отношений в современной России / Е. Б. Поканинова // Государство. Религия. Церковь в России и за рубежом. Москва : РАГС. 2011. Т. 29. № 3-4. С. 136-137.
190. Попкова Н. В. Философия техносферы / Н. В. Попкова. — Москва : URSS; ЛКИ. 2008.
191. Почепцов Г. Г. Информационные войны / Г. Г. Почепцов. Москва : Рефлбук; К.: Ваклер. 2000. 576 с.
192. Почепцов Г. Г. Информационно-психологическая война / Г. Г. Почепцов. Москва : Синтег. 2000. 180 с.
193. Правовая основа обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: монография / под ред. А. В. Опалева. Москва : ЮНИТИ-ДАНА. 2012.
194. Пригожин И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. Москва : Прогресс, 1986. 432 с.
195. Пропищин А. И. Информационный терроризм как новый вызов человечеству / А. И. Пропищин // Вестник Краснодарского ун-та МВД России. 2009. № 1. С. 134–137.
196. Проскурин С. А. Национальная безопасность страны : сущность, структура, пути укрепления / С. А. Проскурин. Москва. 1991.
197. Прохоренко И. Л. Национальная безопасность и баланс сил / И. Л. Прохоренко // Баланс сил в мировой политике: теория и практика. Москва : ИМЭМО РАН, 1993.
198. Ракилов А. И. Философия компьютерной революции / А. И. Ракилов. Москва : Политиздат, 1991.
199. Расторгуев С. П. Философия информационной войны / С. П. Расторгуев. Москва : Вузовская книга. 2002.
200. Сандакова Л. Г. Конфликт интересов гроссраумов и проблемы международной безопасности Байкальского региона в условиях глобализации и транснационализации / Л. Г. Сандакова, Э. Ч. Дарибазарон // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. Москва. 2017. Т. 6, № 4. С. 205-213.
201. Религиозные объединения Российской Федерации. Москва. 1996.
202. Селезнев И. А. Война и идеологическая борьба / И. А. Селезнев. Москва : Воениздат. 1974. 156 с.

203. Сельцовский П. А. Разновидности и формы терроризма в современных условиях / П. А. Сельцовский // Социально-гуманитарные знания. — 2003. № 4. С. 301–307.
204. Сергей Спиридонов. Восстание в Харагуне // Сегодня.Ру. информационно-аналитическое сетевое издание. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.segodnia.ru/content/23803> (Дата обращения: 15.06.2018).
205. Сибирский субэтнос: традиции, культура, ментальность. Материалы V Всероссийской научно-практической Интернет-конференции на сайте sib-subethnos.narod.ru 15 января — 15 мая 2009 года Красноярск. 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://konferenciya.seluk.ru/9istoriya/785826-1-sibirskiy-subetnos-kultura-tradicii-mentalnost-materiali-vserossiyskoj-nauchno-prakticheskoy-internet-konferencii.php> (дата обращения: 23.07.2018).
206. Сибирский характер как ценность: Коллективная монография / Под общ. ред. доктора педагогических наук, профессора, члена-корреспондента РАО М. И. Шиловой. Красноярск : РИО КГПУ. 2004. 264 с.
207. Сигида Н. А. Теоретическая война / Н. А. Сигида // Теория и история. 2011. № 2(20). С. 159–172.
208. Скорик В. В. Международная информационная безопасность: проблемы и перспективы / В. В. Скорик // Электросвязь. 2008. № 8. С. 2–4.
209. Скоробов А. Закон Мура / А. Скоробов // Сайт математико-механического факультета УрГУ. 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://cs.usu.edu.ru/study/moore/> (дата обращения: 20.11.17).
210. Содномпилов Д. Забытые песни бурят возвращают историю бурят / Д. Содномпилов // Информ-Полис. 07.12.2001.
211. Соколов А. В. Информатические опусы. Опус 3. Онтология информации. Типы реальностей и типы информации / А. В. Соколов // Научные и технические библиотеки. 2010. № 11. С. 7–24.
212. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 20. Ст. 2444.
213. Стрельцов А. А. Содержание понятия «обеспечение информационной безопасности» / А. А. Стрельцов // Информационное общество. Москва. 2001. № 4. С.10-16.
214. Сунь-Цзы. Искусство войны / Сунь-Цзы. Москва : Эксмо. 2011. С. 10.
215. Тарский А. Введение в логику и методологию дедуктивных наук / А. Тарский. Москва : Иностранная литература. 1948. 327 с.
216. Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. М. Н. Марченко. Москва : Зерцало. ТЕИС. 1996.
217. Тонконогов А. В. Информационно-психологическая безопасность в системе духовной безопасности современной России / А. В. Тонконогов // Власть. 2010. № 6. С. 53-56.
218. Тоффлер Э. Метаморфозы власти / Э. Тоффлер: пер.с англ. — Москва : АСТ, 2003. 669 с.
219. Тощенко Ж. Т. Политическая социология / Ж. Т. Тощенко. Москва. 2002.
220. Тощенко Ж. Т. Социология жизни / Ж. Т. Тощенко. Москва. 2016. С. 78-80.

221. Тощенко Ж.Т. Религиозная идентичность и бюрократия Перепечатка с сайта Института социологии РАН [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.isras.ru/> URL: <http://www.civisbook.ru/files/File/Toshenko.pdf>. (дата обращения: 16.06.2018 г.).
222. Туркулец С. Е. Социально-проективный потенциал права: диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. Улан-Удэ. 2012. С. 257-261.
223. Тюгаева Е. В. Влияние информационной реальности на современных школьников [Электронный ресурс] / Е. В. Тюгаева. Режим доступа: <http://festival.1september.ru/articles/314909/> (дата обращения: 01.09.17).
224. Уголовный кодекс Российской Федерации. Москва : Проспект, КноРус. 2010.
225. Уголовный кодекс Франции. Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс. 2002. 650 с.
226. Уголовный кодекс ФРГ. М, 1996; Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. Особенная часть [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1242733&subID=100102942,100102944#text> (дата обращения: 10.02.2015).
227. Урсул А. Д. Информационная безопасность. Сущность, содержание и принципы ее обеспечения [Электронный ресурс] А. Д. Урсул, Т.(Ф). Н. Цырдя. Режим доступа: URL: <http://security.ase.md/publ/ru/pubru22.html> (дата обращения: 22.08.2014).
228. Федеральный закон № 85-ФЗ от 04.07.1996 «Об участии в международном информационном обмене» // Собрание законодательства РФ, 1996. № 28. Ст. 3347.
229. Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. N 390-ФЗ «О безопасности» // Российская газета. Федеральный выпуск № 5374. 2010. 29 декабря.
230. Федоров И. Ф. Философия общего дела / И. Ф. Федоров. Москва : Книга по требованию, 2012. 755 с.
231. Филатов С. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность [Электронный ресурс]/ С. Филатов, Р. Лункин. Режим доступа: <http://religion.russ.ru> (дата обращения: 14.05.2018 г.).
232. Фомина Н. В. Власть лучших : монография / Н. В. Фомина. — Красноярск: СИБУП, 2006. 136 с.
233. Фрейд З. Три очерка по теории сексуальности [Электронный ресурс] / З. Фрейд. Режим доступа: <http://zigmund.ru/data/5.doc> (дата обращения: 20.09.2017).
234. Хабриева Т. Я. Научные подходы к освоению современных стандартов и технологий противодействия коррупции / Т. Я. Хабриева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2014 . № 3.
235. Хитарова И. Ю. Философско-культурологический анализ информационной безопасности культурного наследия: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Санкт-Петербург. 2008. 33 с.

236. Хрипков М. П. Внутренние угрозы национальной безопасности России: сущность, структура, социальные последствия : автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора социологических наук / М. П. Хрипков. Москва. 2004.
237. Циолковский К. Э Промышленное освоение космоса К. Э. Циолковский. Москва : Машиностроение, 1989. 278 с.
238. Цырендоржиева Д.Ш. Значение этических мер в процессе обеспечения информационной безопасности / Д. Ш. Цырендоржиева, О. М. Манжуева // Вестник Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления. Улан-Удэ. 2014. № 3(45). С. 143–149.
239. Цырендоржиева Д. Ш. Российская коррупционная культура : концептуальный анализ / Д. Ш. Цырендоржиева, К. В. Лугавцов // Актуальные проблемы социальной философии : сб. науч. ст. / науч. ред. Д. Ш. Цырендоржиева ; отв. ред. М. В. Бадмаева. Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 2015. Вып. 4.
240. Цырендоржиева Д. Ш. Системный метод исследования общества / Д. Ш. Цырендоржиева. Москва : Спутник+, 2002.
241. Чагдурова Э. Д. Обыденное религиозное сознание современных россиян (на примере Республики Бурятия) / Э. Д. Чагдурова // Символ науки. 2016. № 11-4. С. 210-212.
242. Чернов А. А. Становление глобального информационного общества: проблемы и перспективы / А. А. Чернов. Москва : ДашковиК, 2003.
243. Черновицкая Ю. В. Интернет и информационно-коммуникативная реальность [Электронный ресурс] / Ю. В. Черновицкая, Э. Ю. Калинин // Журнальный клуб Интелрос. Вестник Российского философского общества. — 2011. № 4. — Режим доступа: <http://www.intelros.ru/readroom/vestnik-rossijskogo-filosofskogo-obshhestva/vestnik-4-60-2011/13203-internet-i-informacionno-kommunikativnaya-realnost.html> (дата обращения: 25.05.16).
244. Чижевский А. Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия : сб. трудов / А. Л. Чижевский. Москва : Мысль, 1995. 768 с.
245. Чижик П. И. Духовная безопасность российского общества как фактор военной безопасности государства: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Москва. 2000.
246. Чуринов Н. М. Русский экономический проект [Электронный ресурс] / Н. М. Чуринов. Режим доступа: <http://rusk.ru/st.php?idar=155993&fpage=1> (дата обращения: 02.02.12).
247. Шамсуев М.-Э. Х. Теоретические аспекты изучения информационной безопасности // Теория и практика общественного развития. 2010. № 2.
248. Шерстюк В. П. МГУ: научные исследования в области информационной безопасности / В. П. Шерстюк // Информационное общество. Москва : МЦНМО, 2005. Вып. 1.
249. Шерстюк В. П. О развитии в МГУ научных исследований и учебного процесса в области информационной безопасности / В. П. Шерстюк // Научные и методологические проблемы информационной безопасности. Москва : МЦНМО. 2004. С. 37-47.

250. Энциклопедия Забайкалья. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://encycl.chita.ru/encycl/person/?id=2112> (Дата обращения: 25.06.2018).
251. Этапы движения народов Советских республик к государственному единству. Образование СССР и принципы его национальной политики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ronl.ru/lektcii/istoriya/919412/> (Дата обращения: 23.06.2018).
252. Этические аспекты новых технологий. Обзор. Москва : Права человека. 2007.
253. Юнг К. Г. Проблемы души нашего времени / К. Г. Юнг. Москва : Прогресс-Универс. 1993. 329 с.
254. Юрий Попов. Погром азербайджанцев в Харагуне: как и почему это было//Русская народная линия — информационно-аналитическая служба. Православие. Самодержавие. Народность. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2006/07/07/pogrom_azerbajdzhancev_v_haragune_kak_i_pochemu_e_to_bylo/ (Дата обращения: 12.07.2018).
255. Яновский Р. Г. Глобальные изменения и социальная безопасность / Р. Г. Яновский. Москва : Academia. 1999. 358 с.
256. Ярулин И. Ф. Общественность гражданского общества / И. Ф. Ярулин // В поисках гражданского общества. НовГУ имени Ярослава Мудрого. Великий Новгород. 2008. Серия «Научные доклады». Вып. 5. С. 82-172.
257. Ясенов В. Н. Информационная безопасность в экономических системах / В. Н. Ясенов. Нижний Новгород : ННГУ. 2006.
258. 1597 г. января 27 — Грамота царя Федора Ивановича в Пустозеро посадским земским людям Сухану Леонтьеву, Сергею Дубровину и Сидору Иванову о челобитной ненцев Хубея Сахина с братом и детьми об обережении их от насильств, чинимых данными сборщиками — ЦГАДА, ф. 159. Приказные дела новой разборки, оп. 2, № 2338, л. 9—15 (список 1682 г.)
259. Buhl A. Die virtuelle Gesellschaft. ukraine, Politik und Kultur im Zeichen des Cyberspace. Opladen. 1997.
260. Collin B. The Future of Cyberterrorism // Crime & Justice International Journal. 1997. Vol. 13. Вып. 2.
261. Denning P. J. Exponential Laws of Computing Growth [Электронный ресурс] / P. J. Denning, T. G. Lewis // Communications of the ACM, January, 2017. Vol. 60. № 1. Режим доступа: <https://cacm.acm.org/magazines/2017/1/211094-exponential-laws-of-computing-growth/fulltext> (дата обращения: 20.11.17).
262. Di Palma V. J. The role of academia in anti-corruption collective action [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://corruptionresearchnetwork.org/acrn-news/blog/the-role-of-academia-in-anti-corruption-collective-action>. (дата обращения : 17.04.2018).
263. Drucker P. F. The Age of Discontinuity. Guidelines to Our Changing Society / P. F. Drucker. London: New Brunswick (US), 1994.
264. Flugel J. Prof. W. Mc Dougall. 1871–1938. // Brit. J. Psychol. Gen. section. 1999. Vol. 29.

265. Hartley R. V. L. Transmission of Information / R. V. L. Hartley // Bell System Technical Journal. — July 1928. P. 535–563.
266. Holl S. The centrality of culture: notes on the cultural revolutions of our Time / S. Holl // Media and cultural regulation. London: Open Univ., 1997. 207 p.
267. Katz R. L. The Information Society: An International Perspective. New York. 1988. 189 p.
268. Life journal. БГ Иркутск. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bg-irkutsk.livejournal.com/5794367.html> (Дата обращения: 15.08.2018).
269. Masuda Y. The Information Society as Post-Industrial Society / Y. Masuda. — Washington, D.C.: World Future Society, 1981. 171 p.
270. Nyquist H. Certain Factors Affecting Telegraph Speed / H. Nyquist // Bell System Technical Journal. — April 1924.
271. Shannon C. E. A Mathematical Theory of Communication [Электронный ресурс] / C. E. Shannon // System Technical Journal. — 1948. Vol. 27 P. 379–423, 623–656.
272. Stonier T. The Wealth of Information. A Profile of the Post-Industrial Economy. London, 1983. 114 p.
273. Tafoya W. L. Cyber Terror [Электронный ресурс] / W. L. Tafoya // FBI Law Enforcement Bulletin. — 2011. — Режим доступа: <http://www.fbi.gov/stats-services/publications/law-enforcement-bulletin/november-2011/cyber-terror> (дата обращения: 27.04.2014).
274. Torsello D. The premium chocolate box, or why culture matters for understanding corruption [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://corruptionresearchnetwork.org/acrn-news/blog/blog-the-premium-chocolate-box-or-why-culture-matters-for-understanding-corruption> (дата обращения: 17.04.2018 г.).
275. Tsyrendorzhiya D., Bagaeva K., Balchindorzhieva O. De-secularization and traditional religions in Russia// The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. RRI 2016 International Conference «Responsible Research and Innovation». 2017.
276. Yukio T. The dominance of English and Linguistic discrimination / T. Yukio // Media Development. New York. 1992.

Сведения об авторах

Багаева Ксения Анатольевна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Бурятского государственного университета.

Сфера научных интересов: религия, общество, культура, государство; межконфессиональные и государственно-религиозные отношения, трансформация религиозных отношений; буддизм, православие, ислам.

Бадмаева Мария Валентиновна, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Бурятского государственного университета.

Сфера научных интересов: социальная философия П. Сорокина, социокультурные процессы, социальная структура, проблемы глобализации, социальное развитие, личностное измерение социальных процессов, проблемы гражданского общества.

Бальчиндоржиева Оюна Баировна, доктор философских наук, доцент кафедры философии Бурятского государственного университета.

Сфера научных интересов: теория модернизации, культурная модернизация, социокультурная динамика, гармоничное развитие, проблемы развития китайского общества, конфуцианство.

Корягин Валентин Викторович, соискатель кафедры философии Бурятского государственного университета.

Сфера научных интересов: тенденции развития информационного общества, информационная реальность, проблемы личности.

Лугавцов Константин Викторович, аспирант Бурятского государственного университета.

Сфера научных интересов: национальная безопасность; коррупция как угроза национальной безопасности; возникновение и распространение коррупции; механизмы проникновения коррупционных «норм» и практик в различные формы социальных взаимодействий.

Манжуева Оксана Михайловна, доктор философских наук, доцент кафедры библиотечно-информационных ресурсов Восточно-Сибирского государственного института культуры

Сфера научных интересов: информационное общество, информационная безопасность, информационная этика, права и обязанности человека в информационной среде.

Сандакова Людмила Гармаевна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Бурятского государственного университета.

Сфера научных интересов: социальное проектирование, социально-философская рефлексия современных геополитических процессов; конвергенция социально-гуманитарного и естественнонаучного знания; синтез философских систем «Запад-Восток».

Цырендоржиева Дари Шойбоновна, доктор философских наук, профессор кафедры философии Бурятского государственного университета.

Сфера научных интересов: системный метод, синергетика, социальная динамика, нравственность, ценность, традиции и новации, социальный конфликт, безопасность.

Чагдурова Эржена Дондобовна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Бурятского государственного университета.

Сфера научных интересов: философия культуры, межкультурная коммуникация, межэтнические отношения, транзитивное общество, человек, религия, этнос, средства массовой информации.

Оглавление

Введение (<i>О. Б. Бальчиндоржиева</i>)	3
Раздел 1. Информационная безопасность как компонент национальной и всеобщей безопасности (<i>О. М. Манжуева</i>).....	5
Раздел 2. Современное информационное общество: особенности его развития (<i>Д. Ш. Цырендоржиева, В. В. Корягин</i>).....	52
Раздел 3. Развитие институтов гражданского общества как основа национальной безопасности России (<i>М. В. Бадмаева</i>).....	88
Раздел 4. Межконфессиональные отношения в российском обществе как основа и как угроза национальной безопасности (<i>К. А. Багаева</i>).....	110
Раздел 5. Коррупция как угроза государственной безопасности (<i>Д. Ш. Цырендоржиева, К. В. Лугавцов</i>).....	126
Раздел 6. Межкультурное взаимодействие и проявления ксенофобии в современной России на примере Байкальского региона (<i>О. Б. Бальчиндоржиева, Э. Д. Чагдурова</i>).....	151
Раздел 7. Международная безопасность в условиях глобализации (<i>Л. Г. Сандакова</i>).....	187
Заключение (<i>К. А. Багаева</i>).....	195
Литература.....	199
Сведения об авторах.....	217

Научное издание

*Ксения Анатольевна Багаева, Мария Валентиновна Бадмаева,
Оюна Баировна Бальчиндоржиева, Валентин Викторович Корягин,
Константин Викторович Лугавцов, Оксана Михайловна Манжуева,
Людмила Гармаевна Сандакова, Дари Шойбоновна Цырендоржиева,
Эржена Дондобовна Чагдурова*

ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

МОНОГРАФИЯ

Редактор К. А. Багаева

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 31.10.2018. Формат 60х84 1/16.
Уч.-изд. л. 11,31. Усл. печ. л. 12,78. Тираж 500. Заказ 183.
Цена свободная.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com

Отпечатано в типографии Издательства
Бурятского государственного университета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а